

Выпуск № 2, 2023

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ISSN 2219-5254

ISSN 2500-2791 (online)

Вестник Ивановского государственного университета

ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

2023. Вып. 2

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Реестровая запись 30 июля 2020 г. ПИ № ФС 77-78823

Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук
(ред. от 22.10.2021 г.)

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

РЕДАКЦИЯ:

- Е.М. Тюленева*, д-р филол. наук (*главный редактор серии*) (Россия, Иваново)
Г.С. Смирнов, д-р филос. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)
В.М. Тюленев, д-р ист. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)
О.С. Горелов, д-р филол. наук (*ответственный секретарь*) (Россия, Иваново)
А.Ю. Алексеев, д-р филос. наук (Россия, Москва)
М.В. Белов, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)
К.В. Воденко, д-р филос. наук (Россия, Новочеркасск)
Н.Ю. Гвоздецкая, д-р филол. наук (Россия, Москва)
Д.И. Дубровский, д-р филос. наук (Россия, Москва)
А.И. Жеребин, д-р филол. наук (Россия, Санкт-Петербург)
А.А. Житенев, д-р филол. наук (Россия, Воронеж)
Ф.И. Карташкова, д-р филол. наук (Россия, Иваново)
Е.В. Маринова, д-р филос. наук (Болгария, София)
Р.Я. Подоль, д-р филос. наук (Россия, Рязань)
Д.И. Польшанский, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
Ф.А. Селезнев, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)
Д.Г. Смирнов, д-р филос. наук (Россия, Иваново)
Ц.Й. Степанов, д-р ист. наук (Болгария, София)
А.А. Федотов, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
В.Н. Финогентов, д-р филос. наук (Россия, Орёл)
З.А. Харитончик, д-р филол. наук (Беларусь, Минск)
Ю.Л. Цветков, д-р филол. наук (Россия, Иваново)
В.Л. Черноперов, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
К.А. Юдин, канд. ист. наук (Россия, Иваново)

Адрес редакции (издателя):

153025 Ивановская обл., г. Иваново,
ул. Тимирязева, 5, к. 304
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2023

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series «The Humanities»

2023. Issue 2

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere of Communication,
Information Technology and Mass Communications.
Registry entry ПИИ № ФС 77-78823 of July 30, 2020

The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations
(issued on 22.10.2021)

Founded by Ivanovo State University

EDITION:

- E.M. Tyuleneva*, Doctor of Philology (*Chief Editor of the Series*) (Russia, Ivanovo)
G.S. Smirnov, Doctor of Philosophy (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)
V.M. Tyulenev, Doctor of History (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)
O.S. Gorelov, Doctor of Philology (*Secretary-in-Chief*) (Russia, Ivanovo)
A.Yu. Alekseev, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)
M.V. Belov, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)
K.V. Vodenko, Doctor of Philosophy (Russia, Novocheboksarsk)
N.Yu. Gvozdetskaya, Doctor of Philology (Russia, Moscow)
D.I. Dubrovsky, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)
A.I. Zhrebina, Doctor of Philology (Russia, Saint-Petersburg)
A.A. Zhitenev, Doctor of Philology (Russia, Voronezh)
F.I. Kartashkova, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)
E.V. Marinova, Doctor of Philosophy (Bulgaria, Sofia)
R.Ya. Podol, Doctor of Philosophy (Russia, Ryazan)
D.I. Polyvyanny, Doctor of History (Russia, Ivanovo)
F.A. Seleznev, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)
D.G. Smirnov, Doctor of Philosophy (Russia, Ivanovo)
C.Y. Stepanov, Doctor of History (Bulgaria, Sofia)
A.A. Fedotov, Doctor of History (Russia, Ivanovo)
V.N. Finogentov, Doctor of Philosophy (Russia, Orel)
Z.A. Kharitonchik, Doctor of Philology (Belarus, Minsk)
Yu.L. Tsvetkov, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)
V.L. Chernoperov, Doctor of History (Russia, Ivanovo)
K.A. Yudin, Candidate of Science, History (Russia, Ivanovo)

Address of the editorial office:

153025, Ivanovo region, Ivanovo,
Timiryazev str., 5, office 304
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Index of subscription
in the catalogue «Russian Press» 41512
Electronic copy of the journal can be found
on the web-sites www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

Литературоведение

- Богач Д.А.** Ценность семьи в мировоззренческом опыте Ф.М. Достоевского 5
Разухина К.Э. Особенности не-остранения в романе О. Васякиной «Степь» 13
Цветков Ю.Л. «Любит — не любит?»: игровое начало цикла одноактных драм
«Анатоль» Артура Шницлера 22

Языкознание

- Бабаян В.Н.** Молчаливый наблюдатель как продуцент диалогического дискурса
терциарной речи 34
Кокурина И.В. Фрейм «опасность» в программе немецкой партии
«Альтернатива для Германии» 44
Пастухова Е.Н. Типы комических текстов в русско- и англоязычном интернет-
дискурсе 52
Селеменова О.А. Экспликация аксиологических оппозиций в поэтических
текстах И.А. Бунина (На материале мифонимов) 61

История

- Балдин К.Е.** Забытый иваново-вознесенский фабрикант Павел Акифьев:
поборник технического прогресса и социальный экспериментатор
(конец XIX — начало XX в.) 70
Бородина М.Ю., Рыжов И.В., Савичева Е.М. Трансформация
внешнеполитического курса КСА на Ближнем Востоке 2015—2022 гг. 81
Буданова И.А., Никифорова В.А. От Лейпцигской хартии к... Лейпцигской
хартии: становление городской повестки Европейского союза
(2007—2020) 94
Корников А.А. Союз геральдистов России и развитие современной
отечественной геральдики 105
Симоненко Е.С. Правительственные меры по стимулированию воинского
набора в Канаде в разгар Первой мировой войны (По материалам
канадской прессы) 115
Христенко Д.Н. Фактор США в сохранении устойчивости режима С. Хусейна
после войны в Персидском заливе (1990—1991 гг.) 122
Шушканова Е.А. Роль сибирской крестьянской общины в православном
приходе Российской империи 132

Философия

- Кожевников Н.Н., Данилова В.С.** Онтологические структуры мифологии,
религии, философии, науки как ступени универсализации в познании мира 139
Подоль Р.Я. Когнитивный инфантилизм в рефлексии ноосферного сознания 149
Ерофеева К.Л., Зеленцова М.Г. Этический универсализм в философии
морали: динамика общечеловеческого 163
Меликян М.А., Смирнов Д.Г. Философия человеческого качества:
искушение hi-tech и hi-hum искупление 174
Элбакян А.А. Открытость как когнитивная и социальная ценность 183

Рецензии

- Денисов К.М., Карпова О.М.** Габитус как основа культурного, научного
и социального взаимодействия. *Рец. на кн.: Лингвокультурное
и коммуникационное пространство человека: (к юбилею профессора
Фаины Иосифовны Карташковой): коллектив. моногр. /*
отв. ред. Е.А. Вансяцкая. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2022. 256 с. 190

CONTENTS

Philology

Literary criticism

- Bogach D.A.** The value of the family in the worldview of F.M. Dostoevsky 5
Razukhina K.E. Features of non-estrangement in O. Vasyakina's novel "The Steppe" 13
Tsvetkov Yu.L. "He loves me — loves me not?": the game in the cycle of one-act
dramas "Anatole" by Arthur Schnitzler 22

Linguistics

- Babayan V.N.** A silent bystander as a tertiary dialogical discourse producer 34
Kokurina I.V. The frame "danger" in the program of the Alternative for Germany party 44
Pastukhova E.N. Types of comic texts in the Russian and English Internet discourse ... 52
Selemeneva O.A. Explication of the axiological oppositions in I.A. Bunin's poetic
text (Mythonyms studies) 61

History

- Baldin K.Ye.** Forgotten manufacturer from Ivanovo-Voznesensk Pavel Akifyev:
proponent of technological progress and social experimentalist (late XIX —
early XX century) 70
Borodina M.Yu., Ryzhov I.V., Savicheva E.M. Transformation of the KSA
foreign policy course in the Middle East 2015—2022 81
Budanova I.A., Nikiforova V.A. From Leipzig Charter to... Leipzig Charter:
formation of the European Union urban agenda (2007—2020) 94
Kornikov A.A. The Union of Heraldists of Russia and the development of modern
domestic heraldry 105
Simonenko E.S. Government measures to stimulate military recruitment in Canada
at the height of the First World War (Based on the Canadian press) 115
Khristenko D.N. The US factor in preserving S. Hussein's regime stability's
after the Gulf War (1990—1991) 122
Shushkanova E.A. The role of the Siberian peasant community in the Orthodox
parish of the Russian Empire 132

Philosophy

- Kozhevnikov N.N., Danilova V.S.** Ontological structures of mythology, religion,
philosophy, science as stages of universalization in developing
the world knowledge 139
Podol R.Ya. Cognitive infantilism in the reflection of noospheric consciousness 149
Erofeeva K.L., Zelentsova M.G. Ethical universalism in the philosophy
of morality: dynamics of the generally-human 163
Melikyan M.A., Smirnov D.G. Philosophy of human quality: hi-tech temptation
and hi-hume redemption 174
Elbakyan A.A. Openness as a cognitive and social value 183

Reviews

- Denisov K.M., Karpova O.M.** Habitus as a basis of cultural, scientific and social
interaction. *Book review*: Linguocultural and communicative space of a person
(Devoted to Professor F.I. Kartashkova's jubilee), ed. by E.A. Vansjatskaya,
Ivanovo: Ivanovo State University, 2022, 256 p. 190

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
LITERARY CRITICISM

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2. С. 5—12.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 2. P. 5—12.

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.46726/И.2023.2.1

**ЦЕННОСТЬ СЕМЬИ В МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОМ ОПЫТЕ
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО**

Дмитрий Александрович Богач

Радиотехнический колледж, г. Санкт-Петербург, Россия, bogach_tv_86@mail.ru

Аннотация. На материале публицистики Ф.М. Достоевского, эпистолярия писателя, мемуарной литературы близких родственников художника рассматривается ценность семьи в мировоззренческом опыте одного из виднейших представителей мировой литературы и философии. Анализируются в контексте художественной аксиологии писателя фундаментальные убеждения Ф.М. Достоевского о семейном вопросе, которые показывают, что система ценностей писателя базируется главным образом на таких духовных константах, как непоколебимость христианских оснований человеческого общества, прочность взаимоотношений между родителями и детьми, между мужем и женой. Положительная семейная репутация Ф.М. Достоевского в оценке близких людей определена хорошим воспитанием, глубокой религиозной культурой, царившей в семейных нормах Достоевских, а главное — фактом рождения в крепкой, любящей и благочестивой семье, которую писатель почитал за образец малой церкви.

Ключевые слова: русская литература, Ф.М. Достоевский, аксиология, А.Г. Достоевская, А.М. Достоевский, Л.Ф. Достоевская, мысль семейная, почвенничество, религиозная философия

Для цитирования: Богач Д.А. Ценность семьи в мировоззренческом опыте Ф.М. Достоевского // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. С. 5—12.

Original article

THE VALUE OF THE FAMILY IN THE WORLDVIEW OF F.M. DOSTOEVSKY

Dmitry A. Bogach

Radio Technical College, St. Petersburg, Russian Federation, bogach_tv_86@mail.ru

Abstract. On the material of the journalism of F.M. Dostoevsky, the epistolary of the writer, the memoir of the artist's close relatives, as well as the previously unpublished correspondence of L.F. Dostoevsky 1915. The fundamental beliefs of F.M. Dostoevsky about the family issue are analyzed in the context of the writer's artistic axiology, which show that the writer's value system is based mainly on such spiritual constants as the steadfastness of the Christian foundations of human society, the strength of the relationship between parents and children, between husband and wife. The positive family reputation of F.M. Dostoevsky in assessing loved ones is determined by good education, deep religious culture that reigned in Dostoevsky's family norms, and most importantly — the fact of birth in a strong, loving and pious family, which the writer has revered all his life as an example of a small church.

Keywords: Russian literature, F.M. Dostoevsky, axiology, A.G. Dostoevsky, A.M. Dostoevsky, L.F. Dostoevsky, family thought, soil science, religious philosophy

For citation: Bogach D.A. The value of the family in the worldview of F.M. Dostoevsky, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 2, pp. 5—12.

В истории литературоведческой науки тема семьи (или, как принято её обозначать, «мысль семейная») в творчестве Ф.М. Достоевского в частности и в аспекте художественной традиции XIX в. в целом не является чем-то неожиданным и новаторским (см. работы А.А. Белкина [Белкин: 276], В.К. Кантора [Кантор: 68], Н.М. Чиркова [Чирков: 237], Г.К. Щенникова [Щенников: 11], Ф.В. Макаричева [Макаричев: 96], Ю.Ф. Карякина [Карякин], Т.А. Касаткиной [Касаткина], В.С. Нечаевой [Нечаева], О.Ю. Юрьевой [Юрьева], М.А. Спиженковой [Спиженкова], В.А. Михнюкевича [Михнюкевич], А. Ранне [Ранне], А.В. Бабука [Бабук: 125—126] и др.).

С другой стороны, в осмыслении темы семьи у Достоевского, по нашему мнению, в методологическом отношении за пределами внимания исследователей до сих пор остается аксиологический подход, который более чем продуктивен в интерпретации художественного мира писателя, потому что базируется на генетическом родстве мировоззренческого опыта творца и его творения; иными словами, аксиологический подход может быть успешно апробирован в практике изучения семейных ценностей в наследии Ф.М. Достоевского, поскольку в самом образе семьи и различных формах его воплощения отражаются особенности авторского мировосприятия, мировоззренческий, биографический, художественный, духовный опыт писателя.

Семейная аксиология Ф.М. Достоевского базируется преимущественно на его почвеннических убеждениях, в основе которых лежат такие ценности, как непоколебимость христианских оснований человеческого общества, прочность взаимоотношений между родителями и детьми, между мужем и женой, национальные основы воспитания как катализатор развития государства и общества в целом. Говоря о национальной составляющей семейной аксиологии, важно отметить тот факт, что Достоевский, когда писал в «Дневнике писателя» о том, что происходил из «семейства русского и благочестивого» [Достоевский Ф.: 134],

то, по нашему мнению, данные определения синхронизировал в одну семантическую плоскость; иными словами, в тезаурусе писателя «русское» и «благочестивое» семейство являются понятиями с тождественным аксиологическим содержанием.

Национальная основа семейного воспитания, по Достоевскому, исходит из глубинных корней патриотизма: консолидированная идея естественной правды (почвы), общий русский дух, базовые традиционные религиозные ценности, способные объединить народ и интеллигенцию, либералов и демократов, людей разных сословий и политических взглядов. Социальный феномен «молодежи без почвы», детей, воспитанных в отчужденности от национальных корней и культуры, определяется в мировоззрении писателя внутрисемейными отношениями [Там же: 132]. Тем самым понятие «благочестивое семейство» в сознании Достоевского связано с религиозным национальным кодом (почвенничеством), в основе которого — принятие народного корня, способность к всепримирению, к всечеловеческому единству, к братской любви: «Нет, нечто другое изменило взгляд наш, наши убеждения и сердца наши <...> Это нечто другое было непосредственное соприкосновение с народом, братское соединение с ним в общем несчастье, понятие, что сам стал таким же, как он...» [Там же: 134].

Достоевский категорично настаивал на том, что истоки русского революционаризма и растрепанности русского общества упираются своими корнями в нравственный облик отдельных семей. Так, Достоевский, объясняя, откуда берутся «монстры террора» и их «катехизисы», по своему опыту «бывшего петрашевца» утверждает, что ни радикальные идиоты, ни идейные фанатики не входят в круг заговорщиков и безумцев; как считал Достоевский, русский бунтовщик — это, как правило, образованный молодой человек, выросший в интеллигентных семьях и воспитанный в приличных колыбелях, но лишенный самого главного — духа народного, преемственности поколений и национальной почвы нравственного развития [Там же].

Тем самым благочестивое (русское) семейство в мировоззренческом опыте Достоевского является непреходящей ценностью, а аксиологические идеалы семейственности и адекватного воспитания личности в семье, по мнению писателя, должны базироваться на любви к Отечеству, на отсутствии цинизма и высокомерия в отношении к народным традициям и культуре, на национальном религиозном (православном) наследии, что подразумевает не только постижение библейской книжности (знание Евангелия «с самого первого детства»), но и *кровное родство поколений* на основе общих христианских норм и правил человеческого общежития.

Важно понимать, что семейные ценности, открыто декларируемые Ф.М. Достоевским и в публицистике, и в эпистолярной, и в художественном творчестве, так или иначе непосредственно *сказываются* в биографии писателя и находят прямое воплощение в практике его внутрисемейных отношений, о чем красноречиво свидетельствуют те люди, которые были знакомы непосредственно с семейной репутацией художника — близкие родственники Ф.М. Достоевского. В интерпретации брата писателя А.М. Достоевского, жены и дочери — А.Г. Достоевской и Л.Ф. Достоевской — семья как ценность в мировоззренческом опыте Ф.М. Достоевского базируется на деятельной и активной любви по отношению к близким людям, на образцовом и авторитетном поведении, на равнодушном отношении к формированию положительной репутации главы семейства, модальность которой, по мнению писателя, должна

зависеть от сформированных традиций, духовных оснований, определенных норм и правил в «аксиологическом» восприятии окружающих и близких.

В воспоминаниях А.М. Достоевского о жизни на Божедомке семейная репутация Ф.М. Достоевского обезличена и воплощена сквозь призму коллективного благородного сообщества, где сформировались высокие идеалы нравственно полноценных людей — детей семейства Достоевских. А.М. Достоевский отмечает, что в большой семье, несмотря на сложные жизненные обстоятельства, главной ценностью были любовь к детям и почтение к родителям, среди братьев был развит институт наставничества. Важно отметить, что дети не знали никаких преград и субординационных дистанций в отношении с родителями; воспитание в семье было основано на гуманизме, дети не видели домашнего насилия, не подвергались телесным наказаниям [Достоевский А.: 35].

Для А.М. Достоевского первостепенное значение имела репутация родителей, о которых он говорил с особым почтением как о людях высокой культуры, самоотверженных, чутких и отзывчивых, готовых пожертвовать последним ради блага своих детей. Об отце А.М. Достоевский отзывался как о человеке добродетельном, милосердном и настоятельно развенчивал заблуждения О.Ф. Миллера, первого биографа Ф.М. Достоевского, о том, что глава семейства Достоевских был нервным и экзальтированным тираном [Там же: 35—65].

В воспоминаниях А.Г. Достоевской семейная репутация Достоевского находится в эпицентре повествования. И Достоевский здесь — главный герой: мужчина всей ее жизни, заботливый отец, любящий и любимый муж (см. [Андрианова: 92]).

Семейная репутация Достоевского в интерпретации его жены сложилась, по нашему мнению, абсолютно положительной и авторитетной несмотря на то, что перед читателем — Достоевский без глянца, его нелощеный образ. Анна Григорьевна была откровенна в своих воспоминаниях о муже, однако под ее пером даже недостатки Достоевского-семьянина превратились в его достоинства, работали на создание репутации со знаком «плюс». Например, приступы ревности Достоевского можно интерпретировать как страх потерять любимую жену, потому что она была смыслом его жизни, надеждой на обретение долгожданного счастья, Божьим даром («Мне тебя Бог вручил» [Достоевская А. 2016: 156]), жадной новой жизни [Там же: 119, 184]. Другой пример: деловая непрактичность Достоевского, его странные финансовые обязательства перед неродным сыном и женой брата, которые могли расстроить брак, воспринимаются мемуаристкой как наивность и высокая добродетель, как потребность помочь ближнему. Тем более, что Достоевский искренне считал себя обязанным пожизненно опекать пасынка Пашу Исаева и Эмилию Федоровну, жену М.М. Достоевского [Там же: 191].

Такая репутация сложилась не благодаря, а вопреки. Особенно вопреки тем сложным обстоятельствам, с которыми столкнулись молодые супруги в первый год своей жизни. В «Дневнике 1867 года» А.Г. Достоевская эмоционально отмечала, что ее брак с Достоевским может быть обречен. Женские опасения были мотивированы, с одной стороны, импульсивным темпераментом молодых супругов (сцены ревности, которые нередко наблюдались в практике взаимоотношений Достоевских, были взаимными), с другой стороны, богатым прошлым Достоевского (переписка с А. Суловой), с которым он не мог порвать во имя счастья и благополучия своей жены [Достоевская А. 1993: 20, 174].

Однако впоследствии впечатления А.Г. Достоевской о своем муже стали более осознанными, взвешенными, а мнение о Достоевском-семьянине и его репутации стало прямо противоположным: муж-ревнивец и муж-скандалист в глазах

молодой (и на тот момент — неопытной) супруги обрел статус заботливого отца и нежного мужа, для которого счастье семьи, деятельная любовь по отношению к близким есть ценности высшего порядка [Достоевская А. 2016: 298].

Несмотря на трудные жизненные испытания, А.Г. Достоевская брак с писателем считала лучшим временем своей жизни [Там же: 139]. Серьезные переипетии сближали супругов, заставляли лучше понимать и ценить друг друга, создали ту прочную взаимную привязанность, благодаря которой супруги были счастливы до последних дней. А.Г. Достоевская впоследствии признавалась, что под влиянием Ф.М. Достоевского кардинально изменилась, то же самое можно сказать и о Достоевском: в браке с Анной Григорьевной его сложная строптивая натура изменилась к лучшему, ранее не склонный к компромиссам писатель стал мягче, добрее и снисходительнее к людям [Там же: 152].

Можно без преувеличения констатировать то, что мемуаристка открыла читателю нового Достоевского — и в этом отчасти научная ценность ее мемуаров. Легенда об угрюмом и мрачном писателе пером А.Г. Достоевской была уничтожена, потому что в ее восприятии Достоевский был другим человеком, каким и был на самом деле: благодушным, радостным и веселым [Там же: 144]. Достоевская видела в своем муже высокого по своим нравственным качествам человека, гордилась его любовью, дружбой и уважением. Эти положительные качества реализовались в социальных ролях Достоевского-семьянина: отца и мужа.

Анна Григорьевна вспоминает, что Достоевский окружил ее такой трепетной заботой, теплотой, на какой не способна даже самая любящая мать [Там же: 223]. Так, Достоевский всю ночь молился у двери, когда Анна Григорьевна рожала первого ребенка, после продолжительных родов бросился на колени и целовал жене руки; заботясь о душевном спокойствии беременной жены, не разрешал ей читать «Войну и мир» Толстого со сценой, посвященной смерти Лизы, погибшей в родовых муках [Там же: 227]. В откровенном разговоре с Л.Н. Толстым, которым А.Г. Достоевская, кстати сказать, тоже была безмерно очарована, призналась, что Достоевский представлял собой идеал человека: он был добр, великодушен, милосерден, справедлив, бескорыстен, деликатен, сострадателен — как никто; а его прямоту, неподкупную искренность доставляла ему много врагов [Там же: 593].

Говоря о социальной роли Достоевского-отца, А.Г. Достоевская вспоминает, что Федор Михайлович был необыкновенно нежен к своим детям, возился с ними, сам купал, носил на руках, убаюкивал, чувствовал себя неподдельно счастливым. Часто семье не хватало средств на няню, поэтому Достоевский ввиду болезни жены сам кормил ребенка, гулял с ним, развлекал играми [Там же: 250]. Глубоко потрясенный кончиной своей первой дочери Сони, Достоевский рыдал над маленьким телом, не мог отойти от колыбели [Там же: 230]. Нередко, как пишет Л.Ф. Достоевская, Достоевский ради своего любимца Алеши, который тоже скоропостижно скончался, откладывал работу, сажал ребенка на колени, доставал свои часы и подносил их к уху малыша [Достоевская Л.: 151].

Таким образом, в репутационной картине Достоевского налицо обнаруживается образ благочестивого отца семейства и идеального семьянина. Секрет семейного счастья, как отмечает А.Г. Достоевская, заключался в единодушии супругов, в общности интересов и взглядов на жизнь. Их образцовая семья многим казалась фантастической и непонятной (в частности, Н.А. Некрасову) [Достоевская А. 2016: 313].

В воспоминаниях Л.Ф. Достоевской по объективным причинам мало уделяется внимания семейной репутации Достоевского (кончина отца застала ее в отроческом возрасте), однако благочестивый образ родителя в изображении мемуаристики получился целостным и очень колоритным, несмотря на излишнюю тенденциозность и субъективность сочинения (к примеру, как отмечает С.В. Белов, «с упорством, достойным лучшего применения» (см.: [Достоевская Л.: 8]), Л.Ф. Достоевская маниакально ищет и находит нерусские корни в своем отце, равно как и то, что все семейные нормы, обычаи и традиции Достоевских объясняет европейским происхождением).

Штрихи к портрету Достоевского-отца более чем основательные, ценные для понимания мировоззренческого опыта писателя и его умонастроений относительно семейного вопроса. В памяти дочери Достоевский остался человеком, с одной стороны, глубоко порядочным и милосердным, с другой стороны, семьянином весьма строгих правил и нравов [Там же: 24].

В частности, фактом особого значения Л.Ф. Достоевская подчеркивает, что Достоевский как отец семейства жил по законам исключительной нравственности, согласно которым честь семьи считалась высшим идеалом. Достоевский бескомпромиссно и категорично отстаивал право своей семьи на внутреннее нравственное достоинство, считал это смыслом жизни и не понимал тех, кто живет порочными связями, пренебрегая священными узами брака [Там же: 96].

Также собственным примером Достоевский развивал религиозное чувство как важный фактор духовного роста в системе ценностей своих детей. Мемуаристка пишет, что Достоевский как глубоко верующий человек в глазах своих детей желал быть нравственно полноценным отцом семейства, именно поэтому служил своим близким людям образцом праведного богоискания как единственной возможности «посеять душу в людях». Религиозная основа семейных ценностей, по Достоевскому, есть не что иное, как возможность воспитать в своих детях благородство души и чистую совесть [Там же: 155].

Любовь семьи выражается также и в активной позиции дочери и жены писателя по защите чести и достоинства доброго имени отца и мужа, потому что важно отметить, что для дочери, равно как и для супруги, было первостепенным сохранение человеческой репутации Ф.М. Достоевского в глазах общественности, которого и до и после смерти несправедливо оклеветали «вспоминатели», мнимые друзья и литераторы-завистники (Страхов, Тургенев). Мать и дочь Достоевские — первые биографы писателя, которые откровенно уличали злопыхателей во лжи (см.: [Достоевская А. 2016: 598; Достоевская Л.: 206]).

В репутационном смысле защита чести и достоинства отца для Л.Ф. Достоевской была сакральной миссией, смыслом жизни, предметом гордости и родовой преемственностью, причастностью к великому роду, что помогало ей обрести себя и в некотором значении делало на голову выше. Принадлежность к роду Достоевских Любовь Федоровна инициировала глубокой взаимосвязью с развитой европейской цивилизацией и полным обособлением от варварской России.

Таким образом, ценность семьи в мировоззренческом опыте Ф.М. Достоевского является универсальной и стержневой в осмыслении художественного мира писателя, его убеждений, интенций и рефлексий. В мировоззрении Достоевского ценность семьи определяется прежде всего активной деятельной любовью, где высшее (сакральное) понимание сущности человеческих отношений позволяет говорить о сверхъестественном религиозном качестве человека — чувстве христианской отзывчивости и ответственности

за судьбу ближнего. Ценность семьи в ментальной картине Достоевского высвечивает способность человека к обретению себя благодаря преемственности традиций (почвы), высокой религиозной культуры. Семья как ценность в сознании Достоевского концептуально выражается в творчестве писателя в образе малой церкви, особой метареальности в виде сообщества людей, объединенных общими идеями и идеалами, едиными ценностями, живущими в гармонии друг с другом по законам Христовой любви, где на основе ценностей высшего порядка происходит консолидация человека с Богом, организованная сверхъестественными (высшими) христианскими качествами: невозможность оставаться в стороне от чужого горя (Раскольников, Разумихин), неутомимая жажда помогать своему ближнему активным действием (Мышкин, Алеша Карамазов, Соня Мармеладова и др.).

Список источников

- Достоевская А.Г. Дневник 1867 года / изд. подг. С.В. Житомирская. М.: Наука, 1993. 454 с.
- Достоевская А.Г. Солнце моей жизни — Федор Достоевский. Воспоминания: 1846—1917 гг. М.: Бослен, 2016. 769 с.
- Достоевский А.М. Воспоминания / вступ. статья, подгот. текста и примеч. С.В. Белова. СПб.: Андреев и сыновья, 1992. 393 с.
- Достоевская Л.Ф. Достоевский в изображении своей дочери / пер. с нем. Е.С. Кибардиной; вступ. ст., подгот. текста и примеч. С.В. Белова. СПб.: Андреев и сыновья, 1992. 245 с.
- Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 21: Дневник писателя, 1873; Статьи и заметки, 1873—1878. Л.: Наука, 1980. 551 с.

Список литературы / References

- Андрианова И.С. Литературное наследие А.Г. Достоевской: дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2012. 291 с.
(Andrianova I.S. Literary heritage of A.G. Dostoevskaya: diss. ... Candidate of Philology. Petrozavodsk, 2012. 291 p. — In Russ.)
- Бабук А.В. Художественная антропология детства в литературе XIX в. Минск: БГУ, 2018. 143 с.
(Babuk A.V. Artistic anthropology of childhood in the literature of the XIX century, Minsk, 2018, 143 p. — In Russ.)
- Белкин А.А. «Братья Карамазовы»: социально-философская проблематика // Творчество Достоевского / под ред. А.П. Белика. М.: Наука, 1959. С. 265—292.
(Belkin A.A. “Brothers Karamazov”: socio-philosophical problems, *Dostoevsky’s work*, ed. by A.P. Belik, Moscow, 1959, pp. 265—292. — In Russ.)
- Кантор В.К. «Братья Карамазовы» Ф. Достоевского. М.: Художественная литература, 1983. 190 с.
(Kantor V.K. “Brothers Karamazov” of F. Dostoevsky, Moscow, 1983, 190 p. — In Russ.)
- Карякин Ю.Ф. Достоевский: Все — «дítě». К 150-летию со дня рождения // Наука и религия. 1971. № 10. С. 45—51.
(Karjakin Yu.F. Dostoevsky: Everything is “baby”. To the 150th anniversary of birth, *Science and religion*, 1971, no. 10, pp. 45—51. — In Russ.)
- Касаткина Т.А. Художественные тексты в составе «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского: контекстный анализ // Вопросы литературы. 2011. № 5. С. 307—317.
(Kasatkina T.A. Artistic texts as part of the «Diary of the Writer» by F.M. Dostoevsky: contextual analysis, *Voprosy Literatury*, 2011, no. 5, pp. 307—317. — In Russ.)

- Макаричев Ф.В. Художественная реинкарнация стихий в творческих исканиях Ф.М. Достоевского // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2011. № 1 (12). С. 96—103.
(Makarichev F.V. Artistic reincarnation of elements in the creative searches of F.M. Dostoevsky, *Bulletin of Surgut State Pedagogical University*, 2011, no. 1 (12), pp. 96—103. — In Russ.)
- Михнюкевич В.А. Поэтика детских образов Ф.М. Достоевского в контексте «народного христианства» // Вестник Челябинского университета. 1994. Т. 2. № 1. С. 21—28.
(Mikhnyukevich V.A. Poetics of children's images of F.M. Dostoevsky in the context of popular Christianity, *Bulletin of Chelyabinsk University*, 1994, vol. 2, no. 1, pp. 21—28. — In Russ.)
- Нечаева В.С. Ранний Достоевский. М.: Наука, 1972. 288 с.
(Nechaeva V.S. Early Dostoevsky, Moscow, 1972, 288 p. — In Russ.)
- Ранне А. Проблема православного образования в России в контексте некоторых идей Ф.М. Достоевского // IV Летние чтения в Даровом. Коломна: ИД Лига, 2016. С. 50—56.
(Ranne A. The problem of Orthodox education in Russia in the context of some ideas of F.M. Dostoevsky, *IV Summer Readings in Darovoe*, Kolomna, 2016, pp. 50—56. — In Russ.)
- Спиженкова М.А. Самоубийство в системе социальных отношений: дис. ... канд. филос. наук. М., 2002. 168 с.
(Spizhenkova M.A. Suicide in the system of social relations: dis. ... Cand. of Philos. sciences, Moscow, 2002, 168 p. — In Russ.)
- Чирков Н.М. О стиле Достоевского. М.: Академия наук СССР, 1963. 309 с.
(Chirkov N.M. About Dostoevsky's style, Moscow, 1963, 309 p. — In Russ.)
- Щенников Г.К. Роман Достоевского «Братья Карамазовы» как явление национального самосознания. Челябинск: Металл, 1996. 178 с.
(Schennikov G.K. Roman Dostoevsky "Brothers Karamazov" as a phenomenon of national identity, Chelyabinsk, 1996, 178 p. — In Russ.)
- Юрьева О.Ю. Тема семьи и семейного воспитания в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского // Литература в школе. 2003. № 8. С. 26—28.
(Yurieva O.Yu. Theme of family and family education in the "Diary of the Writer" by F.M. Dostoevsky, *Literature in school*, 2003, no. 8, pp. 26—28. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 18.08.2022; одобрена после рецензирования 05.09.2022; принята к публикации 20.12.2022.

The article was submitted 18.08.2022; approved after reviewing 05.09.2022; accepted for publication 20.12.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Богач Дмитрий Александрович — кандидат филологических наук, преподаватель Санкт-Петербургского государственного бюджетного профессионального образовательного учреждения «Радиотехнический колледж», г. Санкт-Петербург, Россия, bogach_tv_86@mail.ru

Bogach Dmitry Alexandrovich — Candidate of Sciences (Philology), teacher of the St. Petersburg State Budgetary Professional Educational Institution "Radio Technical College", St. Petersburg, Russian Federation, bogach_tv_86@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2. С. 13—21.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 2. P. 13—21.

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.46726/И.2023.2.2

ОСОБЕННОСТИ НЕ-ОСТРАНЕНИЯ В РОМАНЕ О. ВАСЯКИНОЙ «СТЕПЬ»

Карина Эдуардовна Разухина

Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва, Россия, karina.razuhina1301@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению романа О. Васякиной «Степь» (2022), а также поиску новой литературоведческой категории, с помощью которой можно исследовать поэтику современных литературных текстов. Автор статьи предлагает понятие «не-остранение» (по аналогии с тем понятием, которое использовала О. Меерсон для анализа произведений А. Платонова) для рассмотрения специфики автофикциональных текстов. Поэтика текстов Васякиной (поэтических и прозаических) все чаще описывается через словосочетание «прямое высказывание», подразумевающее слияние биографического автора и авторской позиции в нарративе. Между тем «прямое высказывание» соотносимо с особой модальностью письма, ориентированной на искреннее слово и фактическое изображение реальности с минимальным количеством тропов. «Не-остранение», функционирующее в литературных текстах, проявляет себя и в метатекстуальных рассуждениях авторов и героев о языке, способах письма, в специфической образности, направленной на деконструкцию привычного для читателя художественного дискурса.

Ключевые слова: автофикшн, автофикциональность, не-остранение, современная литература, О. Васякина

Для цитирования: Разухина К.Э. Особенности не-остранения в романе О. Васякиной «Степь» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2. С. 13—21.

Original article

FEATURES OF NON-ESTRANGEMENT IN O. VASYAKINA'S NOVEL "THE STEPPE"

Karina E. Razukhina

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation, karina.razuhina1301@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the consideration of O. Vasyakina's novel "The Steppe" (2022), as well as the search for a new literary category with which to explore the poetics of modern literary texts. In the research context, there is an assumption that the "tools" developed over the years are not suitable for analyzing the latest literature. The author of the article suggests the concept of "non-estrangement" (by analogy

© Разухина К.Э., 2023

with the concept that O. Meerson used to analyze the works of A. Platonov) to consider the specifics of autofictional texts. The poetics of Vasyakina's texts (poetic and prosaic) are increasingly described through the phrase "direct utterance", implying a fusion of the biographical author and the author's position in the narrative. Meanwhile, "direct utterance" correlates with a special modality of writing, focused on a sincere word and an actual image of reality with a minimum number of tropes. The "non-estrangement" appearing in literary texts manifests itself in the meta-textual arguments of the authors and heroes about language, writing methods, in specific imagery aimed at deconstructing the literary discourse familiar to the reader.

Keywords: autofiction, autofictionality, non-estrangement, modern literature, O. Vasyakina

For citation: Razukhina K.E. Features of non-estrangement in O. Vasyakina's novel "The Steppe", *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 2, pp. 13—21.

В русскоязычной литературе есть ряд произведений, побуждающих исследователей и критиков обращаться к давно осевшему в прошлом понятию, введенному В. Шкловским в его статье «Искусство как прием». На протяжении своего бытования в качестве прикладного инструментария, позволяющего объяснить «сделанность» текста как некоторой совокупности приемов, остранение утратило свою механическую природу, вышло из изолированного формального тела произведения и начало вбирать в себя контекст. Манифестарность «Тезисов к политизации искусства» А. Скидана может не столько служить примером такого переосмысления, сколько продемонстрировать новые сдвиги в поле саморефлексии языка поэзии, который ищет необходимые способы говорения о сегодняшней реальности. «Политизированное искусство, таким образом, не следует путать с агитацией или пропагандой; это искусство, которое через цезуру, остранение, саморефлексию, фрагментарность, дробление нарратива позволяет обнаружить асемантические зазоры, складки смысла, еще не захваченные идеологией» [Скидан]. Если с «асемантическими зазорами» работает так или иначе политическая поэзия 2000-х, то область прозаического письма до недавнего времени была обращена к проблематике исторического прошлого. Граница между прозаическим и поэтическим условна, и ее иллюзорность подтверждается не только принципом «прямого высказывания», но и различными современными способами письма. Однако появляющееся стремление у авторов и авторок к обнаружению нетронутых мест действительности, к реконтекстуализации политики, переосмыслению травматических узлов истории, свидетельствует о значимости вовлечения в саморефлективные практики искусства контекста сегодняшнего дня.

О. Васякина как авторка, пишущая на русском языке, также принадлежит этому нестатичному и размываемому языковому пространству, находящемуся в постоянном поиске. Утвердившееся в последние годы институционально и поэтически «Ф-письмо» смежно следует принципу «личное — это политическое»: «Фемпоэзия — это сегмент актуального поля поэзии, в котором наряду с постановкой фемповестки (борьба за права женщин, борьба с насилием, принцип "личное — это политическое"), поднимаются вопросы гендерной идентичности, происходит поиск стратегий женского и квир-письма», отмечает Ю. Подлубнова (цит. по: [Говзман]). Поиск «зазоров», «складок смыслов», которые не успела подчинить идеология, или же борьба против «большого логоса» (как, например, в стихотворении Г. Рымбу «Великая русская литература») — маргинальные зоны, требующие от авторов и авторок активистского жеста. Но сопротивление

культурным, историческим, гендерным доминантам, выхолащивающим или апроприирующим язык, субъекта и его тело — это не только остранение, выводящее реципиента из автоматизма восприятия, но и умение называть вещи своими именами, их словесное очищение от устоявшихся фреймов. В этом случае оба понятия (остранение и не-остранение) имеют общее интенциональное ядро, направленное на развенчание и обновление закостеневших литературных форм. Эта интенциональность не возвращает исчерпанный язык к несуществующему доконцептуалистскому состоянию мира, но стремится оживить связи между субъектом, вещами и речью, связи, которые были мифологизированы и утратили свое первоначальное значение за тропами, государственной историей и официальными дискурсами.

Понятие «неостранение» было введено О. Меерсон в ее исследовании, посвященном поэтике текстов А. Платонова, и обозначало несколько противоположную оптику той, которой мы пользуемся в рамках данной статьи: «Если остранение показывает обыденное как незнакомое, заново, то неостранение — это отказ признать, что незнакомое или новое необыкновенно...» [Меерсон: 8]. В текстах Платонова язык оказывался агентом неостранения, а незнакомое — «содержанием»-объектом данного приема [Меерсон: 9]. В текстах Васякиной (как в «Степи», так и в «Ране») «содержанием»-объектом, с одной стороны, предстает личная жизнь и ее события без иерархического разделения, с другой — табуированные зоны смыслов, которые в литературе принято скрывать за избыточной фигуризацией речи. Среди них особенно выделяются темы обретения женской/гендерной/сексуальной идентичности, пере-проживания смерти, проблема репрезентации «другого» на фоне личной идентификации, часто замалчиваемые болезни, такие как рак и СПИД. Словесный код «прямого высказывания» в текстах авторки сливается с возможными объектами не-остранения, как бы фамильяризуя их заново для возможного читателя. «Фамильяризация» (по М. Бахтину) — это еще одна необходимая сторона неостранения, «неподобающе низкий тон при обсуждении вечных вопросов» [Меерсон: 9], который подразумевает «особый характер организации массовых действий, и вольную карнавальную жестикуляцию, и откровенное карнавальное слово» [Бахтин: 184]. В романах Васякиной словесные жесты освобождаются от иерархий не за счет карнавализации и слияния высокого с низким, а за счет самой небинарности текста, которая достигается при помощи автофикционального модуса повествования. Речь и объекты равно упорядочены в своей телесности, между описывающим словом и табуированным местом не существует дистанции: они сливаются в необходимости откровенного говорения, освобождаясь и приближаясь (или «фамильяризуясь») к реципиенту.

По справедливому замечанию А. Эткинда в его статье «Новый историзм, русская версия», в нынешней «интеллектуальной ситуации» масштабно актуализировалось «недоверие к большим историям, радикальным теориям, привилегированным точкам зрения» [Эткинд] равно как в области литературы, так и на метатерриториях, описывающих текст и индивида. Методология «нового историзма», возникшая как некоторый ответ постструктурализму и отчасти позаимствовавшая интертекстуальный анализ, сосредоточилась не на «истории не событий, но людей и текстов в их отношении друг к другу» [Там же]. Помимо рассматривания текста на фоне многообразия других текстов (даже тех, что мыслились как периферийные), данная парадигма подразумевает дискурсивное размывание границ различных жанров и биографический

анализ, «размыкающий границы жизни» [Там же]. Подобно тому как понятие остранения размыкает свои границы и начинает существовать в контекстах, «новый историзм» заново культивирует чтение на фоне истории, вовлекает в интерпретативные практики биографию авторов.

На протяжении последних 20-ти лет проблематика реконструкции прошлого занимает центральное место в современной прозе (тексты М. Шишкина, Л. Улицкой, Е. Водолазкина, С. Кузнецова). Связывая данное явление с исследовательскими горизонтами «нового историзма», невозможно определить, что служило предпосылкой — исследовательские теории *memoir studies*, *trauma studies* или же интермедиаальная направленность гуманитарного знания сама по себе. Однако, на наш взгляд, стремление данного метода к разрушению границ между текстами и не-текстами, литературой и не-литературой, подготовило почву к появлению кросс-жанровых форм письма, реконструирующих не только историю через ее «замолчанные» голоса, но и в какой-то момент обращающих внимание на сам факт существования некоего «другого», «аутсайдера», игнорируемого большой литературой. Автофикшн как главный тренд настоящего времени не является исключением: данный модус письма позволяет некоторым «другим» через откровенность вписываться в ландшафт актуального литературного поля.

Говоря о неповторимости и маргинальности личного опыта в произведениях автофикшна, стоит учесть тот факт, что гибридная линия автобиографической литературы, которая как бы является составляющей кросс-жанра, имеет свою историю.

Ф. Лежён в своих эссе был вынужден отстаивать право автобиографии считаться художественной литературой: «В классической табели о рангах XVII века, как и в трудах античных авторитетов, автобиография не значилась» [Дубин], — отмечает переводчик работ Лежёна Б. Дубин. От автобиографии как жанра автофикшн перенимает все три «сопротивления», которые вывел Лежён, отстаивая художественность первой: социальное сопротивление (автобиография — это «низкий жанр», «жанр плебса, женщин, малолеток»), морально-психологическое (автобиография — это порок и недуг), эстетическое — потому что она легка в написании, а Искусство якобы требует труда и шлифовки [Лежён]. Со всеми тремя «сопротивлениями» автофикшн умело работает, подвергая их легитимации. Возможно, дело здесь заключается в самой литературной динамике (по Ю. Тынянову), которая требует подобной формы для вовлечения в обиход литературы особой модальности говорения о табуированных темах, на которую канонические нарративы не решались: «Проблема статуса автодокументальных жанров в мире Большой (Настоящей) литературы безусловно “рифмуется” с проблемой женского творчества, которую концепция Великого канона в еще большей степени вытесняла в область несерьезного, дилетантского и эпигонского» [Савкина: 12]. Если попытаться вписать в данную схему «Рану» и «Степь» Васякиной, мы получим интересную с точки зрения социологии литературы формулу: теперь о своем уникальном опыте может рассказать каждый, и он будет «услышан» (преодоление маргинальности); появляется возможность ввести в прозу телесность и физиологичные описания, а вместе с ними и часто «замалчиваемые» темы болезни и смерти (в том числе и феминистский дискурс); в связи с этим меняется и само понимание «эстетического» (в «Ране» мы встречаем метатекстуальные рассуждения о литературности как таковой и «женском письме»).

В предисловии к роману «Рана» поэтесса П. Барскова отмечает наиболее важную и характерную особенность письма О. Васякиной — «невыносимую

прямоту» [Барскова: 8], через которую артикулируются табуированные в области литературы темы смерти, гомосексуальности, болезни и женственности: «Это не только текст, но и представление, исполнение текста, лучшей метафорой для которого должен быть прямой взгляд. На тебя смотрят, не отворачиваясь, не отводя глаз, испытывают тебя на неловкость — прямою, голосом, горем» [Там же]. В контексте слепых зон и стратегий умолчания невыносимая прямота книги Васякиной становится более чем необходимой. Входя в зону рецептивного опыта читателя, она начинает работать против иммунной системы идеологически оформленных ценностей, подтачивая изнутри конвенции, подменяющие базовые эстетические и этические понятия.

Книга вышла спустя год после дебютного романа «Рана», в котором поднимается проблема обретения идентичности в постоянном взаимоотношении с «другим», а именно — с матерью рассказчицы. Вторая же книга Васякиной посвящена сложным отношениям отца и дочери на фоне постсоветского пространства России. Однако этих оснований недостаточно для того, чтобы назвать оба романа писательницы диалогией. Не объединяет их и общее автофикциональное начало, подразумевающее референции с биографической жизнью Оксаны. «Степь» получилась полностью независимой от предыдущего романа, исследующей не только проблемы взаимоотношений дочери и отца, но и блатной миф, который подменяет собой административную систему управления в России, социальные и исторические основания появления этой культуры, проблему восприятия и репрезентации ВИЧ-инфекции и СПИДа, проблему легитимации насилия. Иными словами, «Степь» захватывает собой широкие горизонты социальных вопросов, в то время как «Рана» предстает как индивидуальный опыт конструирования гендерной идентичности в рамках ф-письма. Единой основой двух текстов можно считать болезненное переживание смерти «другого», перепроговаривание своей боли, которая становится универсальной. Подобный социальный поворот «Степи» можно было бы назвать принципиальной сменой оптики. Но оптика женского взгляда, вмещающего в себя окружающее пространство, не только не меняется, но становится тем более осязаемой, чем чаще героиня сталкивается с устоявшимися обычаями мужского мира. Эта оптика в любой момент может «залипнуть» (термин концептуалистов) в романтизированном дискурсе, будь то песни Михаила Круга или же авторитетное слово Максима Горького, именуемого великим писателем большой литературы. Метатекстуальность автофикшна позволяет авторке успешно деконструировать эти мифологические конструкты, с помощью прямолинейности письма расщеплять авторитарные фигуры речи, подменяющие восприятия реальности. Именно так работает «не-остранение».

Поэма Васякиной «Когда мы жили в Сибири» является своеобразным эпиграфом к новому роману, несмотря на то что главным объектом описания становится степь. Как отмечала Е. Георгиевская: «Сытной еды и фактической работы за еду свободной личности мало, и рассказ Васякиной — в первую очередь, о нищете духовной» [Георгиевская]. Вполне распространённое словосочетание «духовная нищета» применительно к представлению о 1990-х в данной поэме оказывается ее имплицитным содержанием. На поверхности прямоговорения лежит распухающее чувство голода, скрываемое лирическим субъектом за перечислением еды практически в форме каталога: «рулетки из окорочков / пирожки с окорочками / картошка с окорочками» [Васякина 2019]. Но это чувство голода скорее предстает как экзистенциальное последствие отчуждения от субъекта его труда и индивидуальности [Георгиевская].

Сибирь здесь — это «не-место», своеобразное пространство мертвого холода, исторгающее из человека весь его добавочный досуг, превращающее его в функцию, стремящуюся лишь к телесному насыщению. В этом пространстве нет ничего живого, им правит нелюбовь и тотальное забвение: «Когда мы жили в Сибири, у нас не было любви»; «И я думаю, что память — это такое место, / Где ненависть и злоба превращаются в сантименты и боль, / И память вмещает в себя все вещи, / Которые никогда, никогда, никогда не случались с нами» [Васякина 2019].

Отец-дальнобойщик, реконструкцией идентичности которого занимается Васякина в «Степи», все также продолжает ту линию единого тела, выведенную Оксаной в сибирской поэме. Это тело сосредоточено лишь на удовлетворении первичных потребностей, система, в которой оно существует, стремится сократить и упростить человека, доведя его до состояния работающего животного. В этом, безусловно, заключается та часть социальной проблематики, нащупываемой Оксаной в новом романе: «Его мертвое тело стянуло в себя все. Оно не было пустым, оно все было испещрено смыслами. Оно было материальным воплощением истории подавляющего большинства российских мужчин его поколения» [Васякина 2022: 87]. Подобно тому, как «Сибирь с её “новой бедностью” расширяется до всей России» [Георгиевская], мертвое тело отца главной героини становится неким «собирательным локусом» происходивших в 1990-е социальных и политических процессов, подтачивающих духовный стержень индивида. После этого он превращается в простейшую формулу — бывший наркозависимый работяга с криминальным прошлым: «Я везде вижу двойников своего отца. Это не суеверие и не наивная надежда на то, что он все-таки жив. Он мертв, я сама была на его похоронах и первой бросила горсть степного песка на его темный гроб. <...> тем не менее повсюду ходят его двойники: коренастые мужчины в светлых дешевых рубашках с растёгнутыми верхними пуговицами. Они водят бюджетные машины, носят ключи, деньги и сигареты в нагрудном кармане» [Васякина 2022: 94].

Нелюбовь, возвращаемая на бесконечных просторах астраханской степи или сибирских лесов, представляется фундаментальным основанием, свидетельствующем о распаде связей между людьми. Отсюда — экзистенциальная заброшенность, которую постулируют топологические границы обоих произведений. В попытке главной героини понять, где заканчивается ее отец и начинается ее собственное личностное «я», все яснее вырисовывается невозможность прорыва к «другому»: «Этот человек был мне отцом, думала я, но рядом с ним я остро ощущала свое сиротство» [Васякина 2022: 134]. Чувствуя в себе животное продолжение отца, героиня постоянно оказывается на обочине «мужского» и авторитарного мира, которому он принадлежит: «Мир, в котором я росла, был миром отцовских братков. Они катали меня на плечах, к ним на поминки и похороны брал меня отец» [Васякина 2022: 81]. У этого блатного универсума было собственное время, по которому был обязан жить каждый, кто оказывался внутри. Попытка сопротивления и определения своего места начинается ровно с того момента, как рождается откровенное письмо данного романа. Между тем вопрос о личностной индивидуализации героини так и остается открытым: она неизбежно обнаруживает между собой и отцом не только внешнее сходство, но и внутреннюю «темноту», которая заставляет обоих скитаться по земле.

Книга М. Степановой «Памяти памяти», входящая в горизонт автофикциональной модальности, благодаря метатекстуальным вставкам становится

памятником невозможности сборки единого и гомогенного нарратива о своей семье. «Степь» Васякиной уникальна в том смысле, что подобная невозможность создания сюжетного слова о своем отце сопровождается рефлексией описывающего языка, который всячески тянется к романтизации событий, легших в основу книги. В определенных эпизодах этот язык действительно «залипает» и читатель начинает погружаться в эпическую историю рыцаря из 1990-х; спустя несколько страниц эта иллюзия разрушается откровенным переосмыслением рассказанного: «Я как тот аферист, который снимает последнее платье с обманутой женщины. Только здесь я сама себе обманщица и сама себе жертва. С другой стороны, я не пытаюсь романтизировать это время. Красивая женщина с вязанкой мандаринов в обезьяннике и влюбленный в нее толстый мент. “Бобик” у ворот детского сада, трещина на крышке от бачка. Неуловимый Юрка, подаривший жене ворованную шапку» [Васякина 2022: 71].

Материал таким образом лишается сюжетного центра и рисует перед глазами нестатичную и ускользящую реальность постсоветской России, которая обретает свою ветвистую динамику в воспоминаниях рассказчицы. Поэтому фигура отца героини становится не только репрезентантом этой реальности, но и постоянно фрагментируется. Если первый аспект относится к социальной проблематике, то второй к художественным задачам, заложенным внутри самого текста. С одной стороны, образ отца — это сосредоточение насилия, которое держат в руках некоторые мужчины его поколения (в частности, те самые «братки»); с другой — он близкий человек, с которым не получается установить тесный контакт. Но сама книга, равно как и топоним степи, побуждающий героев к кочевой жизни, становится пространством, в рамках которого осуществляется попытка приближения к «другому».

В эссе С. Сонтаг «Болезнь как метафора» внушительная часть текста отдается на развенчание различных фигур речи, стигматизирующих идентичность больного и мешающих обратиться к врачу за помощью на ранних стадиях заболевания. Цель своего рассуждения Сонтаг видит так: «Не искать новые смыслы, как это свойственно литературному труду, а лишить некое явление смысла: применить далекую от действительности и полемичную стратегию “против интерпретаций” к реальному миру. К телу» [Сонтаг: 100]. Метафоры СПИДа наделяются в большинстве случаев фатальным смыслом, исключающим всякую надежду, несут в себе перформативный заряд, который «приносит социальную смерть, предшествующую физической, возрождая нечто вроде средневекового опыта болезни» [Там же]. Не удивительно, что интенции обеих авторок совпадают касательно тезиса «против интерпретаций», но исследование Васякиной движется гораздо дальше. На протяжении всего текста писательница исследует не только институциональные причины умолчания о СПИДе, но и то, как семантическое клеймо разрушает ядро личности её близкого человека. Специфика материала в данном случае более чем болезненная, но тем сильнее подчеркивается её значимость. В русскоязычной литературе едва ли найдутся произведения, способные говорить об этом табуированном состоянии без новых эстетических смыслов, привносимых как бы «сверху». Более того, современная русскоязычная культура до последнего времени не отдавала предпочтения проработке данной темы (исключение, пожалуй, составляет недавно вышедший сериал «Нулевой пациент»). Однако при наличии очевидной проблемы формулируется и необходимый способ её артикуляции: «Степь» предлагает откровенное письмо, работающее по принципу не-остранения, позволяющее читателю и героине пережить это табу через художественное

преодоление стыда: «Я подумала о стыде, который испытала, услышав, что отец умер от СПИДа. Мне было неловко даже произнести эту фразу: *мой отец умер от СПИДа*» [Васякина 2022: 171].

Важным аспектом избавления выстраиваемой реальности от метафор является деконструкция блатного уклада, заложницей которого становится женский голос в данном тексте: «Беда в том, что я осмыслю девяностые через формы, данные блатной песней» [Васякина 2022: 62]. В попытке понять «как может “советская закалка” сочетаться с криминальным образом жизни и тюрьмой» [Васякина 2022: 94], рассказчица детально разбирает логос, который сконструировал ту реальность, в которой находятся главные персонажи книги: нечто общее между «Бригадой», герои которой изображают символически эстетизированное насилие и официальной системой управления, иерархическая модель которой связана с топосом концентрационного лагеря. Героический центр этих эпических песен — мужчина и его различные ролевые маски, подражание которым есть самоцель: «единственное благо в мире блатной песни — экстаз от краткого мига свободы и проявления своей власти над корешами и женщинами» [Васякина 2022: 72]. Тем, кто желает выбраться из этого формульного повествования, неизбежно придется разрушить его художественную целостность — отказаться от роли женщины второго плана, не быть «девочкой-пай» для лирического героя, ведь роман Васякиной показывает, что за пустой романтической формой скрывается отнюдь не привлекательная действительность, объективирующая носителей этого мировоззрения.

Но «Степь» — это не только «социальный роман» о нашем времени и не только письмо о преодолении стыда. Он лишен «историзма», поскольку как таковых границ между 2000-ми и 1990-ми не существует, тело этих декад находится во временном измерении одной степи, так как в ней все повторяется и не исчезает бесследно. Это время, с одной стороны, циклично, а с другой — разрушительно для органического существа (и даже для пластиковой бутылки, которую степь может переработать и сделать почвой). Второй лик степи — это Сатурн Гойи, пожирающий не своего сына, а людей, находящихся в центре исторической эпохи.

Список источников

- Васякина О. Когда мы жили в Сибири. URL: <https://pushkinprize.ru/2019/05/21/оксана-васякина/2/> (дата обращения: 12.12.2022).
Васякина О. Степь. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 398 с.

Список литературы / References

- Барскова П. Прямое // Васякина О. Рана / предисл. П. Барсковой. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 5—21.
(Barskova P. Direct, *Vasyakina O. Wound*, Moscow, 2021, pp. 5—21. — In Russ.)
Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советский писатель, 1963. 234 с.
(Bakhtin M.M. Problems of Dostoevsky's poetics, Moscow, 1963, 234 p. — In Russ.)
Георгиевская Е. «Новая нищета» в поэме Оксаны Васякиной «Когда мы жили в Сибири» // Артикуляция: литературно-художественный альманах. 2020. № 13. URL: <https://articulationproject.net/9185> (дата обращения: 12.12.2022).
(Georgievskaya E. “New poverty” in Oksana Vasyakina's poem “When we lived in Siberia”, *Articulation: literary and artistic almanac*, 2020, no. 13. — In Russ.)

- Говзман М.-М. Стихи уральских авторов вошли в британскую антологию русской фемпоэзии. Зачем это читать? URL: <https://66.ru/news/society/235972/> (дата обращения: 12.12.2022).
(Govzman M.-M. Poems by Ural authors were included in the British anthology of Russian fempoesy. Why read them? — In Russ.)
- Дубин Б. Как сделано литературное «я» // Иностранная литература. 2000. № 4. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2000/4/v-zashhitu-avtobiografii.html> (дата обращения: 12.12.2022).
(Dubin B. How the literary “I” was made, *Inostrannaia literatura*, 2000, no. 4. — In Russ.)
- Лежён Ф. В защиту автобиографии / пер. и вступ.ст. Б. Дубина // Иностранная литература. 2000. № 4. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2000/4/v-zashhitu-avtobiografii.html> (дата обращения: 12.12.2022).
(Lejeune F. In defense of autobiography, *Inostrannaia literatura*, 2000, no. 4. — In Russ.)
- Меерсон О. «Свободная вещь»: поэтика неостранения у Андрея Платонова. Новосибирск: Наука, 2011. 122 с.
(Meerson O. “Free thing”: the poetics of non-estrangement in Andrey Platonov, Novosibirsk, 2011, 122 p. — In Russ.)
- Савкина И.Ю. Разговоры с зеркалом и зазеркальем. Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 416 с.
(Savkina I.Y. Conversations with the mirror and through the looking glass. Women’s auto-documentary texts in Russian literature of the first half of the XIX century, Moscow, 2007, 416 p. — In Russ.)
- Скидан А. Тезисы к политизации искусства. URL: <http://www.vavilon.ru/textonly/issue12/skidan.html> (дата обращения: 12.12.2022).
(Skidan A. Theses to the politicization of art. — In Russ.)
- Сонтаг С. СПИД и его метафоры // Сонтаг С. Болезнь как метафора. М.: Ад Маргинем Пресс; Музей современного искусства «Гараж», 2021. С. 91—150.
(Sontag S. AIDS and its metaphors, *Sontag S. Illness as a metaphor*, Moscow, 2021, pp. 91—150. — In Russ.)
- Эткинд А. Новый историзм, русская версия // Новое литературное обозрение. 2001. № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2001/1/novyj-istorizm-russkaya-versiya.html?ysclid=lbs7e4ojoi267217858> (дата обращения: 12.12.2022).
(Etkind A. New Historicism, Russian version, *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2001, no. 1. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 28.12.2022; одобрена после рецензирования 16.01.2023; принята к публикации 05.03.2022.

The article was submitted 28.12.2022; approved after reviewing 16.01.2023; accepted for publication 05.03.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Разухина Карина Эдуардовна — магистрант, Институт филологии и истории, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия, karina.razuhina1301@mail.ru

Razukhina Karina Eduardovna — master’s student of the Institute of Philology and History, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation, karina.razuhina1301@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2. С. 22—33.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 2. P. 22—33.

Научная статья

УДК 821.112.2(436)

DOI: 10.46726/И.2023.2.3

«ЛЮБИТ — НЕ ЛЮБИТ?»: ИГРОВОЕ НАЧАЛО ЦИКЛА ОДНОАКТНЫХ ДРАМ «АНАТОЛЬ» АРТУРА ШНИЦЛЕРА

Юрий Леонидович Цветков

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, jzvetkow@mail.ru

Аннотация. Австрийский драматург Артур Шницлер в цикле драм «Анатоль» (1893) избирает объектом изображения любовные приключения заглавного героя и концентрирует внимание на его мимолетных впечатлениях. Доказано, что сцены с участием Анатоля и его возлюбленных строятся в форме «хоровода», подчеркивая тем самым бесконечную изменчивость любовного чувства, а случайный и импровизационный характер развития действия обуславливается прихотливым настроением героя во всех семи пьесах. Обосновано, что фрагментарность мировосприятия Анатоля и игровой характер его отношений с возлюбленными «любит — не любит?» имеет философское (ницшевское) обоснование и вступает в противоречие с представлениями об истинной любви. Следуя правилам игры, Анатоль превратился в безвольную марионетку, находящуюся в состоянии абсолютной неустойчивости и одиночества. «Наполняя» любовниц своим настроением, Анатоль не видел в них личностных качеств, играя, ревнуя и бросая их. Он как мимолётный герой и гедонист не был способен остановиться в череде любовных сцен, даже если задумывался о браке. Его неутолимое «дон-жуанство» представляется бесконечным. Трезвый и ироничный антипод Анатоля — друг Макс — скептически наблюдал за поведением Анатоля, а в финале цикла он затронул важную проблему женского равноправия в обществе, поднимая цикл драм на уровень современной Шницлеру «новой драмы». В таком ключе представляется актуальной интерпретация цикла драм Шницлера «Анатоль» в Санкт-Петербургском театре юного зрителя им. А. Брянцева (2005).

Ключевые слова: венский модерн, ницшевская философия, импрессионистическая драма, одноактная пьеса, мимолетный герой, любовь-настроение

Для цитирования: Цветков Ю.Л. «Любит — не любит?»: игровое начало цикла одноактных драм «Анатоль» Артура Шницлера // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2. С. 22—33.

Original article

“HE LOVES ME — LOVES ME NOT?”: THE GAME IN THE CYCLE OF ONE-ACT DRAMAS “ANATOLE” BY ARTHUR SCHNITZLER

Yuriy L. Tsvetkov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, jzvetkow@mail.ru

Abstract. The Austrian playwright Arthur Schnitzler in the drama cycle “Anatole” (1893) chooses the love adventures of the title character as the object of the depiction and focuses on his fleeting impressions. It is proved that the scenes with the participation of Anatole and his lovers are built in the form of a “round dance”, emphasizing the infinite variability of the love feeling. The random and improvisational nature of the development of the action is caused by the capricious mood of the hero in all seven plays. It is proved that the fragmentary worldview of Anatole and the playful nature of his relationship with his beloved “loves — does not love?” has a philosophical (Nietzschean) justification and comes into conflict with the ideas of true love. Following the rules of the game, Anatole turned into a weak-willed puppet in a state of absolute instability and loneliness. “Filling” mistresses with his mood, Anatole did not see personal qualities in them, playing, being jealous and abandoning them. He, as a fleeting hero and hedonist, was not able to stop in a series of love scenes, even if he was thinking about marriage. Unquenchable “don Juan” in him seems to have no limits. A sober and ironic antipode of Anatole, his friend Max, watched Anatole’s behavior skeptically, and in the finale of the cycle he touched on the important problem of women’s equality in society, raising the drama cycle to the level of modern to Schnitzler’s time concept of “new drama”. In this vein, the interpretation of Schnitzler’s Anatole drama cycle at the A. Bryantsev St. Petersburg Young Spectator Theater (2005) seems relevant.

Keywords: Viennese modernism, Nietzschean philosophy, impressionistic drama, one-act play, fleeting hero, love-mood

For citation: Tsvetkov Yu.L. “He loves me — loves me not?”: the game in the cycle of one-act dramas “Anatole” by Arthur Schnitzler, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 2, pp. 22—33.

Введение. Игра, как известно, представляет собой универсальный принцип культуры, сопровождавший человечество с самых ранних этапов развития цивилизации. Игра, по мнению Й. Хёйзинги, в несовершенном мире создаёт временное и ограниченное совершенство: «Порядок, устанавливаемый игрой, имеет непреложный характер» [Хёйзинга: 21]. Два основополагающих принципа игры — имитация и комбинаторика — характерны для модернистского и постмодернистского дискурса в литературе. Если имитация в рамках модернизма не разрушает целостности произведения и предпочтительна в традиционных драматургических формах, то комбинаторика в постмодернизме допускает перестановку различных элементов и нарушает принцип завершенности произведения, создавая «открытое произведение», в котором читатель или зритель становится реальным соавтором: «...решение ожидается, его предугадывают, но оно должно родиться из осознанного содействия публики» [Эко: 42].

Нас интересует модернистский феномен игры, в которой субъективное сознание автора претерпевает процесс распада устойчивости личности, что является причиной возникновения игрового развития: «...субъектологическая модель высказывания, касающаяся жизненного опыта и творческого поиска автора, выражается в его индивидуальном языке и в характере его образности. Писатель-модернист подобно истинному творцу ищет свой индивидуальный язык, облакает своих героев в разные стилевые «одежды», что также не лишено игры» [Цветков 2013а: 50].

Истоки комедийного жанра в Австрии. Расцвету австрийской словесности в венском модернизме (1890—1910) способствовали традиции австрийского народного театра, в котором игра являлась содержанием пьес и самостоятельной темой, а взаимодействие разных уровней игры создавало специфическое игровое поле, которое можно назвать комедией игры. Венский народный театр формировался в Австрии в первой половине XVIII в. под сильным влиянием итальянского *театра дель арте*. Шутовство, карнавал и маскарад были неотделимы от древней смеховой культуры Австрии. Критики подчёркивали яркую зрелищность, частую смену декораций, отсутствие строго организованного действия, импровизацию, превращения и праздничную атмосферу венской народной комедии [Слободкин: 12]. Ведущими жанрами были бытовой фарс, пародия, травестия и волшебная комедия. К излюбленным игровым приёмам относятся импровизации с участием дурака, народного шута Гансвурста, а также лацци из итальянского театра дель арте.

Нравоучительное содержание многих пьес с участием Гансвурста значительно изменилось в XIX в. в творчестве популярных венских комедиографов Фердинанда Раймунда (1790—1836) и Иоганна Непомука Нестроя (1801—1862). Несмотря на утрату беззаботного народного смеха, игра развивалась в волшебных пьесах Раймунда: «Крестьянин-миллионер» (1826), «Альпийский король, или Человеконенавистник» (1828) и «Расточитель» (1836). Маски, феи, сказочные превращения, двойничество и зеркальные отражения создавали яркую театральность комедий. Все пьесы Раймунда имели двойную экспозицию: «верхний уровень», где события сюжета были предопределены «высшими силами», и «нижний уровень» — обстоятельства жизненного плана персонажей, ещё не знающих, что ждёт их в будущем [Там же: 86].

В ранних комедиях Нестроя «Изгнание из волшебного царства» (1828), «Неловкий волшебник» (1832) и «Злой дух Люмпацивагабундус» (1833) появляются гротескные и сатирические образы, а также совсем некомедийные мрачные мотивы. Сказочная комедия служила лишь основой для того, чтобы «преподнести обывателю горькую пилюлю в приятной и привычной для нас обёртке» [Там же: 93]. Нестрой создавал иллюзию «моральной пьесы», не переставая её пародировать. Игровой элемент заключался в названии самой популярной пьесы «Он хочет просто пошутить» (1842). Её герой — приказчик Вайнберль примеряет на себя маску удалого весельчака и сорвиголовы. Он уходит от безрадостных будней к весёлым приключениям. Но время игры в пьесе ограничено, и герой возвращается в прежнюю унылую реальность. Игра в игре привнесла традиционные элементы уличной песни, музыкальные куплеты и дуэты. Нестрой «делает сам язык предметом сатиры, он беспрестанно играет им» [Там же: 195].

Другой австрийский драматург Эдуард фон Бауэрнфельд (1802—1890), современник Шницлера, большую часть жизни провёл на государственной службе и хорошо знал реалии Вены и её предместий. Он создавал «разговорные комедии» и фарсы, которые признавались современниками остроумными и правдиво показывающими социальные условия столицы Австро-Венгрии. Наиболее известны его драмы: «Легковесная любовь» (1831), «Правила любви» (1831), «Вечная любовь» (1834), «По-бюргерски романтично» (1835), «Из приличного общества» (1866) и др. В них ярко и остроумно изображалась бытовая сторона жизни бюргерства. В одноактных пьесах Бауэрнфельда, часто ставившихся в предместных театрах Вены, отсутствовала смена декораций и другие сценические эффекты, а действие было заменено диалогами.

Своеобразие импрессионистической драмы в Вене. Драматург и прозаик венского модерна Артур Шницлер (1862—1931) в цикле драм «Анатоль» также избрал героя субъектом любовных эпизодов. Так называемый «импрессионистический идеал» Анатоля отражал «дух времени» венского модерна, мировоззренческой основой которого были философия эмпириокритицизма Эрнста Маха («мир есть моё ощущение»), глубинный психологизм Зигмунда Фрейда (изменчивость нервических состояний) и теория преодоления натурализма Германа Бара (импрессионизм). Шницлер возрождал в венском модерне не только национальные традиции венского театра, но и наследие немецкого романтизма (подчёркнутый субъективизм) и французского символизма (чувственный иррационализм) в воплощении мечты о жизненном счастье и любви [Цветков 2013а]. Г. Бар — основатель литературной группы «Молодая Вена» — с полным основанием назвал ранние драмы Шницлера импрессионистическими, подчёркивая при этом современную австрийскую национальную специфику: *«В последние месяцы я много читал Маха. Его книга “Анализ ощущений”, пятнадцать лет остававшаяся незамеченной и вдруг за последние два года переизданная трижды, — пожалуй, та книга, которая высказывает наше ощущение мира и настроение жизни нового поколения в отношении великого. Всякое разделение здесь отменено: физическое и психическое текут вместе, элементы и ощущения — одно, Я растворяется, и всё — лишь вечный поток, который здесь кажется остановившимся, а там течёт ещё стремительнее, всё — только движение цветов, звуков, теплоты, давления, пространства и времени, которые на другой стороне, здесь у нас, появляются как настроение, ощущение и воля»* [Бар: 274].

Ницшевские принципы игры. Несмотря на импрессионистичность идеала Анатоля, следует говорить об основах его «донжуанской философии», которая во многом созвучна в том числе и рассуждениям (господство переходящего и сиюминутного в культуре) Фридриха Ницше (1844—1900), сыгравшего важную роль в становлении игровых принципов литературы венского модерна [Цветков 2003: 49—56]. Ницше считал, что искусство базируется на «свежих иллюзиях», принимаемых нами за реальность. В цикле «Анатоль» главный герой надевает на себя маску искателя истины в вопросе верности своих возлюбленных (*«любит — не любит?»*), а его иллюзорные представления о том, что любовницы должны быть ему верны, постоянно разрушаются, а в последней сцене Анатоль решает жениться, не испытывая большой любви к невесте. Первоначально Анатоль в маске уверенного в жизни мудреца в финале становится глупцом, а границы между мудростью и глупостью становятся, по Ницше, такими же зыбкими как между истиной и заблуждением. Оба крайних состояния (мудрость и глупость) обнаруживают тенденцию к преодолению установленных границ, т. е. к *трансгрессивному переходу* друг в друга, что характерно в целом для ницшевской философии [Фаритов].

Другая важная ницшевская идея, воспроизводимая в цикле «Анатоль», связана с понятием *игры*. Ницше полагал, что в глубине души художника лежит творческая свобода произвола, как это складывалось в философии античности. Так, например, Гераклит в центре учения об искусстве видел играющего ребёнка, а дух философии Анаксагора представлял собой игру. Игровое начало, по Ницше, является основополагающим при взгляде на мир художника, который смотрит на хаос становления и разъединения с целью созидания. При этом аполлоническое начало (соблюдение границ, пределов и меры) создаёт иллюзорную видимость мира, которая и для Анатоля часто

оказывалась ложной, так как мир состоял из конкретных ситуаций, в которых очень хорошо ориентировался его друг-антагонист Макс.

Дионисийский мир, по Ницше, раскрывал истину аполлонического начала, суть которого в том, чтобы быть ложью. Так и Анатолий бывал обманут, а Макс, следуя немудрёным житейским правилам, иронизировал над ним. Такое распределение по ролям в цикле пьес представляется интересным и по другой причине. Как известно, Ницше в силу антифеминистских взглядов, например, в книге «Так говорил Заратустра» (1883), утверждал зависимую роль женщины по отношению к мужчине: «*Двух вещей хочет настоящий мужчина: опасности и игры. Поэтому хочет он женщины как самой опасной игрушки*» [Ницше: 47]. Игровое начало в отношении мужчины к женщине заключено, по Ницше, в детском природном свойстве мужчины: «*В настоящем мужчине сокрыто дитя, которое хочет играть... Пусть женщина будет игрушкой, чистой и лучистой, как алмаз, сияющей добродетелями ещё не существующего мира*» [Там же].

Идею физической и моральной неполноценности женщины по сравнению с мужчиной Ницше заимствовал из эссе своего уважаемого предшественника А. Шопенгауэра «О женщинах» (1851). Немецкий философ рассуждал в духе просветительской науки XVIII в. о слабости, инфантильном начале, незначительных духовных силах, узком кругозоре и отсутствии рефлексии у женщины, отличающейся от мужчин хитростью и склонностью ко лжи [Шопенгауэр]. Указанные женские качества конкретно воплощались в культурном пространстве венского модерна в образах кокоток, куртизанок, гризеток и актрис. Общим их наименованием стало «*süßes Mädl*» («милашка») — тип «миловидной, простоватой незамужней женщины, чувствующей себя в праве удовлетворять своё любопытство в сексуальной сфере» [Кандель: 120]. Другое её определение: «*Это симпатичная девушка из простонародья, по ряду причин хорошо подходящая для мужчин из высшего общества в качестве любовницы...*» [Там же: 120—121].

Аристократу Анатолию вереница любовных эпизодов необходима для установления истинной добродетели или лжи «милых девушек» в увлекательном процессе по игровому правилу «*любит — не любит?*». Иллюзорное «аполлоническое» представление Анатолия предполагало — «*любит*», а «дионисийская» практика часто выявляла обратный вариант — «*не любит*», хотя девушка могла сказать, что «любит», т. к. врождённая женская ложь прикрывалась притворством. Тогда истинным ответом будет то, что определялось правилами игры — «*не любит*». Так, в любовном хороводе под управлением Анатолия установленное правило претворялось с первой до последней пьесы, находя своё неожиданное и абсурдное завершение в намерении Анатолия жениться на неназванной невесте, хотя он любил в день свадьбы актрису Илону. При этом разрушились и общепринятые принципы комедийного жанра со счастливым финалом.

Несомненно, читатели и зрители могли уловить в образе Анатолия воплощённые философские идеи Ницше. Как показывает обзор критической литературы в России и за рубежом, некоторые литературоведы обращали внимание на структурообразующую роль игрового начала цикла пьес Шницлера в ницшевской интерпретации. Так, Лев Троцкий, представитель марксистской критики, в статье 1902 г. указал на отношение к жизни Шницлера как на отношение к любовнице, «а к любовнице, как к жизни: побольше наслаждений, радости, красоты!.. Побольше капризных комбинаций на одну и ту же старую, но неизбежную тему любви!» [Троцкий: 8]. Автор

прямо указал на источник — философские рассуждения Ницше. По мнению Т.А. Путинцевой, Шницлер в образе Анатоля не нашёл настоящей любви не в силу своей легкомысленности: «В нём нет больших и сильных чувств, потому что они не могут существовать среди лжи, лицемерия и предрассудков» [Путинцева: 315]. По этой причине остаётся характерная для драматургии Шницлера ситуация «жизнь — вечная игра» [Там же: 318]. А.И. Жеребин справедливо оценивает, вслед за Г. Брохом, жизнь в Вене — «центре европейского вакуума ценностей ... без выхода к положительным решениям» [Жеребин: 18]. По его мнению, шницлеровский нигилизм, столь ярко представленный Ницше, привёл к отрицанию высоких идеалов и пустоте жизни, и «все конфликты коренятся в психологии отдельной личности..., а образ человеческой души, вовлечённой в роковую игру любви и смерти, для художника важнее и интереснее, чем матросский бунт» [Там же].

Немецкие критики находят в Анатоле прежде всего эстетские и декадентские черты. Так, М. Перльман подчёркивает в заглавном герое искусственные причины его поведения: игру в любовь без надежды на продолжительные отношения и его постоянную саморефлексию, ставшую причиной слабости воли в нищевском её понимании. Поэтому, по мнению исследовательницы, Анатоль — образ странного любовника, склонного к болезненной и по сути умирающей любви, что приближает его к персонажам декадентских произведений [Perlman: 41]. Критик Х. Шайбле сравнил значение философии Э. Маха, выступившего с идеей иллюзорности человеческой личности («Я обречено на гибель»), с эпохальным нигилистическим утверждением Ницше о смерти Бога. Следствием философии Маха и Ницше, считает литературовед, стала потеря объективного понимания категорий человек, история, истина и верность. Вместо них появились преходящие «настроения», «ощущения» и «любовные забавы», ставшие объектом изображения в цикле пьес «Анатоль» [Scheuble: 43]. По мнению Ю. Фогель, импрессионистический герой Анатоль изменил существующие жанровые каноны, приблизившись к карикатурным средствам: на сцене ставятся ничем не примечательные любовные истории, как в «Анатоле», но не по драматическим правилам, а по эпическим. Выбирается самая обычная история, характерная для венской жизни, и в неизменных формах её общественного бытования она переносится на сцену [Vogel: 297].

Игровые правила цикла «Анатоль». Одноактные драмы Шницлера первоначально были названы автором «Верность». Драматические сцены с участием Анатоля, друга Макса и семи возлюбленных не имеют какого-либо значимого объединяющего события. Однако, по справедливому замечанию А.А. Куреленкова, полусвет австрийской столицы ярко представлен в цикле драм: «*Шницлер изображает характеры и ситуации хорошо знакомой ему среды... Писатель создает социально-конкретные образы, в которых находят отражение черты, характерные для жизни определенных социальных групп Вены*» [Куреленков].

Семь пьес создавались в разное время, а цикл был организован позднее в следующей последовательности: «Роковой вопрос» (1889), «Рождественские покупки» (1891), «Эпизод» (1888), «Сувенир» (1890), «Прощальный ужин» (1891), «Агония» (1890) и «Утро Анатоля перед свадьбой» (1888).

В первой пьесе «Роковой вопрос» Анатоль делится с Максом своей философией любви. Речь заходит об одной из возлюбленных Анатоля, которая клянется в любви, но Анатоль в этом глубоко сомневается. Поэтому дилемма «любит — не любит?» не дает ему покоя:

Анатоль. Я знаю, что она меня обманывает!.. <...> Когда я ее спрашиваю: любишь ты меня? — она говорит да — и говорит правду; и когда я ее спрашиваю — верна ли ты мне? — она опять говорит да — и опять говорит правду, потому что о других вовсе и не вспоминает — в этот момент, по крайней мере. И затем, разве хоть одна ответила тебе когда-нибудь: мой милый друг, я тебе неверна? [Шницлер]¹.

Друзья решили применить входивший в моду гипноз, чтобы узнать, любит ли девушка Кора Анатоля. Загипнотизированная Кора на первый вопрос, сколько ей лет, уверенно ответила: двадцать один, хотя Анатолю она представилась девятнадцатилетней. На вопрос, *любит* ли она Анатоля, Кора ответила утвердительно. Макс настаивал на третьем вопросе: верна ли Кора Анатолю? Ответ на этот вопрос Анатолю хотел услышать без присутствия Макса, чтобы «не возбуждать сострадания» друга. Макс удалился, но Анатолю так и не осмелился задать этот вопрос, боясь услышать от Кору: *не верна*. Возвратившийся Макс уверенно утверждал, что женщины врут даже в гипнозе. Анатолю же предпочёл жить приятной иллюзией.

В «Рождественских подарках» бывшая замужняя подруга Анатоля Габриэла, случайно встретив его — «легкомысленного меланхолика» — на улице Вены, пыталась помочь ему выбрать подарок для теперешней возлюбленной, об отношениях с которой Анатолю говорил крайне неопределённо: то ли она его *любит*, то ли *нет*:

Анатоль. «Нет» — сказанное вовремя, даже сорвавшееся с наиболее дорогих уст — я мог его перенести. Но «нет», когда глаза сто раз говорили «может быть», когда губы сто раз усмехались: «возможно», когда интонация голоса сто раз звучала: «наверное» — такое «нет» делает нас... Такое «нет» сводит нас с ума или делает озлобленными!

Габриэла попыталась воссоздать воображаемый портрет новой возлюбленной Анатоля, купила для неё цветы и просила передать следующие слова: «*Эти цветы, моя... милая девица, посылает тебе женщина, которая может быть умеет любить так же, как и ты, но которой на это не хватило храбрости*». Такое признание сильно раздосадовало Анатоля, но ненадолго.

Вереницу любовных походов Анатоля Макс назвал «эпизодами» (пьеса носит название «Эпизод»). Их накопилось у Анатоля большое количество. Однажды он принёс Максу большой пакет с письмами своих возлюбленных, чтобы сохранить их. Макс иронически заметил: «*Ибо они все, быть может, перестали любить тебя, но ни одна не перестала ревновать*». Для Анатоля, по мнению Макса, ценно лишь настроение, оставшееся после недолгих любовных встреч без утраты каких-либо иллюзий:

Макс. Не я просмотрел, что в ней было, а ты видел то, чего в ней не было. Из богатой, прекрасной жизни твоей души ты влил в ее ничтожное сердце свою фантастическую молодость и пыл, и то, что блестело в ней, было отблеском от **твоего** света.

Действительно, для Анатоля письма остались романтическими «воспоминаниями о блаженстве»:

Анатоль. Я представлялся себе великаном духа. Эти девушки и женщины — я растаптывал их своими мощными шагами, которыми я шествовал по земле. Закон природы, думалось мне, — я должен идти через вас вперед.

Макс. Ты был бурным ветром, который сдувает лепестки... Не так ли?

¹ Здесь и далее тексты драм цитируются по: [Шницлер].

Анатоль. Да! Я шумно несся вперед. Поэтому-то я и думал: бедное, бедное дитя. Теперь оказывается, что я ошибся. Теперь я знаю, что я не принадлежу к великим мира и, что особенно грустно, — я помирился с этим. Но тогда!

Анатоль бесконечно идеализировал своих возлюбленных. Он с восторгом вспоминал о Бьянке — «волшебной» цирковой артистке и был уверен, что она его искренне *любила*. С Бьянкой был знаком и Макс. Он, напротив, видел в ней «одну из падших». Неожиданно Бьянка пришла на квартиру Макса, и Анатоль с ужасом увидел, что Бьянка его *не узнала*. Анатоль сломя голову убежал из квартиры. Макс показал Бьянке цветок, оставшийся в конверте Анатоля с момента встречи с Бьянкой. Она удивлённо спросила Макса: «*Значит, он любил меня?*». В финале Макс бросил конверт в камин, что было «мстью Макса за Анатоля», и попросил Бьянку рассказать о «похожем» любовнике в Петербурге.

Социальное положение Анатоля позволяло ему быть беззаботным и эгоистичным. Не смотря на ограниченность пространства, в котором происходят встречи Анатоля (его комната или комната возлюбленной, кабинет Макса), в пьесах создаются диалоги в духе разговорной венской драмы. Диалоги определяют в рефлексии героя на создавшуюся ситуацию черты его характера и психологию личности. Анатоля интересует только вопрос об искренности чувств своих возлюбленных (*любит?*), а их стереотипные ответы, граничащие с ложью, позволяют Анатолю усомниться в их чувствах (*не любит*).

Сохраняя свое положительное эмоциональное отношение к женщинам и цинично эксплуатируя их, Анатоль предельно эгоцентричен. В пьесе «*Сувениры*» ревность Анатоля достигла апогея в диалоге с возлюбленной Эмилией, на которой он был согласен жениться. Но случайно возник вопрос, кто является дарителем двух камней (рубина и бриллианта). Если рубин был подарен, по словам Эмилии, матерью, то бриллиант связывал её воспоминания с первой юношеской любовью:

Анатоль. Письма, веера, тысячи безделушек, которые напоминали мне то время, когда мы не знали друг друга... Все это мы вместе с тобой бросили в огонь... Все кончено... Кончено между нами... О, как искусно ты играла! Как в лихорадке, будто с намерением отмыть всякое пятнышко от твоего прошлого, ты стояла здесь перед камином, когда листки, связки и разные безделушки пылали в огне... Как ты там плакала, — эти слезы просветления, слезы раскаяния... Глупая комедия! Видишь теперь, что все это было напрасно? Что я все же не доверял тебе?

Эмилия действительно не солгала Анатолю, поскольку он презирал всякую ложь и не простил бы ей обмана. Теперь Эмилии пришлось признаться, что она «падшая», а бриллиант стоил больших денег. Анатоль бросил камень в камин, Эмилия торопилась разгрести пылающие угли. Со словами оскорбления Анатоль ушёл. От *любви* до *нелюбви* у Анатоля один шаг. Бескомпромиссность его поступка по отношению к женщине раскрывала его циничную ницшевскую философию.

Однако в следующей пьесе «*Прощальный ужин*» появляется актриса Анни с намерением «дать отставку» Анатолю, поскольку она безумно влюбилась в танцора Карла, и это было для неё судьбоносным событием. Отношения Анатоля с Анни, с точки зрения Анатоля, также подошли к финалу, и он до встречи с ней за ужином искал подходящие слова: с ней «скучно», и у него появилась новая подруга: «*Я не могу дальше вести*

двойную игру. Я теряю всякое уважение к себе!.. В конце концов я вновь влюблюсь в неё, когда она заплачет, — а тогда ведь я обману другую!»

Анатоль и Анни взаимно признались, что *не любили* друг друга и изменяли уже давно, говоря, однако, что *любили*. Анни обманывала Анатоля, считая себя «слишком ловкой», а Анатоля «слишком глупым». Он впервые открыто услышал об измене «любимой». Её роль по сравнению с прежними пьесами кардинально поменялась. Анатолю был обманут без какого-либо сомнения. Однако в истории взаимной *нелюбви* Анатолю нашёл себе утешение в том, что посчитал своё отношение к Анни «несколько менее *невинным*», поскольку был «недальновиден, как все мужчины».

В пьесе «Агония» перед зрителем предстал постаревший Анатолю: «*в пальто, с палкой*», он «*тяжело опускается в кресло*». Анатолю третий год исполнял роль любовника замужней женщины. В таком возрасте, иронически заметил Макс, он уже не страдал, а боялся «*медленного, постепенного, бесконечно печального увядания*». По его мнению, Анатолю переживал агонию любви: «*Теперь ты проделываешь нечто худшее, чем сама смерть — это что-то медленно отравляющее*». Но Анатолю не сдавался, хотя и называл себя «*ипохондриком любви*» [Schnitzler: 64]: он постоянно боялся заболеть меланхолией или каким-либо другим «заболеванием»:

Анатоль. Потому что среди этой бесконечной пустоты агонии бывают особенные, обманчивые моменты расцвета, когда все прекраснее, чем когда-либо было раньше!.. Никогда нет у нас такой огромной жажды счастья, как в эти последние дни любви, — и если тут случится какое-нибудь настроение, какое-нибудь случайное опьянение, что-нибудь почти ничтожное, переодетое в костюм счастья, мы не захотим срывать маску...

Замужней возлюбленной оказалась барышня Эльза. Она ненадолго заглянула к Анатолю, чтобы задать вопрос, *любит* ли он её? Взаимное объяснение в любви, однако, ставится Анатолю под вопрос: Эльза многим пожертвовала ради их любви, и в первую очередь, отношениями с мужем. Такое объяснение Эльзы убедило Анатоля в *нелюбви* к ней. Но необходимо было поддерживать иллюзию симпатии друг к другу (маску), считал он, хотя и признался, что это «глупо».

Заключительная пьеса «Утро в день свадьбы Анатоля» оставляет финал всего цикла открытым. Анатолю готовился к свадьбе. Макс планировал стать шафером. Друзья говорили о вчерашнем предсвадебном вечере, и Анатолю вспомнил «холодный поцелуй» невесты, почувствовал «озноб» и остался на зимней улице один:

Анатоль. Замерзая от холода! Тут я почувствовал ужасную боль от того, что я уже более не свободный человек, что я должен раз навсегда сказать «прости!» моей безмятежной, милой, сумасбродной, молодой жизни. Последняя ночь, сказал я себе, когда ты можешь вернуться домой, не будучи спрошен: где ты был?.. Последняя ночь свободы, приключений... Быть может любви!

За «прощальным ужином» последовал маскарад. Анатолю танцевал с «восхитительной брюнеткой» и «маленькой блондинкой», но одну «маску» он не распознал и наговорил ей много всего: «*Старую сказку: я уезжаю, скоро вернусь назад, буду вечно тебя любить*». Незнакомка восприняла слова Анатоля всерьёз и обещала никогда с ним не расставаться. Но это была не невеста, а вчерашняя «маска» — Илона, проснувшаяся теперь в соседней спальне. Как заметил Анатолю, «*женятся всегда на другой*». Ничего не подозревающая Илона предположила, что состоится свадьба Макса и хотела

увидеть даму Анатоля. Когда принесли свадебный букет цветов и отдали его Илоне, она призналась ему в любви:

Илона. Ведь ты любишь меня.

Анатоль. К сожалению!

Илона. Как?

Анатоль (кричит). К сожалению!

Илона. Ты очень храбр, когда в другой комнате. В лицо этого не скажешь мне.

Анатоль (открывает дверь, высовывает голову). К сожалению!

Илона (идет к двери). Что это значит, Анатоль?

Анатоль. Это значит, что так не может вечно продолжаться!

Илона. Нет, мой друг, ты любишь меня и не можешь бросить меня.

Анатоль. Ты, верно, с ума спятила, моя милая. Я люблю тебя, — это прекрасно, — но навеки мы не связаны.

Анатоль сообщил, что его ждёт невеста, и свадьба должна состояться сегодня. Он уходит. Илона безутешна. Практичный Макс успокаивает её: это не обман, не безумие и не оскорбление, — «это сама жизнь»:

Макс. Главное здесь то, — что вовсе не вы — здесь — обманутая!

Илона. ...?

Макс. К вам можно вернуться, ту можно покинуть! Теперь вы представляетесь мне совсем величественной — вы кажетесь мне женщиной, которая хочет отомстить нам за весь свой пол.

Концовка цикла, хотя и очень робко, затрагивает важную общественную проблему, поднятую Х. Ибсенем в драме «Кукольный дом» (1879) — проблему женских прав по сравнению с мужскими. Подчинённая роль шницлеровских «милых девушек» осознаётся лишь Максом. В драме Шницлера сталкиваются официально принятые ницшевские воззрения на роль женщины в обществе, которые демонстрирует Анатоль, и естественные чувства куртизанок, что так же, как и в ибсеновской драме, провоцирует к дискуссиям на тему «новая женщина».

Заключение. Игровое начало цикла «Анатоль», построенное по правилам «любит — не любит?», обостряет восприятие открытого финала драмы: разрешить страдания Анатоля и его возлюбленных может только истинная любовь или стремление к истине, которую Анатоль заменяет иллюзией или обманом. Возможно, о чём говорит финал, Анатоль найдёт счастье в намеченном браке, что маловероятно. Возможно, Анатоль вернётся к Илоне, но будет ли он счастлив с ней? Кажущийся на первый взгляд «развлекательный» цикл Шницлера имел большой репертуарный успех в Австрии и Германии. В 2005 г. началась сценическая история цикла «Анатоль» Шницлера в России, в Санкт-Петербургском театре юного зрителя им. А. Брянцева — спектакль режиссера О. Рыбкина и художника И. Кутянского «Анатомия Анатоля». Критика высоко оценила сценическую интерпретацию цикла: актуальность драматургического материала для молодого зрителя, несмотря на «буржуазную пьесу» и психологические модели поведения прежних поколений. Констатируя «разрыв во времени и сознании», обнаруживается «современный взгляд театра, с позиции двадцать первого века, рассматривающего милый, уютный и такой нециничный цинизм века ушедшего» [Смирнова-Несвицкая].

Список источников

- Шницлер А. Анатолий. URL: http://az.lib.ru/s/shnicler_a/text_1893_anatol.shtml (дата обращения: 20.09.2022).
- Schnitzler A. Anatol // Schnitzler A. Reigen. Dramen und Erzählungen. Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun., 1979. S. 5—89.

Список литературы / References

- Бар Г. Импрессионизм // Москвина Е. Символическая реальность. Статьи о немецкой и австрийской литературе. Переводы. М.: Глобал Ком; Языки славянской культуры, 2017. С. 269—275.
- (Bahr H. Impressionism, *Moskvina E. Symbolic reality. Articles about German and Austrian literature. Translations*, Moscow, 2017, pp. 269—275. — In Russ.)
- Жеребин А.И. Новеллы Артура Шницлера в контексте русской литературы // Шницлер А. Барышня Эльза: новеллы. СПб.: Северо-Запад, 1994. С. 5—20.
- (Zherebin A.I. Short stories by Arthur Schnitzler in the context of Russian literature, *Schnitzler A. The Young Lady Elsa: short stories*, St. Petersburg, 1994, pp. 5—20. — In Russ.)
- Кандель Э. Век самопознания. Поиски бессознательного в искусстве и науке с начала XX века до наших дней. М.: АСТ; CORPUS, 2016. 720 с.
- (Kandel E.R. The Age of Insight: The Quest to Understand the Unconscious in Art, Mind, and Brain, from Vienna 1900 to the Present, Moscow, 2016, 720 p. — In Russ.)
- Куреленков А.А. Принципы построения характера в цикле одноактных пьес Артура Шницлера «Анатоль» // Проблемы характера в литературе зарубежных стран: сб. научных трудов. Свердловск, 1988. С. 49—59. URL: <https://md-eksperiment.org/ru/post/20190324-principy-postroeniya-haraktera-v-cikle-odnoaktnyh-pes?ysclid=lbhrdo765p406643160> (дата обращения: 16.11.2022).
- (Kurelenkov A.A. Principles of character building in the cycle of one-act plays by Arthur Schnitzler “Anatole”, *Character problems in the literature of foreign countries: collection of scientific papers, Sverdlovsk, 1988, pp. 49—59*. — In Russ.)
- Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 5—237.
- (Nietzsche F. Thus spoke Zarathustra. A book for everyone and for no one, *Nietzsche F. Collected works: in 2 vols.*, Moscow, 1990, vol. 2, pp. 5—237. — In Russ.)
- Путинцева Т.А. Австрийский театр // История западноевропейского театра. М.: Искусство, 1974. Т. 6. С. 295—334.
- (Putinceva T.A. The Austrian Theater, *History of the Western European theater*, Moscow, 1974, vol. 6, pp. 295—334. — In Russ.)
- Слободкин Г.С. Венская народная комедия XIX века. М.: Искусство, 1985. 223 с.
- (Slobodkin G.S. Viennese folk comedy of the nineteenth century, Moscow, 1985, 223 p. — In Russ.)
- Смирнова-Несвицкая. Анатомия Анатоля. URL: <https://ptj.spb.ru/archive/39/premieres-39/anatomiya-anatolya/?ysclid=lbi0y37flo884481175> (дата обращения: 16.10.2022).
- (Smirnova-Nesvickaya M. Anatole ‘s Anatomy. — In Russ.)
- Троцкий Л. Об Артуре Шницлере. URL: http://az.lib.ru/t/trockij_l_d/text_1902_ob_arture_shnitzlere.shtml (дата обращения: 16.11.2022).
- (Trocki L. About Arthur Schnitzler. — In Russ.)
- Фаритов В.Т. Онтология трансгрессии. Г.В.Ф. Гегель и Ф. Ницше у истоков новой философской парадигмы (из истории метафизических учений). URL: https://bookz.ru/authors/va4eslav-faritov/ontologi_159/1-ontologi_159.html?ysclid=lc2knk7fxh969374778 (дата обращения: 08.12.22).
- (Faritov V.T. The Ontology of Transgression. G.V.F. Hegel and F. Nietzsche at the origins of a new philosophical paradigm (from the history of metaphysical teachings). — In Russ.)

- Хёйзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М. Прогресс; Прогресс-Академия, 1992. 458 с.
(Huizinga J. Homo ludens. In the shadow of tomorrow, Moscow, 1992, 458 p. — In Russ.)
- Цветков Ю.Л. Литература венского модерна. Постмодернистский потенциал. М.; Иваново: МИК, 2003. 432 с.
(Tsvetkov Yu.L. Literature of Wiener Moderne. Postmodern potential, Moscow; Ivanovo, 2003, 432 p. — In Russ.)
- Цветков Ю.Л. Любовное чувство мимолётного героя в цикле драм «Анатоль» Артура Шницлера // Актуальные проблемы славянской филологии. Серия: лингвистика и литературоведение: межвузовский сборник научных статей. Бердянск: Бердянский державный педагогичний университет, 2013а. Вып. 27. Ч. 4. С. 274—284. URL: <https://dereksiz.org/lyubovnoe-chuvstvo-mimoletnogo-geroia.html> (дата обращения: 24.10.2022).
(Tsvetkov Yu. L. The love feeling of a fleeting hero in the drama cycle “Anatole” by Arthur Schnitzler, *Actual problems of Slavic philology. Series: Linguistics and literary studies: interuniversity collection of scientific articles*, Berdyansk, 2013a, iss. 27, pt. 4, pp. 274—284. — In Russ.)
- Цветков Ю.Л. Модернизм и постмодернизм: правила игры // Художественное слово в пространстве культуры: проблемы игрового начала. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2013b. С. 49—59.
(Tsvetkov Yu. L. Modernism and postmodernism: rules of the game, *Artistic word in the space of culture: problems of the game*, Ivanovo, 2013b, pp. 49—59. — In Russ.)
- Шопенгауэр А. О женщинах. URL: https://royallib.com/read/shopengauer_artur/o_genshchinah.html#0 (дата обращения: 09.03.2022).
(Schopenhauer A. About women. — In Russ.)
- Эко У. Открытое произведение: Форма и неопределённость в современной поэтике. СПб.: Акад. проект, 2004. 380 с.
(Eco U. An Open Work: Form and Uncertainty in Modern Poetics, St. Petersburg, 2004, 380 p. — In Russ.)
- Perlman M. Arthur Schnitzler, Stuttgart: Metzler, 1987, 195 S.
- Scheible H. Arthur Schnitzler mit Selbstzeugnissen und Bilddokumenten, Hamburg: Rowohlt Verlag, 1996, 160 S.
- Vogel Ju. Hofmannsthals und Schnitzlers Dramen, *Die Literarische Moderne in Europa*, Hg. von J. Piehotta, R.-R. Wuthenow, S. Rothemann, Bd. 2. *Formationen der literarischen Avantgarde*, Opladen: Westdeutscher Verlag, 1994, S. 283—303.

Статья поступила в редакцию 10.12.2022; одобрена после рецензирования 17.12.2022; принята к публикации 20.01.2023.

The article was submitted 10.12.2022; approved after reviewing 17.12.2022; accepted for publication 20.01.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Цветков Юрий Леонидович — доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, jzvetkow@mail.ru

Tsvetkov Yuriy Leonidovich — Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Foreign Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, jzvetkow@mail.ru

ФИЛОЛОГИЯ PHILOLOGY

ЯЗЫКОЗНАНИЕ LINGUISTICS

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2. С. 34—43.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 2. P. 34—43.

Научная статья

УДК 81'24

DOI: 10.46726/И.2023.2.4

МОЛЧАЩИЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ КАК ПРОДУЦЕНТ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ТЕРЦИАРНОЙ РЕЧИ

Владимир Николаевич Бабаян

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского,
г. Ярославль, Россия, vladimirbabayan@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли молчащего наблюдателя (МН) как «пассивного» участника в диалогическом дискурсе терциарной речи и его влиянию на вербальное и невербальное поведение активных участников триады /АЧТ/, коммуникантов и продуцирующего своим присутствием особое терциарное речевое произведение — триадный диалог или диалог в триаде, представляющий особый тип диалога, характеризующийся специфическими особенностями, отличающими его от обычного двустороннего речевого обмена, диалога. Исследованы психолингвистические особенности диалога в триаде (диалога терциарной речи) в присутствии МН. МН классифицируется как *эксплицитный МН* (ЭМН), явно присутствующий при разговоре партнеров по двустороннему акту коммуникации, и *имплицитный МН* (ИМН), присутствующий при разговоре двоих коммуникантов неявно, в воображении одного из собеседников или обоих. Выявлено, что МН (ЭМН и ИМН) как третий участник диалога своим присутствием создает определенную коммуникативно-речевую ситуацию, воздействует на речевое и невербальное поведение коммуникантов, продуцентов диалога, модифицирует форму и содержание подобного диалога. Своим присутствием при разговоре двоих МН создает особую форму общения, триадный диалог. Благодаря этой коммуникативной роли МН становится значимым членом речевой ситуации и экстралингвистическим фактором, оказывающим влияние на ее коммуникативно-психологический фон. Статья содержит модели диалогов в триаде с МН с его различной ролью в конкретных актах коммуникации.

Ключевые слова: молчащий наблюдатель (МН), диалогический дискурс, терциарная речь, диалог, диалог в триаде, альянс

Для цитирования: Бабаян В.Н. Молчащий наблюдатель как продуцент диалогического дискурса терциарной речи // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2. С. 34—43.

Original article

A SILENT BYSTANDER AS A TERTIARY DIALOGICAL DISCOURSE PRODUCER

Vladimir N. Babayan

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky,
Yaroslavl, Russian Federation, vladimirbabayan@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the study of a silent bystander's role in a tertiary dialogical discourse and his influence on its speakers' verbal and nonverbal behaviour and thus forming a specific type of a discourse — a triadic dialogue that is a special type of a dialogue characterized by specific features that distinguish it from an ordinary two-way dialogue. The article reveals psycholinguistic aspects of a tertiary speech dialogue with a silent bystander. The silent bystander is classified as an *explicit silent bystander* and *implicit silent bystander*. The silent bystander's presence has a specific influence on the interlocutors' speech behaviour verbal as well as and non-verbal. Due to such an influence a special type of a dialogue, a triadic one, is formed. Thus, the fact of a silent bystander's presence reconstructs the whole communication process, modifies both the content and the form of the two-person dialogue. So due to that communicative role a silent bystander appears to be an important participant of the communicative situation and extralinguistic factor influencing the communicative and psychological conditions of a tertiary dialogue. The article presents triadic dialogue models with a silent bystander's different roles in the given communicative acts.

Keywords: silent bystander, dialogical discourse, tertiary speech, triadic dialogue, dialogue, triadic dialogue, alliance

For citation: Babayan V.N. A silent bystander as a tertiary dialogical discourse producer, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 2, pp. 34—43.

Терциарная речь подразумевает диадическое общение активных участников акта коммуникации, адресанта и адресата, в присутствии третьего пассивного лица (лиц), не участвующего в текущем разговоре. В настоящей работе данный третий участник диалога называется «молчащим наблюдателем» (МН). Являясь третьей стороной диалога двоих общающихся, МН, как правило, влияет на вербальное и невербальное поведение коммуникантов и фактом своего присутствия способствует формированию триады, превращая тем самым диалог партнеров по общению в особую форму речевого общения — триадный диалог или диалог в триаде [Бабаян 2021: 98—99].

Итак, МН своим присутствием оказывает воздействие на самих общающихся, активных членов триады (АЧТ), реконструирует весь коммуникативный процесс, модифицирует форму и содержание терциарной речи (диалога), превращая диаду в триаду. «Диалог в триаде» представляет собой терциарную речь АЧТ в присутствии МН. Именно благодаря этой важной коммуникативной роли МН становится значимым и неотъемлемым компонентом терциарной речи и тем фактором, который оказывает влияние на коммуникативно-психологический фон общения [Бабаян 1998: 11].

Как показали результаты анализа диалогов терциарной речи, молчащим наблюдателем (МН) в них может оказаться лицо, ставшее невольным участником диалога. Кроме того, МН может быть (не)заинтересован в разговоре коммуникантов и не принимать активного участия в диалоге. Очевидно, что МН по-своему воспринимает и истолковывает (декодирует) речь активных участников диалога, АЧТ [Бабаян 2021: 98]. Можем с уверенностью говорить

о том, что то, как этот молчащий участник диалога (МН) воспринимает и интерпретирует (декодирует) услышанное им речевое общение (весь диалог, отдельные диалогические единства или высказывания-реплики), формирует и отношение этого третьего участника диалога (МН) как к теме услышанного им разговора и к самим общающимся (АЧТ), так и ко всей ситуации в целом.

Считаем целесообразным представить разработанную нами общую теорию триадного диалога с МН и его значительной ролью в триаде на конкретных иллюстративных примерах из произведений художественной литературы с их последующим комплексным анализом. Необходимо также отметить, что единицей диалогического дискурса считается высказывание-реплика, высказанная полностью либо прерванная высказыванием-репликой партнера по общению [Тюкина, Бабаян: 21], [Мельникова, Тюкина: 31].

(1) Иллюстрацией диалогического дискурса терциарной речи — триадного диалога с молчащим наблюдателем — служит эпизод из рассказа «Анюта» А.П. Чехова, где автор изображает визит художника Фетисова (АЧТ₁) к студенту-медику 3-го курса Степану Клочкову (АЧТ₂) с его жилищем Анютой, эксплицитным МН:

— *Можно войти? — послышалось за дверью.*

Анюта (МН. — В.Б.) быстро накинута себе на плечи шерстяной платок. Вошел художник Фетисов.

— *А я к вам с просьбой, — начал он (Фетисов, АЧТ₁. — В.Б.), обращаясь к Клочкову (АЧТ₂. — В.Б.) и зверски глядя из-под нависших на лоб волос. — Сделайте одолжение, одолжите мне вашу прекрасную девицу (Анюту, МН. — В.Б.) часика на два! Пишу, видите ли, картину, а без натурщицы никак нельзя!*

— *Ах, с удовольствием! — согласился Клочков. — Ступай, Анюта. Человек для искусства просит, а не для пустяков каких-нибудь. Отчего не помочь, если можешь?*

Анюта (МН. — В.Б.) стала одеваться.

— *А что вы пишете? — спросил Клочков.*

— *Психею. Хороший сюжет, да все как-то не выходит; приходится все с разных натурщиц писать. Вчера писал одну с синими ногами. Почему, спрашиваю, у тебя синие ноги? Это, говорит, чулки линяют. А вы (студент Клочков, АЧТ₂. — В.Б.) все зубрите! Счастливый человек, терпение есть.*

— *Медицина такая штука, что никак нельзя без зубрячки.*

— *Гм... Извините, Клочков, но вы ужасно по-свински живете! Черт знает как живете!*

— *То есть как? Иначе нельзя жить... От бабки я получаю только двенадцать в месяц, а на эти деньги мудрено жить порядочно.*

— *Так-то так... — сказал художник и брезгливо поморщился, — но можно все-таки лучше жить... Развитой человек обязательно должен быть эстетиком. Не правда ли? А у вас тут черт знает что! Постель не прибрана, помои, сор... вчерашняя каша на тарелке... тьфу!*

— *Это правда, — сказал медик и сконфузился, — но Анюте (МН. — В.Б.) некогда было сегодня убрать. Все время занята... (Жирный курсив наш. — В.Б.) [Чехов: 111—115].*

В исследуемом акте коммуникации, как видим, три стороны: два коммуниканта — художник Фетисов (АЧТ₁) и студент-медик Степан Клочков (АЧТ₂) и Анюта — МН. Следует заметить, что анализируемое речевое произведение — диалог — продуцируется активными членами триады (АЧТ)

в присутствии третьего пассивного участника акта коммуникации (МН), Анюты. Можем с уверенностью утверждать, что данное общение в диаде в отсутствие МН не состоялось бы вообще, т. е. молчащее третье лицо — Анюта — является поводом и причиной порождения данного коммуникативного акта, ведь именно за Анютой (МН) пришел художник Фетисов (АЧТ₁): «Сделайте одолжение, одолжите мне вашу прекрасную девушку (Анюту, МН. — В.Б.) часика на два! Пишу, видите ли, картину, а без натурщицы никак нельзя!».

Представляется интересным и то, что студент-медик Степан Клочков (АЧТ₂) обращается напрямую к Анюте (МН): «Ступай, Анюта. Человек для искусства просит, а не для пустяков каких-нибудь. Отчего не помочь, если можешь?», на что Анюта (МН) никак не реагирует вербально, хотя в данной ситуации она могла и высказать свое мнение по создавшейся ситуации. Реакцию Анюты читатель узнает из слов автора, «Анюта (МН. — В.Б.) стала одеваться», она привыкла повиноваться, выполнять то, что ей велят.

Заметим также, что художник Фетисов (АЧТ₁), обращаясь к Степану Клочкову (АЧТ₂), говорит о МН в лице Анюты так, словно она вообще не находится рядом с ними в момент разговора. Можем сказать, что обращение художника Фетисова (АЧТ₁) к Клочкову (АЧТ₂) одновременно является и косвенным обращением к эксплицитному МН в лице Анюты, художник открыто заявляет, что он пришел за нею. Еще одно подобное высказывание-реплика, теперь самого Клочкова (АЧТ₂), замечаем в конце исследуемого диалога в триаде, где на замечание художника Фетисова (АЧТ₁) — «Извините, Клочков, но вы ужасно по-свински живете! Черт знает как живете!» — студент Степан Клочков (АЧТ₂) отвечает, оправдываясь: «Это правда, <...> но Анюте (МН. — В.Б.) некогда было сегодня убрать. Все время занята». Внимательный читатель замечает, что оба активных участника триадного диалога — художник Фетисов (АЧТ₁) и студент Степан Клочков (АЧТ₂) — говорят об Анюте (эксплицитном МН), не обращаясь к ней напрямую, будто она отсутствует при беседе. Подобной манерой общения коммуникантов (АЧТ) и их недоброжелательным отношением к Анюте (МН) автор, вероятно, подчеркивает более низкий социальный статус Анюты (МН), показывает ее нелегкое положение в данной коммуникативно-речевой ситуации и др.

Схему данного диалога в триаде представим на рисунке 1:

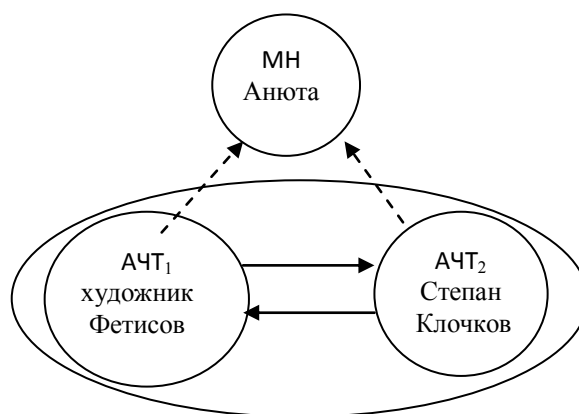

Рис. 1. Схема триады из рассказа «Анюта» А.П. Чехова

Отметим, что оба активных члена акта коммуникации — художник Фетисова (АЧТ₁) и студент Клочков (АЧТ₂) своим унижающим отношением к Анюте (МН) объединяются в альянс против МН.

В исследуемом триадном диалоге эксплицитный МН в лице Анюты является темой, поводом разговора активных членов диалога, и этот пассивный член триадного диалога до конца остается молчащим сторонним наблюдателем, хотя и мог превратиться в еще одного коммуниканта, АЧТ.

(2) В главе 7-го романа Джека Лондона «Лунная долина» (London, J. "The Valley of the Moon") приводится описание переживаний молодой девушки Саксон по поводу Билла Робертса, её молодого человека, боксера, который нравился многим девушкам, их отношений и его поведения в обществе. Как говорит Джек Лондон, "*Wednesday night, at the Orindore dance, was not all undiluted pleasure*" — «Удовольствие, полученное ею (Саксон. — В.Б.) в среду вечером на ориндорском балу, было далеко не полным». Саксон наблюдала, как "*It was shameless the way the girls made up to Billy, and, at times, Saxon found his easy consideration for them almost irritating. <...> he hurt none of the other fellows' feelings in the way the girls hurt hers. They all but asked him outright to dance with them, and little of their open pursuit of him escaped her eyes*" — «девушки бессовестно ухаживали за Биллом, и его снисходительность к ним просто злила её. <...> Билл ничем не задевал чувства других кавалеров так, как девушки задевали её собственные чувства. Они чуть ли не сами просили, чтобы он с ними потанцевал, и их навязчивое ухаживание за ним не могло от неё укрыться». Отметим, что Саксон, подруга Билла Робертса, оказывается случайным подслушивающим эксплицитным МН и темой разговора "*two of the strapping young cannery girls*" — «двух здоровенных девиц с консервного завода (АЧТ₁ и АЧТ₂. — В.Б.)». Саксон (МН) "*was pleased, as well as angered, when she chanced to overhear*" — слова, сказанные этими девицами (АЧТ) «*и рассердили, и вместе с тем обрадовали её*» (Саксон, МН. — В.Б.):

"*The way that little sawed-off* (Саксон, ЭМН. — В.Б.) *is monopolizin' him* (Билла. — В.Б.)," — *said one* (АЧТ₁. — В.Б.). *And the other* (АЧТ₂. — В.Б.): "*You'd think she* (Саксон, ЭМН. — В.Б.) *might have the good taste to run after somebody of her own age*". "*Cradle-snatcher,*" — *was the final sting that sent the angry blood into Saxon's cheeks as the two girls moved away, unaware that they had been overheard.* — «Противно смотреть, — сказала одна (АЧТ₁. — В.Б.), — как эта пигалица (Саксон, ЭМН. — В.Б.) забирает его (Билла. — В.Б.) в руки!» На что другая девушка (АЧТ₂) ответила: «Хоть бы из приличия бегала за кавалерами своего возраста, а не за такими молокососами. Ведь это называется *совращением малолетних!*» (жирный курсив наш. — В.Б.) [London: 49—50].

Обращает на себя внимание, как мастерски и тонко Джек Лондон подмечает и средствами невербальной коммуникации описывает чувства и состояние молодой девушки Саксон (ЭМН) от подслушанного ею неприятного разговора этих девиц (АЧТ₁ и АЧТ₂): «*Последние слова кольнули её сильнее всего, и Саксон покраснела от гнева*». Это есть вполне естественная реакция эксплицитного МН в лице Саксон на короткий диалог девушек. Далее автор говорит о том, что «*девушки (АЧТ₁ и АЧТ₂. — В.Б.) уже уходили, даже не подозревая, что их подслушали*». Реакция эксплицитного МН в лице Саксон на услышанное и увиденное — реплики и поведение девушек (АЧТ) — является вполне адекватной, девушки проявили вполне негативное отношение

к ней, обозвав ее «*пигалицей*». Однако следует также заметить, что Саксон (МН), даже будучи в таком тяжелом подавленном состоянии, униженная, в гневе, все равно остается МН в процессе всего диалога этих девушек, хотя вполне могла превратиться в еще одного активного члена, коммуниканта, образованной ею триады. Более того, являясь темой разговора, Саксон представляет собой молчащее третье лицо (МН), заинтересованное в разговоре девушек, она узнает истинное отношение обеих девушек (АЧТ) к ней самой (Саксон, МН) и к Биллу, её молодому человеку, видит и наблюдает, как непристойно с ее точки зрения ведут себя эти девицы (АЧТ).

Данный диалог в триаде с двумя активными его участниками — “*two of the strapping young cannery girls*” — и одним пассивным эксплицитным МН в лице Саксон схематично представим на рисунке 2:

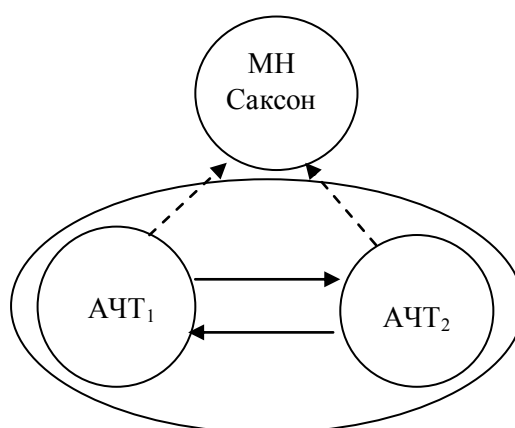

Рис. 2. Схема триады из романа «Лунная долина» Дж. Лондона

Итак, можем сделать вывод о том, что в анализируемом диалогическом дискурсе терциарной речи Саксон выступает в роли эксплицитного молчащего наблюдателя, *тайно подслушивающего* этот разговор, она является *темой диалога* коммуникантов (АЧТ₁ и АЧТ₂) в лице двух девушек. Разумеется, Саксон представляет еще и ЭМН, заинтересованного в самой теме подслушанного ею разговора, т. к. исследуемый двусторонний акт коммуникации касается ее и ее молодого человека Билла и до конца остается двусторонним, поскольку никакой явной реакции и действий подслушивающий этот разговор МН в лице Саксон не предпринимает, оставаясь до конца этого триадного диалога молчащей третьей стороной акта коммуникации.

Следует также обратить внимание на то, что в исследуемом акте двустороннего речевого обмена наблюдается **альянс** двух девиц, адресанта и адресата (АЧТ₁ и АЧТ₂), против эксплицитно присутствующего МН в лице Саксон (ЭМН). Этот союз коммуникантов в лице двух девиц находит свое выражение как в действиях и поступках активных членов триады (“*It was shameless the way the girls made up to Billy... They all but asked him outright to dance with them*” — «*девушки бессовестно ухаживали за Биллом*», девушки «*чуть ли не сами просили, чтобы он* (Билл. — В.Б.) *с ними потанцевал*», они навязчиво ухаживали за молодым человеком Саксон), так и в их высказываниях-репликах (“*The way that little sawed-off is monopolizin’ him*” — «*Противно смотреть, как эта пигалица* (Саксон, ЭМН. — В.Б.) *забирает его* (Билла. — В.Б.) *в руку!*»; “*You’d think she might have the good taste to run*

after somebody of her own age” — «Хоть бы из приличия бегала (Саксон, ЭМН. — В.Б.) за кавалерами своего возраста, а не за такими **молокососами**»; “*Cradle-snatcher*” — «Ведь это называется **совращением малолетних!**»), подчеркивающих крайне негативное отношение этих «двух здоровенных девиц с консервного завода» (АЧТ₁ и АЧТ₂) к тайно подслушивающему их ЭМН в лице Саксон.

(3) В главе 53 «Гнетущие заботы» романа Тома Клэнси «Медведь и Дракон» (Tom Clancy. “The Bear and the Dragon”. Ch. 53 “Deep Concerns”) описано заседание Политбюро КНР, на котором премьер-министр Чанг Хан Сан, активный член триады (АЧТ₁), обращается к министру обороны маршалу Луо (АЧТ₂) в присутствии других министров — членов Политбюро, эксплицитных молчащих наблюдателей (МН):

“And so, Marshal Luo?” Zhang Han San (АЧТ₁, — В.Б.) asked.

“Things go well,” he (министр обороны, АЧТ₂ — В.Б.) replied at once. “We crossed the Amur River with trivial losses, captured the Russian positions in a few hours, and are now driving north.”

“Enemy opposition?”

“Light. Very light, in fact. We’re starting to wonder if the Russians have any forces deployed in sector at all. <...> Our forces are racing forward, making better than thirty kilometers per day. I expect to see the gold mine in seven days”.

“Is anything going badly?” Qian asked.

“Only in the air. The Americans have deployed fighters to Siberia, and as we all know, the Americans are very clever with their machines, especially the ones that fly. They have inflicted some losses on our fighter aircraft,” the defense minister admitted.

“How large are the losses?”

“Total, over one hundred. We’ve gotten twenty-five or so of theirs in return, but the Americans are masters of aerial combat. Fortunately, <...> they have not attacked into our territory at all.”

“Why is that, Marshal?” Fang asked.

“We are not certain,” Luo answered, turning to the MSS chief. “Tan? (АЧТ₃, — В.Б.)”

“Our sources are not certain, either. The most likely explanation is that the Americans have made a political decision not to attack us directly, but merely to defend their Russian ‘ally’ in a pro forma way. I suppose there is also the consideration that they do not wish to take losses from our air defenses, but the main reason for their restraint is undoubtedly political.”

Heads (присутствующие, МН. — В.Б.) nodded around the table. It was indeed the most likely explanation for the American lack of action, and **all of these men** (все члены Политбюро и МН в том числе. — В.Б.) understood political considerations. <...>

“Then why is their navy not taking action? Their navy is most formidable, but it does nothing, correct, Luo?”

“Not to this point, but we are wary of them,” the marshal warned. <...>

“We have patrol aircraft looking for them, but so far, we have not spotted anything. We know they are not in harbor, but that is all.”

“They do nothing with their navy. They do nothing with their land forces. They sting us slightly with their air forces, but what is that? The buzzing of insects.” Zhang dismissed the issue.

“How many have underestimated America, and this Ryan fellow, and done so to their misfortune?” Qian demanded. “**Comrades, I tell you, this is a dangerous situation we are in. Perhaps we can succeed, all well and good if that comes to pass, but overconfidence can be any man’s undoing.**”

“And overestimating one’s enemy ensures that you will never do anything,” Zhang Han San countered. “Did we get to where we are, did our country get to where we are, by timidity? The Long March was not made by cowards.” **He looked around the table, and no one** (МН. — В.Б.) **summoned the character to argue with him.**

“So, things go well in Russia?” Xu asked the defense minister.

“Better than the plan,” Luo assured them all.

“Then we proceed,” the Premier decided **for them all** (МН в том числе. — В.Б.), once others had made the real decisions. The meeting soon adjourned, and **the ministers** (МН в том числе. — В.Б.) **went their separate ways.** (жирный курсив наш. — В.Б.) [Clancy: 926—929].

Данный пример диалога терциарной речи, как видим, представляет заседание Политбюро КНР, где наблюдаем более двух коммуникантов, на котором обсуждается военно-политическая обстановка. В обсуждении активное участие принимают премьер-министр Чанг Хан Сан (АЧТ₁), министр обороны маршал Люо (АЧТ₂), глава Министерства государственной безопасности Тан (АЧТ₃) и другие министры и члены этого политического органа. Следует заметить, что помимо коммуникантов, активных участников данного диалога-обсуждения положения дел (АЧТ), на заседании присутствуют и т. н. пассивные, т. е. *эксплицитные* МН. В тексте исследуемого диалога, как видим, Том Кленси обозначает МН и их действия такими языковыми средствами, как “**Heads nodded around the table**” — «**Сидящие вокруг стола** закивали головами»; “**all of these men understood political considerations...**” — «**все члены Политбюро и МН в том числе понимали, что такое политические соображения...**»; “**the Premier decided for them all...**” — «**решил за всех** (МН в том числе. — В.Б.) премьер-министр»; “**and the ministers went their separate ways**” — «**и министры** (МН в том числе. — В.Б.) разошлись по своим кабинетам» и др. Интересным представляется и прямое обращение Киана (АЧТ) ко всем присутствующим: “**Comrades, I tell you, this is a dangerous situation we are in**” — «**Товарищи, я продолжаю утверждать, мы попали в опасную ситуацию**». По контексту текста диалога можем утверждать, что вокатив *comrades* — *товарищи* включает в себя всех присутствующих АЧТ и эксплицитных МН. Помимо того, следует подчеркнуть, что в лингвистическом плане МН находит свое выражение посредством таких лексических единиц, как инклюзивные местоимения: *we (all), our, us, them all*, существительное во множественном числе: *heads*, используемое в метонимическом значении и означающее *всех присутствующих*; *men, comrades*; отрицательное местоимение *no one*.

Важно также отметить, что сама тема и атмосфера разговора на заседании Политбюро, состояние надвигающейся опасности, трудное положение дел и многое другое, связанное с этим, сплачивает активных и пассивных участников анализируемой терциарной речи, объединяя всех в некий союз, называемый в настоящей работе *альянсом*. Альянс, как правило, предполагает наличие и противоположной стороны, противника. Такой союз в анализируемой терциарной речи обозначен следующими лексическими единицами: имена существительные нарицательные собирательные *enemy*; имена существительные собственные *Ryan, America, the Americans, Russia, the Russians*;

местоимения *they, their, them*; словосочетания *their navy, their (land) forces, their air forces* и др.

Таким образом, можем с уверенностью говорить о том, что триадный диалог состоялся — в нем участвуют три стороны: два активных участника общения (АЧТ) и один пассивный (МН). Заметим, что МН в данном акте общения эксплицитный, он, в свою очередь, состоит не из одного участника, а из группы людей — членов Политбюро.

Схему анализируемой терциарной речи в присутствии эксплицитного МН представим на рисунке 3:

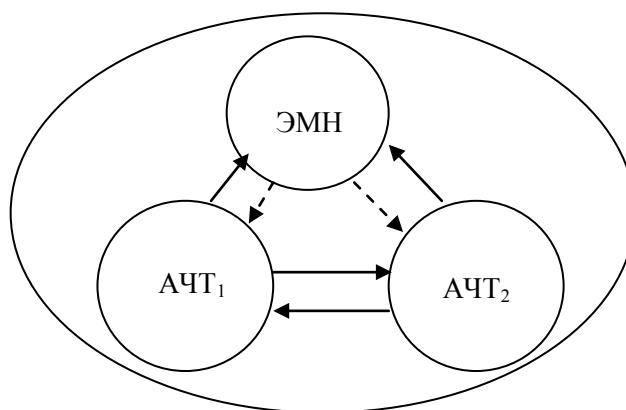

Рис. 3. Схема триады из романа «Медведь и Дракон» Тома Клэнси

Как было отмечено выше, все три стороны анализируемой терциарной речи представляют собой отдельную, автономную сторону акта коммуникации, и в то же время они объединены в один альянс посредством единой для всех цели, отношением к происходящему, единым взглядом на создавшуюся ситуацию:

$$\text{Альянс} = \text{АЧТ}_1 + \text{АЧТ}_2 + \text{МН}$$

Таким образом, как показывают результаты анализа приведенных примеров терциарной речи, коммуникативная роль присутствующего молчащего третьего лица (МН) при двустороннем речевом обмене, диалоге двоих активных членов триады (АЧТ) весьма значительна, поскольку именно присутствие МН и является тем самым фактором, который влияет как на самих коммуникантов (АЧТ), так и на форму и содержание их диалога (диалогического дискурса). Отметим также, что различны и причины возникновения речевого акта молчания в каждом из приведенных триадных диалогов. Важно также отметить, что каждая из трех сторон терциарной речи (триадного диалога) — АЧТ₁, АЧТ₂ и МН — может быть представлена как одним человеком, так и группой лиц, все АЧТ и МН являются неотъемлемыми компонентами конкретной коммуникативно-речевой ситуации и продуцентами особого типа диалога, диалога в триаде. Учет присутствия МН в диалогическом дискурсе терциарной речи и самого акта молчания позволяет по-новому взглянуть на вербальное диалогическое взаимодействие коммуникантов в триаде, выявляет новые специфические особенности общения в диалоге с МН, которые невозможно обнаружить при анализе обычного диалога двух коммуникантов.

Список источников

- Чехов А.П. Анюта // Чехов А.П. Избранные сочинения в двух томах. М.: Художественная литература, 1986. Т. 1. С. 111—115.
 Clancy T. The Bear and the Dragon. London: Penguin Books, 2001. 1137 p.
 London J. The Valley of the Moon. NY: Ballantine Books, 2016. 394 p.

Список литературы / References

- Бабаян В.Н. Особенности диалога при молчащем наблюдателе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 1998. 15 с.
 (Babayan V.N. Features of the dialogue with a silent observer: abstract diss. ... Candidate of Philology, Yaroslavl, 1998, 15 p. — In Russ.)
- Бабаян В.Н. Диалогический дискурс терциарной речи с молчащим наблюдателем как одним из его участников // Язык и общество. Диалог культур и традиций: сборник материалов научной конференции и материалы VI межрегионального научно-практического семинара. Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2021. С. 97—107.
 (Babayan V.N. Dialogic discourse of tertial speech with a silent observer as one of its participants, *Language and society. Dialogue of cultures and traditions: Collection of materials of the scientific conference and materials of the 6th interregional scientific and practical seminar*, Yaroslavl, 2021, pp. 97—107. — In Russ.)
- Мельникова К.А., Тюкина Л.А. Различные типы дискурса в современном языкознании: монография. Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2022. 160 с.
 (Melnikova K.A., Tyukina L.A. Various types of discourse in modern linguistics: monograph, Yaroslavl, 2022, 160 p. — In Russ.)
- Тюкина Л.А., Бабаян В.Н. К вопросу о единице диалогического дискурса // Лингводидактика в неязыковом вузе: традиционные и инновационные подходы: сборник научных статей по материалам II Международной научно-практической конференции. Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2020. С. 20—23.
 (Tyukina L.A., Babayan V.N. On the question of the unit of dialogic discourse, *Linguodidactics in a non-linguistic university: traditional and innovative approaches: collection of scientific articles based on the materials of the II International Scientific and Practical Conference*, Yaroslavl, 2020, pp. 20—23. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 22.12.2022; одобрена после рецензирования 26.01.2023; принята к публикации 03.03.2023.

The article was submitted 22.12.2022; approved after reviewing 26.01.2023; accepted for publication 03.03.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Бабаян Владимир Николаевич — доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия, vladimirbabayan@rambler.ru

Babayan Vladimir Nikolaevich — Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Theory and Practice of Translation, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russian Federation, vladimirbabayan@rambler.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2. С. 44—51.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 2. P. 44—51.

Научная статья

УДК 811.112.2'23

DOI: 10.46726/И.2023.2.5

ФРЕЙМ «ОПАСНОСТЬ» В ПРОГРАММЕ НЕМЕЦКОЙ ПАРТИИ «АЛЬТЕРНАТИВА ДЛЯ ГЕРМАНИИ»

Инна Владимировна Кокурина

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, inna-kokurina@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена фреймингу как одному из способов воздействия на сознание и поведение человека. На материале текста базовой программы немецкой политической партии «Альтернатива для Германии» (АдГ) констатируется тот факт, что актуализация фрейма «опасность / угроза» «заставляет» реципиента истолковывать событие так, как это выгодно манипулятору, и способствует формированию соответствующего взгляда на положение в стране, что подталкивает избирателя встать на сторону АдГ.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, фрейм, политический фрейминг, идеология, ценности, речевая манипуляция

Для цитирования: Кокурина И.В. Фрейм «опасность» в программе немецкой партии «Альтернатива для Германии» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2. С. 44—51.

Original article

THE FRAME “DANGER” IN THE PROGRAM OF THE ALTERNATIVE FOR GERMANY PARTY

Inna V. Kokurina

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, inna-kokurina@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the framing as one of the ways to influence human consciousness and behavior. Based on the text of the basic program of the German political party Alternative for Germany (AfG), it is stated that the actualization of the “danger / threat” frame “forces” the recipient to interpret the event in a way that is beneficial to the manipulator, and contributes to the formation of an appropriate view of the situation in the country, which pushes the voter to side with the AfG.

Keywords: cognitive linguistics, frame, political framing, ideology, values, speech manipulation

For citation: Kokurina I.V. The frame “danger” in the program of the Alternative for Germany party, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 2, pp. 44—51.

В процессе коммуникации любой человек опирается на накопленный багаж знаний, который он применяет для обработки, трактовки и оценки полученной информации. Представители когнитивной лингвистики утверждают, что наши знания не являются хаотичными, они структурированы определённым образом, и важнейшую роль при этом играют фреймы. Понятие фрейма (от англ. frame — рамка, каркас) впервые было введено в научный лексикон Марвином Минским, который, занимаясь проблемами искусственного интеллекта, разработал во второй половине XX века теорию фреймов. В своей работе «Фреймы для представления знаний» учёный даёт следующее определение: фрейм — это «структура знания для представления стереотипной ситуации» [Минский: 7]. Каждый фрейм, по мнению автора, можно представить как сеть, на верхнем уровне которой находятся самые устойчивые ассоциации и понятия, связанные с этим фреймом.

В лингвистике теорию М. Минского одними из первых использовали Ч. Филлмор и Т.А. ван Дейк. Ч. Филлмор понимал фрейм как «особую организацию знания, составляющую необходимое предварительное условие нашей способности к пониманию тесно связанных между собой слов» [Филлмор: 54]. С его точки зрения, на основе фреймов реципиент может интерпретировать текст, извлекая из него максимально возможную информацию. Т.А. ван Дейк, понимая фрейм как «единицу знания, организованную вокруг некоторого концепта, содержащую основную, типическую и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с тем или иным концептом» [Дейк: 16], отмечает его конвенциональную природу, уходящую корнями в типичные ситуации и образцы поведения в том или ином обществе. Аналогичная трактовка фрейма представлена отечественными учеными в «Кратком словаре когнитивных терминов» [Демьянков].

В дальнейшем американский профессор Р.М. Энтман поднимает проблему фрейминга, определяя его как процесс, который включает в себя отбор и выделение тех или иных фактов, и использует в связи с этим глагол to frame (кадрировать): “To frame is to select some aspects of a perceived reality and make them more salient in a communicating text, in such a way as to promote a particular definition of problem, causal interpretation, moral evaluation, and/or treatment recommendation for the item described” («кадрировать — значит выбирать некоторые аспекты воспринимаемой действительности, акцентировать их в тексте коммуникации таким образом, чтобы спровоцировать определённое толкование проблемы, интерпретацию причин, нравственную оценку и/или рекомендуемую трактовку сообщения») [Entman: 52].

Д. Лакофф в статье «Фрейминг демократов» отмечает активное использование фрейминга в политических целях. Учёный утверждает, что американские консерваторы давно распознали манипулятивную функцию фреймов и в течение десятилетий тратили миллиарды на исследование этого процесса и создание соответствующего языка, который бы незаметно для реципиентов создал в их сознании выгодную консерваторам точку зрения и соответствующую оценку событий и действий правящих кругов. В качестве примера Д. Лакофф приводит выражение «облегчение налогового бремени», которое появилось в сообщениях Белого дома после прихода к власти Дж. Буша-младшего. Отмеченное выражение, по мнению автора, предполагает концептуальную метафору, которая закладывает в сознание получающих информацию соответствующий образ, а именно оценку налогов как бремени, вызывающего страдания жертв (налогоплательщиков), и убеждение в том, что

сторонники снижения налогов являются героями, которых нужно поддерживать. Одновременно демократы, выступающие против снижения налогов, воспринимаются реципиентом как «плохие ребята, которые хотят помешать облегчению страданий жертвы, то есть налогоплательщика» [Лакофф: 313—314]. Д. Лакофф подчеркивает, что даже если человек отрицает фрейм, он всё равно его активирует, поэтому для того, кто подвергся фреймингу, не остаётся ничего иного, как провести рефрейминг, для которого, однако, недостаточно короткого заявления политика, а необходима методичная работа, время и повторение желаемой информации.

Таким образом, фреймовая теория Марвина Минского получила дальнейшее самостоятельное развитие в когнитивной лингвистике и политической коммуникации, и на сегодняшний день неоспоримой является идея о том, что “ein sprachlicher Ausdruck, also auf der lexikalischen Ebene ein Wort, stets einen Frame evoziert der die Bedeutung dieses Ausdrucks motiviert und mit hin für diese Bedeutung konstitutiv ist” («языковое выражение, то есть на лексическом уровне слово, всегда вызывает фрейм, который мотивирует значение этого выражения и, следовательно, является для этого значения определяющим») [Ziem, Fritsche: 1]. Иными словами, язык практически не представляет объективного отражения реальности, он создаёт свою собственную реальность. При этом в каждом речевом акте и акте понимания значение языковых единиц формируется также с опорой на фоновые знания реципиента и зависит от этих знаний (к такому выводу приходит также Э. Велинг в своей книге «Политический фрейминг» [Wehling: 41]).

Политический фрейминг можно трактовать как осознанное и намеренное использование языковых единиц с целью активизации в сознании читателя / слушателя / избирателя определённых образов, идей и достижения необходимой трактовки событий, намерений и поступков политических партий / деятелей. К. Шибель сравнивает такой процесс с формированием “Korpfkino” («кино в голове») [Schiebel]. Ярким примером политического фрейминга может являться основная программа немецкой партии АдГ — Альтернатива для Германии.

Стоит отметить, что партия АдГ является достаточно молодой: она была создана в 2013 году, однако очень быстро завоевала популярность у избирателей и уже в 2014 году вошла в Европейский парламент, набрав 7 % голосов на выборах, а с 2017 года партия представлена в Бундестаге. Средства массовой информации и правящие политические круги описывают АдГ как ультраправую, националистическую или правопопулистскую партию, и основой для таких утверждений является постулируемый в текстах партии антагонизм народа и правительства / элиты. При этом в самопрезентации на официальной странице Альтернативы для Германии можно увидеть следующую характеристику: «Мы либералы и консерваторы. Мы свободные граждане своей страны. Мы убеждённые демократы». Не последнюю роль в успешности избирательной программы партии играют не только постулируемые идеи и убеждения, но и умелое использование языковых единиц (слов, метафор, клише), активирующих определённые фреймы в сознании избирателей и влияющих на выбор последних. В основополагающей политической программе, в которой действительно прослеживается постоянная поляризация «свой — чужой», риторика партии базируется на таких ярких и частотных фреймах как «опасность / угроза», «неправовое государство» и «преступное правительство». Способы актуализации фрейма «опасность / угроза» будут рассмотрены далее.

Итак, основная идея, которая прослеживается в программе партии АдГ, заключается в том, что в настоящее время правительство Германии проводит противоправную политику, не защищающую и даже ущемляющую интересы граждан (немцев, коренных жителей страны). Знакомство с программой должно сформировать у избирателя убеждение, что он сам и его страна находятся в постоянной опасности. Неудивительно, что программе 28 раз встречается существительное *Gefahr* ('опасность') и его однокоренные слова, такие как *gefährden* ('угрожать', 'подвергать опасности'), *Gefährdung* ('угроза'), *gefährlich* ('опасный'), например:

Die AfD will diese zynisch hingenommene Folge eines irregeleiteten Humanitarismus vermeiden und die daraus entstehende Gefahr sozialer und religiöser Unruhen sowie eines schleichenden Erlöschens der europäischen Kulturen abwenden (59). — АдГ хочет избежать этого цинично воспринимаемого последствия ошибочного гуманизма и предотвратить вытекающую из этого угрозу социальных и религиозных беспорядков, а также подкрадывающегося исчезновения европейских культур.*

В приведённом тезисе из программы фрейм угрозы актуализируется не только за счёт использования словосочетания 'угроза социальных и религиозных беспорядков', но и менее заметно за счёт применения причастия от глагола *schleichen* 'пробирается, подкрадывается', поскольку отмеченный глагол в сознании вызывает ассоциации с каким-то тайным и чаще противоправным действием.

Наибольшую частотность использования лексемы *Gefahr* и однокоренных слов можно отметить в седьмом разделе программы «Культура, язык и идентичность», в котором утверждается, что распространение ислама является большой угрозой для идентичности немцев и немецкой культуры, например:

Der Islam gehört nicht zu Deutschland. In seiner Ausbreitung und in der Präsenz einer ständig wachsenden Zahl von Muslimen sieht die AfD eine große Gefahr für unseren Staat, unsere Gesellschaft und unsere Werteordnung (49). — Ислам не является частью Германии. В его распространении и в постоянно растущем числе мусульман АдГ видит большую опасность для нашего государства, нашего общества и нашей системы ценностей.

В рамках данного предложения можно отметить не только эпитет 'большой', который сопровождает существительное 'опасность', но и повтор местоимения 'наш', что сочетает актуализацию рассматриваемого фрейма с усиленной поляризацией «свой / чужой». Кроме того, местоимения «мы» и «наш» являются одним из частотных средств манипулирования, поскольку реципиент текста, содержащего такие местоимения, зачастую неосознанно причисляет себя к членам сообщества и поэтому воспринимает постулируемое мнение как своё собственное.

Можно отметить, что идея угрозы, пусть и в менее интенсивной форме, транслируется за счет использования отмеченных лексем практически во всех пунктах программы, подчеркивая, что при современном правительстве граждан Германии ни в какой сфере жизни не может чувствовать себя безопасно. Это касается экологии, энергетики, образования, семьи, финансов, здравоохранения, работы, например:

* Здесь и далее Программа партии АдГ цитируется по: [Programm für Deutschland] с указанием в скобках страниц.

Das EEG und die Energiewende gefährden die Stromversorgung (80). — Закон о возобновляемых источниках энергии и энергетический переход ставят под угрозу электроснабжение.

Das derzeit niedrige Zinsniveau gefährdet die Alterssicherung weiter Teile der Bevölkerung und kann deshalb nicht auf Dauer aufrechterhalten werden (76). — Сегодняшний низкий уровень процентных ставок больше ставит под угрозу пенсионное обеспечение большей части населения, и поэтому он не может поддерживаться в долгосрочной перспективе.

Кроме того, фрейм «опасность» может активироваться в сознании реципиента не только путем использования лексем, содержащих компонент *gefahr-*, палитра языковых средств с потенциалом создания аналогичных ассоциаций достаточно обширна. Несомненно, одной из таких лексем является глагол *drohen* ('угрожать') и образованные от него дериваты, например:

Die ständige, vielfach ideologiegetriebene Expansion der Staatsaufgaben stößt an finanzielle und faktische Grenzen. Sie bedroht inzwischen den Kerngehalt der elementaren Freiheitsrechte der Bürger. Der Staat hat sich verzettelt (9). — Постоянное и во многом обусловленное идеологией расширение государственных задач наталкивается на финансовые и фактические ограничения. В настоящее время оно ставит под угрозу сущность элементарных прав граждан на свободу. Государство оказалось в тупике.

Приведённый выше пример представляется особенно интересным, поскольку представляемая в нём угроза исходит со стороны собственного государства, которое должно заботиться о благополучии своих граждан и являться для них гарантом сохранения прав, провозглашенных в конституции. Если избиратель подробно ознакомится с программой партии АдГ, то он может прийти к выводу о том, что его благополучию угрожает как само государство в целом, так и представители законодательной власти в лице депутатов:

Die Nebentätigkeiten der Abgeordneten haben ein für unsere Demokratie bedrohliches Ausmaß angenommen. Der Umfang der Nebentätigkeiten vieler Abgeordneter führt zwangsläufig zu Abstrichen bei ihrer parlamentarischen Aufgabenerledigung (13). — Побочная деятельность депутатов парламента достигла угрожающих для нашей демократии масштабов. Объем дополнительной деятельности многих депутатов неизбежно приводит к срыву выполнения их парламентских обязанностей.

Кроме того, угрозой для демократии является экономический курс правящих партий и их безграничная власть:

Die Allmacht der Parteien und deren Ausbeutung des Staates gefährden unsere Demokratie (10). — Всемогущество партий и их эксплуатация государства ставят под угрозу нашу демократию.

Актуализации фрейма «опасность» может способствовать также использование существительного *Schutz* ('защита') и однокоренного глагола *schützen* ('защищать') (эти слова встречаются в тексте основной программы 106 раз), поскольку необходимость в защите возникает именно в ситуации, когда кому-то или чему-то угрожает опасность. Отмеченные лексемы встречаются уже в заголовках отдельных пунктов программы, например, "*Opferschutz statt Täterschutz*" (*Защита жертв вместо защиты преступников*, пункт 3.4), "*Kein Datenschutz für Täter*" (*Никакой защиты данных / конфиденциальности для преступников*, пункт 3.6). Подобные формулировки ключевых требований в программе формируют представление о парадоксальной ситуации: в стране под защитой находятся преступники, тогда как их потенциальные жертвы

являются беззащитными, что, несомненно, представляет угрозу для обычных законопослушных граждан. Пункт 3.9 называется “*Deutsche Grenzen schützen*” (*Защитить немецкие границы*), что ассоциируется с присутствием угрозы внешнего вторжения, что опасно и для всего государства, его суверенитета в целом, и для каждого гражданина в отдельности. Кроме отмеченных, можно упомянуть также пункт 10.11, который называется “*Verbraucherschutz modernisieren und stärken*” (*Модернизировать и усилить защиту прав потребителей*).

Яркой иллюстрацией актуализации фрейма «опасность» при помощи использования определённых языковых единиц может являться следующий пример из программы партии:

Die AfD setzt sich für eine schnelle Verbesserung der Justizorganisation, für eine Wiederherstellung unseres Rechtssystems und für einen effektiven Rechtsschutz der Bürger ein. Die Justiz muss in allen Bereichen wieder schneller und zuverlässiger arbeiten (25). — АдГ стремится к быстрому улучшению организации правосудия, к восстановлению нашей правовой системы и эффективной правовой защите граждан. Правосудие должно во всех областях снова работать быстрее и надежнее.

Умелое использование в одном абзаце подчеркнутых слов создает в сознании реципиента представление о том, что при существующем правительстве правосудие организовано недостаточно хорошо или даже плохо (поэтому его необходимо улучшить), правовая система разрушена (её необходимо восстановить), защита прав граждан является неэффективной, а работа правосудия медленная и ненадёжная, при этом когда-то всё было совершенно иначе (эффект сочетания сравнительной степени ‘*быстрее и надежнее*’ и лексемы ‘*снова*’). В подобной ситуации граждане страны не могут чувствовать себя в безопасности, ощущают постоянную угрозу, что мотивирует их проголосовать за АдГ, выступающую в роли защитника и обещающую всё исправить и улучшить. Тот факт, что жители государства живут в условиях постоянной угрозы, подчеркивается и формулировками, из которых следует, что даже конституционный суд не является в Германии неприкосновенным:

Insbesondere die Verfassungsgerichte und Rechnungshöfe sind vor parteipolitischer Einwirkung zu schützen (25). — В особенности конституционные суды и счетные палаты необходимо защитить от партийно-политического воздействия.

В качестве одного из основных источников опасности, от которого необходимо защищать граждан Германии, в программе АдГ постулируются мигранты и беженцы, их номинация традиционно выступает в одном контексте с существительным *Kriminalität* (‘преступность’):

Die AfD fordert, dem Schutz der Bürger vor einwanderungsbedingter Kriminalität oberste Priorität einzuräumen. <...> Sie müssen zum bestmöglichen Schutz der Bürger vor einwanderungsbedingter Kriminalität ebenso wie zur Unterbindung von Asyl- und Rechtsmissbrauch gesetzlich aufgefordert und in der Lage sein (65). — АдГ призывает уделять первоочередное внимание защите граждан от преступности, связанной с иммиграцией. <...> Они должны быть призваны и иметь возможность в соответствии с законом наилучшим образом защищать граждан от преступности, связанной с иммиграцией, а также пресекать злоупотребление правом предоставления убежища.

Своеобразными словами-триггерами, пробуждающими в сознании соответствующие ассоциации и активирующими фрейм «опасность» можно считать также существительные *Krise* (‘кризис’), *Katastrophe* (‘катастрофа’),

Problem ('проблема'). В программе партии отрицается философия истории, которая исходит из того, что с моральной точки зрения человечество растёт и улучшается, и утверждается, что угроза кризиса может возникнуть в любое время:

Die geschichtliche Entwicklung bleibt unabgeschlossen und offen für überraschende Wendungen und Aufbrüche, aber auch für Krisen und Katastrophen (10). — *Историческое развитие остается незавершенным и открытым для неожиданных поворотов и прорывов, но также и для кризисов и катастроф.*

Для актуализации идеи о том, что опасность поджидает граждан Германии и в финансовой области, также используется словосочетание *Eskalation der Krise* ('эскалация кризиса'):

Die derzeitigen Eigenkapitalvorschriften für das Bankenwesen führen mittelfristig unweigerlich zu einer weiteren Eskalation der Bankenkrise (22). — *Действующие в банковской сфере правила достаточности капитала в среднесрочной перспективе неизбежно приведут к дальнейшей эскалации банковского кризиса.*

Усиление негативной оценки деятельности правящих кругов и последствий их политики происходит также за счет использования перед отмеченными существительными соответствующих определений, например:

Die gewaltige demografische Problemlage, die uns in Deutschland bevorsteht, wird uns zu einem veränderten Staatsverständnis zwingen (22). — *Огромная демографическая проблема, которая ожидает нас в Германии, заставит нас изменить понимание государства.*

Таким образом, используя определённые лексемы в своей программе, партия Альтернатива для Германии, словно умелый кукловод, дёргая за ниточки, вызывает в сознании реципиента соответствующие ассоциации и актуализирует фрейм «опасность / угроза». Это способствует возникновению у потенциальных избирателей страха, тревоги за свою страну, культуру, за свою семью, детей и близких, за своё дальнейшее существование. Активируя одну из самых сильных человеческих эмоций, АдГ формирует и видоизменяет у реципиента оценку политической ситуации в стране и в мире, мотивируя голосующих сделать выбор, который приведёт к изменению политического курса, то есть выбор в пользу именно этой партии.

Список литературы / References

- Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 308 с.
(Dijk T.A. van. Language. Knowledge. Communication, Moscow, 1989, 308 p. — In Russ.)
- Демьянков В.З. Фреймовая семантика // Краткий словарь когнитивных терминов / под общей ред. Е.С. Кубряковой. М.: МГУ, 1996. С. 189—191.
(Demyankov V.Z. Frame Semantics, *Concise Dictionary of Cognitive Terms*, Moscow, 1996, pp. 189—191. — In Russ.)
- Лакофф Д. Фрейминг демократов // Политическая лингвистика. 2014. № 4. С. 313—318.
(Lakoff G. Framing the Dems, *Political Linguistic*, 2014, no. 4, pp. 313—318. — In Russ.)
- Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 152 с.
(Minsky M. Frames for Representing Knowledge, Moscow, 1979, 152 p. — In Russ.)

- Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 52—92.
(Fillmore C.J. Frames and semantics of understanding, *New in foreign linguistics. Iss. 23. Cognitive aspects of language*, Moscow, 1988, pp. 52—92. — In Russ.)
- Entman R.M. Framing: toward clarification of a fractured paradigm, *Journal of Communication*, 1993, no. 43 (4), pp. 51—58. URL: <https://eclass.uoa.gr/modules/document/file.php/MEDIA266/framing%20towards%20clarification.pdf> (accessed: 29.12.2022).
- Programm für Deutschland. Das Grundsatzprogramm der Alternative für Deutschland. URL: https://www.afd.de/wp-content/uploads/2018/01/Programm_AfD_Online-PDF_150616.pdf (accessed: 11.11.2022).
- Schiebel Ch. Framing macht Politik, *Politische Studien*, 483/2019, S. 51—59. URL: https://www.hss.de/download/publications/PS_483_ZUKUNFTSAUFGABE_PFLIEGE_08.pdf (accessed: 29.12.2022).
- Wehling E. Politisches Framing. Wie eine Nation sich ihr Denken einredet — und daraus Politik macht, Leck: Ullstein, 2018, 240 p.
- Ziem A., Fritsche B. Politisches Framing: Die verborgene Wirkung der Sprache auf unser Denken, *Mythos Magazin: Politisches Framing*, 2019, no. 1, S. 1—11. URL: http://www.mythos-magazin.de/politisches-framing/zf_potitisches-framing.pdf (accessed: 11.11.2022).

Статья поступила в редакцию 17.02.2023; одобрена после рецензирования 02.03.2023; принята к публикации 05.03.2023.

The article was submitted 17.02.2023; approved after reviewing 02.03.2023; accepted for publication 05.03.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Кокурина Инна Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, inna-kokurina@mail.ru

Kokurina Inna Vladimirovna — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Foreign Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, inna-kokurina@mail.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2. С. 52—60.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 2. P. 52—60.

Научная статья

УДК 81'42

DOI: 10.46726/И.2023.2.6

ТИПЫ КОМИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ В РУССКО- И АНГЛОЯЗЫЧНОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

Елена Николаевна Пастухова

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, pp98oo@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена классификации и описанию комических текстов в англоязычной и русскоязычной интернет-среде. Материалом послужили комические тексты (мемы, демотиваторы, фейковые новости, антипословицы, эдвайсы), отобранные методом сплошной выборки с сайтов, социальных сетей, сайтов-сервисов. Основной метод исследования — дискурсивный анализ, предполагающий интерпретацию комических текстов как продукцию речевой деятельности людей в рамках интернет-дискурса, в том числе изучение семантических элементов высказывания и взаимодействия между ними. В результате исследования установлено, что в основе комических текстов интернет-дискурса лежит прецедентность, источники которой являются общими как для русскоязычного, так и англоязычного интернет-дискурса: произведения массовой культуры, современные и исторические персоналии, события и ситуации. Большое количество комических текстов представлено в виде креолизованных текстов, в которых языковая игра неразрывно связана с графическим компонентом или изображением. В отличие от обычного иллюстрированного текста, в таком тексте полнота передаваемой информации достигается за счет одновременного восприятия всех компонентов текста.

Ключевые слова: комические тексты, мемы, демотиваторы, фейковые новости, антипословицы

Для цитирования: Пастухова Е.Н. Типы комических текстов в русско- и англоязычном интернет-дискурсе // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2. С. 52—60.

Original article

TYPES OF COMIC TEXTS IN THE RUSSIAN AND ENGLISH INTERNET DISCOURSE

Elena N. Pastukhova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, pp9800@mail.ru

Abstract. The article is devoted to classification and description of comic texts in the English and Russian Internet environment. The material was comic texts (memes, demotivators, fake news, anti-proverbs, advises), selected by continuous sampling from social networking sites, service sites. The relevance of this study is determined by the need to study the specifics of Internet communication and, in particular, the role played by comic texts as spokesmen for public opinion in modern Internet communication and the life of modern societies. The main research method is discursive analysis, which involves the interpretation of comic texts as a product of people's speech activity within the Internet discourse, including the study of the semantic elements of the utterance and the interaction between them. As a result of the study, it was found that the comic texts of Internet discourse are based on precedence, the sources of which are common to both Russian and English Internet discourse: works of mass culture, modern and historical personalities, events and situations. A large number of comic texts are presented in the form of creolized texts in which the language game is inextricably linked with the graphic component, or image.

Keywords: comic texts, memes, demotivators, fake news, anti-proverbs

For citation: Pastukhova E.N. Types of comic texts in the Russian and English Internet discourse, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 2, pp. 52—60.

Интернет-дискурс — довольно широкое понятие, означающее прежде всего особый тип общения, который реализуется пользователями в сети Интернет. Понятие интернет-дискурса охватывает не только область своего появления, распространения, функционирования и развития, но также графические, орфографические, стилистические и пунктуационные особенности языка интернет-общения.

В современную эпоху Интернет стал одним из основных участников и инструментов производства и распространения юмора. Юмор появляется на многочисленных веб-сайтах, включая личные/любительские блоги, которые предоставляют смешные и легкомысленные комментарии к событиям, а также на коммерческих или профессиональных веб-сайтах, которые часто связаны со средствами массовой информации, такими как газеты и телевидение (например, Comedy Central, ТНТ).

Диапазон тем, которые используются в юмористической коммуникации, очень широк. Так, Х. Дриссен выделил шесть основных предметов юмора, актуальных в современном мире: язык, пол и гендер, политика, этническая принадлежность, религия и возраст. По мнению ученого, у современных исследователей нет надежных эмпирических инструментов, чтобы судить о том, действительно ли эти темы являются наиболее значимыми в мире (или в отдельной стране), тем не менее большинство из них совпадают с темами, которые наиболее подробно изучались исследователями юмора в прошлом веке [Driessen]. Однако Л. Шифман, исследуя тематику новых типов Интернет-юмора, приходит к выводу, что в нем доминируют глобально ориентированные

темы, такие как секс, гендер и животные, в то время как локально ориентированные темы, такие как этническая принадлежность и политика, являются лишь второстепенными [Shifman].

Согласно Ю.В. Щуриной, жанры комических текстов, наиболее часто встречающихся в сети Интернет, могут быть классифицированы следующим образом: 1) «заимствования» — неспецифические для интернет-коммуникации комические речевые жанры, заимствованные из других сфер общения: анекдоты, приколы, шутки, пародии, «саdistские стишки» и др.; 2) «аналоги» — комические речевые жанры, которые имеют аналоги в других сферах, но возникли и сформировались исключительно в условиях интернет-общения; 3) собственно интернет-речевые жанры — специфические для интернет-коммуникации комические речевые жанры, реализуемые с использованием невербальных средств, — креолизованные жанры (демотиваторы, интернет-мемы, эдвайсы); 4) цитаты — речевые жанры, изначально не имевшие комической направленности, но получившие ее в результате «цитирования» и фиксации в Интернете, где обращение к ним неоднократно возобновляется [Щурина: 40].

Собственно интернет-жанры включают в себя креолизованные жанры — «семиотически осложненные тексты, организованные комбинацией естественного языка с элементами других знаковых систем» [Там же]. При этом вербальные и невербальные элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, направленное на комплексное воздействие на адресата [Сорокин, Тарасов: 180]. Вербальные и невербальные элементы текста функционируют как единая смысловая единица, при этом невозможно интерпретировать один элемент без другого. В отличие от обычного иллюстрированного текста, в таком тексте полнота передаваемой информации достигается за счет одновременного восприятия всех компонентов текста. Визуальный элемент фактически помогает сообщению более эффективно достигать целевой аудитории.

Одним из самых распространенных юмористических креолизованных текстов в начале XXI века являлся демотиватор, который представляет собой плакат или изображение, обычно расположенное на черном фоне, с короткой поясняющей надписью или заголовком. Именно заголовки и подписи находятся в центре внимания реципиента и действуют как способ привнесения иронии в довольно обыденную картинку. Хотя в настоящее время демотиваторы не пользуются большой популярностью среди интернет-пользователей, можно сказать, что российский интернет-юмор начинался именно с него.

Демотиваторы возникли в США в конце XX века. Чтобы сформировать у своих сотрудников позитивный настрой на рабочий процесс, работодатели использовали мотивационные плакаты. Зачастую такие постеры не выполняли свою функцию, их стали пародировать и повторять в шутливой форме, превращая их в демотиваторы. Постепенно их тематика расширялась, и демотиваторы стали популярнее, чем мотиваторы, а впоследствии этот жанр распространился по всему миру.

Демотиватор с изображением висящего из последних сил на веревке кота и надписью “Give up. At some point, hanging in there just makes you look like an even bigger loser” («Сдавайся. В любом случае тот факт, что ты держишься, заставляет тебя выглядеть еще глупее») является типичным англоязычным текстом интернет-дискурса. Автор использовал языковые способы создания комического эффекта: иронию и каламбур. Ироничным в его высказывании является фраза “*hanging in there just makes you look like an even bigger*

loser”, каламбур представлен во фразе “hanging in there”, где обыгрываются значения слова “hang”: 1) висеть 2) ждать, держаться, терпеть [The Oxford English Dictionary]. Изображение акцентирует первоначальное значение глагола “hang” и позволяет понять ироничность высказывания.

Рис. 1.

Следующий образец креолизованного текста представляет собой так называемый паремический демотиватор, который использует поговорку (Кто рано встает, тому Бог подает) в сочетании с визуальным элементом (рис. 1). Для того чтобы понять комический эффект, необходимо восстановить оригинальный текст, сопоставить с измененной частью сообщения, и только в этом случае значение новой фразы, представленное эффектом обманутого ожидания, становится очевидным.

Яркой особенностью демотиваторов является сочетание

элементов вербальной и невербальной коммуникации, когда элементы невербальной коммуникации не дополняют основную информацию, представленную вербальным способом, как это обычно бывает при традиционном типе общения, а являются обязательными компонентами текста, семиотически связанными и обусловленными.

Одной из новых форм современной интернет-коммуникации, направленных на создание комического эффекта, является интернет-мем. Мемы пользуются большой популярностью среди интернет-пользователей и являются частью современной интернет-культуры. За последние годы мем эволюционировал не только как развлекательный жанр, но и как особый современный жанр сетевого народного творчества, фольклора. По своей форме и функции интернет-мемы можно сравнить с интернет-рекламой (так как в ней сочетается визуальная и текстовая информация), с интернет-карикатурой, а также с анекдотами, которые схожи с мемами своей юмористической направленностью (различием данных двух феноменов является отсутствие у анекдотов визуального компонента при наличии только вербального компонента).

Термин «мем» был предложен британским ученым Р. Докинзом в 1976 г. в книге «Эгоистичный ген». Р. Докинз рассматривал мем как единицу, передающую информацию от человека к человеку. В качестве мемов могли выступать устойчивые словосочетания, известные мелодии, популярные тенденции в сфере моды и др. По аналогии с генетикой (сравни: англ. “gene” (ген) и “meme” (мем)) мем описывает передачу информации от одного поколения к другому посредством подражания таким культурным элементам, как фразы, поведение или поп-музыка [Dawkins: 190—92].

На наш взгляд, наиболее точное определение термину «мем» дала Л.С. Гуторенко: интернет-мем «обозначает высказывания и графику, пользующиеся наибольшей популярностью и в которых пользователь добивается максимального перлокутивного эффекта при помощи креативности и апелляции

к актуальным мотивам» [Гуторенко: 83]. Поскольку их структура бесконечна, мемы могут включать в себя новые слои с различными значениями и повторно использоваться получателями в других целях и других контекстах.

Важность изучения мемов заключается в том, что, несмотря на кажущуюся юмористичность и простоту, мемы являются нетривиальными элементами, с помощью которых можно отследить социальные или индивидуальные голоса интернет-пользователей [Laineste].

Существуют разнообразные классификации мемов, основанные на таких критериях, как способ выражения, источник его возникновения и структура мема.

По способу выражения мемы традиционно делят на 1) текстовые мемы; 2) мем-изображение; 3) медиа-мем; 4) гиф (анимированная картинка); 5) креолизованный мем (состоит из вербальной и невербальной части (картинки)). По структуре мемы делятся на 1) двусоставные (двухчастное высказывание: завязка + «панчлайн» (неожиданное остроумное завершение)); 2) компаративные (сопоставление нескольких изображений, объектов, точек зрения на ситуацию и т. д.) и 3) метамемы (мемы, выполняющие референтную функцию, — напрямую отсылающие к другим мемам).

При создании текстовых и креолизованных мемов одним из самых популярных стилистических приемов является каламбур. Высокая частотность употребления каламбура в мемах объясняется тем, что для каламбура, как и для мема, характерно использование прецедентных текстов культуры, понятных только ее носителям, и особенностей конкретного языка, направленных на достижение комического эффекта.

Рис. 2

Так, комический эффект в меме, на котором изображены Понтий Пилат и Иисус (рис. 2), достигается за счет использования нескольких средств. Прецедентность (история о Понтии Пилате, прокураторе Иудеи, вынесшем смертельный приговор Иисусу Христу; популярный фильм «Пираты Карибского моря»), каламбур, построенный на созвучии слов «Пилат» и «пират», визуальный компонент, который служит

иллюстрацией трансформированного высказывания, создают эффект обманутого ожидания, а смысловое заключение является результатом взаимодействия семантики сообщения со знаниями реципиента о мире.

Еще один популярный комический жанр в Интернет-дискурсе — это антипословица, термин, впервые введенный в обращение В. Мидером [Mieder]. Пословицы часто использовались как сатирические, иронические или юмористические комментарии к той или иной ситуации, на протяжении веков они служили основой для преобразований. В последние несколько десятилетий их многократно перефразировали и пародировали, так что их вариации нередко звучали чаще, чем оригиналы. Антипословицы не имеют определенной формы, так как они постоянно модифицируются в зависимости от контекста, в котором

они используются. В основном это происходит путем соотнесения оригинальной поговорки с определенным контекстом или мыслью, в которую традиционная формулировка не вписывается. Как правило, антипоговорка создает комический эффект только в том случае, если традиционная поговорка, на которой она основана, также известна, что позволяет читателю или слушателю воспринять несоответствие (нарушение ожиданий) между двумя выражениями, в противном случае новаторская стратегия коммуникации, основанная на сопоставлении старой и новой поговорок, теряет смысл.

Самым распространенным способом создания антипоговорки является каламбур. К другим способам можно также отнести добавление слов или опущение слов, замена одного слова и соединение двух поговорок в одну. Зачастую такие высказывания можно заметить в форме мемов, ставших вирусными среди интернет-пользователей.

Очень популярны такие пародии на поговорки, в которых меняется основной смысл поговорки путем простой замены одного слова. Авторы антипоговорок часто пытаются найти слово, фонологически похожее на слово из оригинальной поговорки, как в следующих примерах: “Matrimony is the root of all evil” (ориг.: “Money is the root of all evil”); “Hair today, gone tomorrow” (ориг.: “Here today, gone tomorrow”). Особый интерес представляют такие трансформации поговорок, при которых изменяется, добавляется или опускается только одна буква алфавита: “A good beginning is half the bottle” (ориг.: “A good beginning is half the battle”); “The best things in life are fee” (ориг.: “The best things in life are free”); “Strike while the irony is hot” (ориг.: “Strike while the iron is hot”). Подобная трансформация, или отклонение от общепринятой нормы, представляет собой импровизированное изменение в экспрессивно-стилистических целях. Как видим, подобная трансформация помогает выразить мысль более ярко, расширяет границы авторской мысли.

Рис. 3

советчица), который появился в 2006 году. Впервые картинку со щенком лабрадора внутри квадрата, раскрашенного под раду, опубликовали на форуме «Грибное царство» (рис. 3).

Эдвайсы действительно какое-то время служили «советчиками». У каждого животного, используемого при создании того или иного эдвайса,

В целом в качестве основных характеристик антипоговорок можно отметить следующие: прецедентность, эмоциональная нагруженность, модификация в зависимости от контекста, использование приема «обманутого ожидания» или эффекта неожиданности. Так же, как и демотиваторы, эдвайсы (от англ. advice — совет) были на пике своей популярности в начале XXI века, когда пользователи только знакомились с интернет-юмором. Эдвайс — это разновидность мема, который представляет собой креолизированный текст. История эдвайса началась с мема “Advice Dog” (Собака-

был свой характер, свой стиль. Например, первопроходец “Advice Dog” давал вредные советы, такие, как удаление папки system32 в Windows для ускорения работы компьютера. Позже тематика советов расширилась, и начали появляться и другие персонажи.

На волне популярности таких мемов именно в России появилась категория эдвайсов, получившая название «Типичный Ноунейм». Создавался эдвайс с персонажем, имеющим яркую характерную черту. Данный персонаж представлял группу в социальной сети ВКонтакте, и активно распространялся среди пользователей: *Типичный школьник*, *Типичный журналист*, *Типичный филолог* и др. В данном случае наблюдалось намеренное сужение фокус-группы, на которую ориентирован такой вид интернет-мема: это могла быть группа пользователей определенного ресурса, группа людей, объединенных рамками профессии (*Филологическая дева*, *Проницательный психолог*). Таким образом, основная цель использования эдвайсов — высмеивание (сатира) определенных социальных явлений — определила их основные характеристики: анонимность, клиповость, использование эффекта неожиданности.

Еще один жанр комических текстов — фейковые (или фальшивые) новости. Тексты фейковых новостей производятся и публикуются в Интернете многочисленными сайтами, специально посвященными этому жанру. Для того чтобы их тексты выглядели более похожими на новости, большинство этих сайтов имитируют структуру обычной новостной ленты. Однако следует отметить, что некоторые интернет-ресурсы прямо указывают на свою недобросовестность, размещая отказ от ответственности. Например, “Humortimes” использует фразу “This is a satirical news piece, just for fun, read at your own risk!” («Это не настоящая новость, а просто шутка, читайте на свой страх и риск!»), а филиппинский сайт “Superficial Gazette” делает пометку определенных разделов как «Сатира». Некоторые все же предпочитают имитировать «нормальную» новостную ленту с традиционными подразделами, например, «Политика», «Спорт», «Наука», «Общество» и т. д. Будучи тематически структурированными, они могут выглядеть почти как настоящие новостные ленты [Humortimes], [Superficial Gazette].

Нередко фейковые новости построены на цитировании речи известных людей, чаще всего политиков и бизнесменов. Естественно, в этом случае цитаты вымышленные: они лишь имитируют и высмеивают знакомые модели дискурса или речь тех, кому приписываются данные высказывания. Следующий пример содержит вымышленную цитату, приписываемую Дональду Трампу, который известен тем, что выражает радикальные идеи на публике, используя довольно специфическую манеру речи, которая иногда отличается от той, что обычно ожидается от политического деятеля.

Trump Calls Secret Meeting to Power-up for Next Summit

By Diane de Anda, June 17, 2018

Trump began by stating how “enlightened” he had become during his meeting with Kim Jong-un, and how much he had learned about “what it takes to be a strong leader and make sure that your agenda is accomplished. I have to admit, I was impressed and more than a little envious...”

He then turned to the Supreme Court Justices and to McConnell. “I don’t care if it’s by legislation or executive order, we need a way to reel in that crazy First Amendment”. The Supreme Court Justices nodded their heads in agreement, except for Thomas who was just nodding in his sleep [Humortimes].

Перевод: Трамп начал с заявления о том, насколько «просветленным» он стал во время встречи с Ким Чен Ыном, и как много он узнал о том, «что нужно, чтобы быть сильным лидером и убедиться, что ваши задачи на день выполнены. Должен признаться, я был впечатлен и даже завидовал...».

Затем он обратился к судьям Верховного суда и к Макконнеллу. «Меня не волнует, будет ли это сделано в соответствии с законом или с помощью исполнительного приказа, нам нужно найти способ приструнить эту сумасшедшую Первую поправку». Судьи Верховного суда кивнули в знак согласия, за исключением Томаса, который просто дремал во сне.

Слова, приписываемые Дональду Трампу, с идеологической и стилистической точки зрения вступают в противоречие с ожиданиями реципиента: президент — это тот, кто должен соблюдать Конституцию, а не называть ее безумной. Стилистическое противоречие заключается в том, что в то время как текст в первом абзаце относится к официальному стилю, то второй абзац — явный пример разговорного стиля. Это то, что обычно аудитория не ожидает услышать в публичных выступлениях политического лидера самого высокого ранга. Такой стилистический контраст является довольно частым способом создания юмористического эффекта.

Таким образом, наиболее популярными и продуктивными в структуре комических интернет-жанров являются интернет-мемы, демотиваторы, эдвайсы, антипословицы и фейковые новости. Эти разновидности можно рассматривать как особый язык современной интернет-коммуникации, требующий от адресата высокой интерпретационной культуры. Успешная реализация комического эффекта в указанных текстах интернет-дискурса неразрывно связана с культурной коннотацией. Адекватное восприятие и интерпретация данной культурной коннотации зависит прежде всего от фоновых знаний реципиента и от владения общей экстралингвистической информацией.

Наряду с развлечением другой целью таких текстов является выражение скрытой критики социальных норм, стереотипов или событий, высмеивание известных людей, а также отвлечение внимания общественности от существующих социальных проблем. Среди продуктивных языковых средств создания комического эффекта в данных текстах следует отметить каламбур и иронию.

Список источников

Humor Times URL: <https://www.humortimes.com/>
Superficial Gazette. URL: <https://superficialgazette.wordpress.com/>
The Oxford English Dictionary. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/>

Список литературы / References

- Гуторенко Л.С. Прецедентность в креолизованных текстах комического характера в современной интернет-коммуникации (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 3.3. С. 82—85.
(Gutorencu L.S. Precedence in creolized texts of a comic nature in modern Internet communication (on the material of the English language), *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 2017, no. 3.3, pp. 82—85. — In Russ.)
- Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990. С. 180—186.

(Sorokin Y.A., Tarasov E.F. Creolized texts and their communicative function, *Optimization of speech impact*, Moscow, 1990, pp. 180—186. — In Russ.)

Щурина Ю.В. Классификация комических речевых жанров коммуникативного пространства интернета // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 2 (87). С. 39—43.

(Shchurina Y.V. Classification of comic speech genres of the communicative space of the Internet, *Isvestia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2014, № 2 (87), pp. 39—43. — In Russ.)

Dawkins R. *The Selfish Gene*, Oxford: Oxford University Press, 2006, 360 p.

Driessen H. Jokes and Joking. *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*, ed. by N.J.B. Smeler, P.B. Baltes, Amsterdam; New York: Elsevier Science Ltd., 2004, pp. 7992—7995.

Laineste L. Laughing across Borders: Intertextuality of Internet Memes, *European Journal of Human Research*, 2016, vol. 4, no. 4. URL: <https://europeanjournalofhumour.org/ejhr/article/view/165> (accessed: 02.03.2022).

Mieder W. Anti-Proverbs and Mass Communication: The Interplay of Traditional and Innovative Folklore, *Acta Ethnographica Hungarica*, June 2007, iss. 52 (1), pp. 17—46.

Shifman L. Humor in the Age of Digital Reproduction: Continuity and Change in Internet-Based Comic Texts, *International Journal of Communication*, 2007, no. 1. URL: <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/11> (accessed: 02.03.2022).

Статья поступила в редакцию 25.01.2023; одобрена после рецензирования 05.02.2023; принята к публикации 05.03.2023.

The article was submitted 25.01.2023; approved after reviewing 05.02.2023; accepted for publication 05.03.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Пастухова Елена Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, pp9800@mail.ru

Pastukhova Elena Nikolayevna — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of Foreign Philology Department, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, pp9800@mail

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2. С. 61—69.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 2. P. 61—69.

Научная статья

УДК 81'42

DOI: 10.46726/И.2023.2.7

ЭКСПЛИКАЦИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ОППОЗИЦИЙ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ И.А. БУНИНА (На материале мифонимов)

Ольга Александровна Селеменова

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
г. Елец, Россия, ol.semeneva2011@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена средствам объективации в поэтическом наследии И.А. Бунина бинарной аксиологической оппозиции «добро — зло» и перцептивно-аксиологической оппозиции «свет — тьма». Эти диады рассматриваются как субординативные, декларирующие приоритетность значения одного из их членов. Новизна исследования связана с представлением мифонимов разных семантических групп в качестве экспликантов указанных диад. Выявлено, что в художественной картине мира Бунина-поэта репрезентантами диады «свет — тьма» выступают разноструктурные демонимы, мифоперсонимы, теонимы, а оппозиции «добро — зло» — демонимы, мифоантропонимы, мифозоонимы, мифоорнитонимы, мифоперсонимы спеллонимы и теонимы. Возможность мифологических имён объективировать разных членов аксиологических диад обуславливается их семантикой, этимологией, активизацией фоновых знаний интерпретатора в процессе знакомства с художественным текстом. Отмечается количественная разница мифологических имен, представляющих правого и левого членов аксиологической диады «добро — зло»; трансформация перцептивно-аксиологической оппозиции «свет — тьма» в диаду «огонь — тьма»; регулярное обогащение аксиологических диад экзистенциально-онтологическими смыслами. Автор приходит к выводу, что мифологические имена, выступая средствами выражения правого и левого членов аксиологических оппозиций «добро — зло» и «свет — тьма», обеспечивают постоянный диалог полярных начал в индивидуально-авторской картине мира.

Ключевые слова: поэзия И.А. Бунина, бинарная оппозиция, аксиологическая диада «добро — зло», перцептивно-аксиологическая диада «свет — тьма», мифонимон, мифологическое имя

Для цитирования: Селеменова О.А. Экспликация аксиологических оппозиций в поэтических текстах И.А. Бунина: (на материале мифонимов) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2. С. 61—69.

Original article

EXPLICATION OF THE AXIOLOGICAL OPPOSITIONS IN I.A. BUNIN'S POETIC TEXTS (Mythonyms studies)

Olga A. Selemeneva

Bunin Yelets State University, Yelets, Russian Federation, ol.selemeneva2011@yandex.ru

Abstract. The article studies the means of objectification of the binary axiological opposition “good — evil” and the perceptual-axiological opposition “light — darkness” in I. A. Bunin’s poetry. These dyads are considered subordinative, declaring the priority of the value of one of their members. The novelty of the article is connected with the representation of mythonyms of different semantic groups as explicants of these dyads. It is revealed that in I. A. Bunin’s poems the representatives of the dyad “light — darkness” are different structural demononyms, mythopersonyms, theonyms, and in the opposition “good — evil” these are demononyms, mythoanthroponyms, mythozonyms, mythoornithonyms, mythopersonyms, theonyms, spellonyms. The ability of mythological names to objectify different members of axiological dyads is determined by their semantics, etymology, activation of the interpreter’s background knowledge in the process of reading a literary text. In the work the author notes the quantitative difference of mythological names representing the right and left members of the axiological dyad “good — evil”; transformation of the perceptual-axiological opposition “light — darkness” into the dyad “fire — darkness”; regular enrichment of axiological dyads with existential-ontological meanings. The author concludes that mythological names, acting as means of expressing the right and left members of the axiological oppositions “good — evil” and “light — darkness”, provide a constant dialogue of polar principles in the individual author’s picture of the world.

Keywords: Bunin’s poetry, binary opposition, axiological dyad “good — evil”, perceptual-axiological dyad “light — darkness”, mythonymicon, mythological name

For citation: Selemeneva O.A. Explication of the axiological oppositions in I.A. Bunin’s poetic text: (Mythonyms studies), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 2, pp. 61—69.

В контексте комплексного филологического анализа художественных текстов отечественных и зарубежных писателей особую роль играет исследование ключевых концептов и смысловых оппозиций, получающих регулярную языковую реализацию. Бинарность, или дихотомическое деление, двоиное противопоставление, контраст, выступает своеобразным стержнем литературного произведения, обеспечивая его структурно-смысловое единство, идейно-концептуальную целостность и реализуя в нём свои текстообразующие потенции.

В индивидуально-авторских картинах мира, которые и создаются языковыми средствами, и воплощаются в их отборе (например, в окказионализмах, экспрессивных словообразовательных средствах, трансформированных фразеологизмах, аффективных разговорных формах, номинативных и безличных предложениях, эллиптированных построениях и т. д.), значимыми могут быть самые разные оппозиции. Например, у А.А. Кима — «счастье — несчастье», «здесь — там», «прошлое — будущее» [Хайрутдинова]; Н.С. Гумилёва — «рай — ад», «высоты — бездны», «земля — небо» [Карпенко]; Ч. Диккенса — «дом — город», «дом — дорога», «дом — лес» [Крупенина]; Л.Н. Толстого, М. Митчелл и Г. Исхаки — «свой — чужой» [Аминова,

Планкина]; А. Платонова — «человек (механизм) — природа» [Бугакова, Скуридина] и т. п. К конститутивным диадам художественной картины мира И.А. Бунина относят «Божественное — земное», «память — забвение», «мука — счастье», «счастье — смерть», «красота — ужас», «верх — низ», «жизнь — смерть», «природа — человек», «вечность — конечность» и др. [Лиао; Руднева; Гаршина]. Все эти частные диады могут быть сгруппированы в универсальные оппозиции — эстетические, аксиологические, пространственные, онтологические, этнокультурные, цветовые, перцептивные и т. п., которые делятся на два подтипа: горизонтальные и вертикальные, или координативные и субординативные [Воробьева: 8—14]. Если первый подтип декларирует паритетность обоих элементов оппозиции, то второй выражает приоритетность значения одного из членов диады.

Примером вертикальных взаимосвязанных и взаимообусловленных оппозиций в бунинском поэтическом наследии служат две диады: 1) «добро — зло» и 2) «свет — тьма». Первая субординативная оппозиция относится к числу этического-философских и культурологических доминант, определяющих духовную жизнь любого этноса, и считается, без сомнения, аксиологической. Вторая является одной из самых древних, связанных с архаичным пониманием человеком устройства окружающего мира, в котором боролись Свет и Тьма, Порядок и Хаос. «В мифологическом сознании человека *свет* и *тьма* увязывались с постоянно наблюдаемыми природными явлениями дня и ночи и воспринимались как две враждебные друг другу силы, находящиеся в постоянной борьбе, сопровождающейся победой то одной стороны, то другой», — отмечает Т.В. Григорьева [Григорьева: 19]. В лингвистике дуальную оппозицию «*свет* — *тьма*» называют цветовой, шире — перцептивной. Однако способность названной диады применяться при оценочной категоризации действительности и широкое использование Буниным-художником её аксиологического потенциала позволяет нам обозначить тип оппозиции «*свет* — *тьма*» как перцептивно-аксиологический.

Обуславливая поведение этноса и отдельных его представителей, предопределяя оценку ситуаций и поступков, субординативные аксиологические оппозиции закрепляются в языке. Среди средств объективации указанных диад называют обычно имена существительные, прилагательные и глаголы, выступающие дериватами лексем *добро* и *зло*, *свет* и *тьма*; синонимы, в том числе и контекстуальные, появление которых объясняется особенностями индивидуально-авторских картин мира; слова-ассоциаты. В целом имеющиеся лингвистические исследования проблемы репрезентации систем нравственных представлений в художественных картинах мира (А.А. Ахматовой, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и др.) позволяют сделать вывод о том, что в лексической модели идиостиля любого писателя существует целая система средств, эксплицитно или имплицитно выражающих оппозиции «*добро* — *зло*» и «*свет* — *тьма*». Мы к этим средствам объективации относим и мифонимы.

Под *мифонимами* пониманием собственные имена богов, полубожественных существ, людей, волшебных животных и фантастических птиц, предметов, локусов и т. д. из архаических мифов (солярных, героических, календарных и др.), произведений фольклора, знаковых для мировых религий священных текстов, а также иной религиозной литературы разных жанров [Селеменова: 287]. При таком широком подходе мифонимикон поэтических текстов И.А. Бунина представляет собой систему имён, включающую 12 семантических подгрупп:

1) демононимы. Например: *Гавриил* (ивр. גַּבְרִיֶּל; др.-греч. Ἀρχάγγελος Γαβριήλ, в иудаизме, христианстве, мусульманстве имя старшего ангела, архангела, назначение которого заключается в раскрытии смысла пророческих видений и хода событий), *Эблис* (араб. إبليس, мн. ч. إبليس — дьявол, первоначально — ангел, изгнанный с небес), *Израфил* (араб. إسرافيل, в исламской эсхатологии так именуется вестник Страшного суда, один из четырёх ангелов (Джибриль, Микаил, Азраил, Исрафил), который приближен к Аллаху) и др.;

2) теонимы. Например: *Геймдаль* (др.-сканд. Heimdallr, букв. «сверкающий над миром», в скандинавской мифологии таково имя «светлейшего аса», т. е. бога основной группы богов), *Истара* (аккад. ^dIštar, также ^dEštar, ^dAštar, в аккадской мифологии — богиня любви, покровительница материнства и плодородия, а также войны и охоты), *Перун* (праслав. *Perunъ, в славянской мифологии это бог грозы, грома), *Ягве* (*Яхве*, *Йахве*, *Ягве*, часто встречается альтернативный вариант *Иегова* (современный вариант произношения др.-евр. יהוה — «(Он) будет», «(Он) жив», старослав. *Суций*, *Сый*), в иудаизме и христианстве — одно из имён Бога, Абсолюта, Того, кто даёт жизнь, бытие) и др.;

3) мифоантропонимы. Например: *Адам* (ивр. אָדָם, букв. *человек*; однокоренное со словами אָדָמָה (*адама*) — земля и אָדָם (*адам*) — красный; греч. Ἀδάμ, араб. آدَم, в Пятикнижии и Коране — имя первосозданного человека, от которого ведёт своё начало род человеческий), *Самсон* (ивр. שִׁמְשׁוֹן, в ветхозаветных преданиях Самсон, сын Маноя, наделён невиданной физической силой), *Эгей* (др.-греч. Αἰγέως или Αἰγέως, в греческой мифологии Эгей — царь Афин и отец Тесея) и др.;

4) мифоперсонимы. Например: *Смерть* (отапеллятивный оним, называющий сущность женского пола, которая представляет персонификацию абстрактного понятия прекращения бытия), *Веснянка* (отапеллятивный оним, которым названа очаровательная девушка, олицетворяющая живительную силу весенней природы), *Ночь* (отапеллятивный оним, именующий могущественное существо женского пола, результат персонификации тёмного времени суток) и др.;

5) мифотопонимы. Например: *Содом* (др.-евр. סֹדֹם, в Ветхом Завете так назван город, уничтоженный Богом за грехи жителей), *Алатырь* (в восточнославянском фольклоре — наделённый волшебными свойствами камень), *Ковсерь* (в исламской религиозно-философской литературе небесный источник одиннадцати райских рек) и др.;

6) мифозоонимы. Например: *Белый Олень* (из восточнославянского фольклора, златорогий свадебный олень, обладающий колдовскими чарами), *Кентавр* (др.-греч. Κένταυρος, фантастическое существо в греческой мифологии, получеловек-полулошадь) и др.;

7) мифоорнитонимы. Например: *Вирь* (индивидуально-авторский мифоним, имеющий, вероятно, народно-поэтическую основу. У Бунина-поэта — имя фантастической птицы с хохолком на голове и оперением серо-аспидного цвета), *Хугин* (др.-исл. Huginn, в германо-скандинавской мифологии Хугин — имя одного из воронов Одина, предводителя асов) и др.;

8) мифохреMATонимы. Например: *Великий Трон* (из исламской религиозно-философской литературы, грандиозное материальное творение Аллаха (Трон Аллаха), находящееся над Седьмым небом и являющееся его потолком),

Конь Афины-Паллады (индивидуально-авторский мифоним, огромный деревянный конь времён Троянской войны);

9) мифофитонимы. Например: *Древо* (*Древо познания добра и зла* от др.-евр. לֵבֶנֶת טוֹב וְרָע, из Ветхого Завета, одно из деревьев, растущих в Эдеме);

10) мифохрононимы. Например: *Страшный Суд* и *Судный день* (из монотеистических авраамических религий, день последнего суда над праведниками и грешниками);

11) спеллонимы. Например: *Кощей* (в восточнославянском фольклоре — бессмертный злой колдун), *Цирцея* (лат. *Circē*, в греко-римской мифологии — коварная волшебница с острова Эя) и др.;

12) мифоэтнонимы. Например: *Амазонки* (др.-греч. Ἀμαζόνες, женщины-войны в греческих мифах).

В художественной картине мира Бунина-поэта из перечисленных семантических подгрупп единицами-экспликантами перцептивно-аксиологической диады «свет — тьма» выступают демононимы, мифоперсонимы, теонимы (*Агни, Бальдер, Ночь, День, Сет, Хаду* и др.), а аксиологической оппозиции «добро — зло» — демононимы, мифоантропонимы, мифозоонимы, мифоорнитонимы, спеллонимы, мифоперсонимы и теонимы (*Авель, Ангел, Ворон, Гавриил, Каин, Кентавр, Кощей, Чёрная Мати* и др.). Структура мифологических имён и отношение к составу единиц общезыкового мифонимикона неодинакова. Во-первых, среди них обнаруживаются как простые (однословные) единицы, так и составные (двухсловные), построенные по моделям «имя прилагательное + имя существительное» и «причастие + имя существительное», а во-вторых, мифонимы узуальные (общеизвестные) и индивидуально-авторские. Ср.: 1) *Я, бог пустыни, Сет, / Горжусь врагом: ты, побеждая Сета, / В его стране царил пять тысяч лет* («Ра-Озирис, владыка дня и света...») [Бунин 1: 311]. — 2) *И вот идет она, Степная Ночь, с востока...* («Могилы, ветряки, дороги и курганы...») [Там же: 162]. В первом примере Буниным-поэтом использован простой (однословный) общеизвестный теоним *Сет*, именуемый в древнеегипетской мифологии бога пустыни, олицетворяющего зло. Сет был убийцей Осириса, четвертого из богов, «царствовавших на земле в изначальные времена»; именно он отучил людей «от дикого образа жизни и людоедства» [Мифы... 2: 267]. Во втором примере функционирует составной (двухсловный) индивидуально-авторский мифоперсоним *Степная Ночь*, образовавшийся вследствие антропоморфизации ночи за счёт придания ей черт женского божества.

Среди мифонимов-репрезентантов рассматриваемых аксиологических оппозиций в поэзии И.А. Бунина обнаруживается значительный пласт онимизированных апеллятивов типа *Ночь, Ворон, Ангел, Тьма, Дьявол, Змей, Искуситель, Солнце* и др., что в целом свидетельствует об активности процесса семантической онимизации при образовании мифонимов, входящих в состав ономастической модели идиостиля И.А. Бунина. Так, в стихотворении 1904 г. «Ормузд» демононим *Тьма* представляет собой онимизированный апеллятив, именуемый источник зла и персонификацию тьмы — духа Аримана, а теонимы *Свет, Огонь* и *День*, также возникшие как результат семантической онимизации вследствие синонимической замены, — Ормузда, верховное божество зороастрийского и ахеменидского пантеонов. Например: *Владыка Света весь в едином — / В борьбе со Тьмой* [Бунин 1: 283]; *Но мудрый жаждет верить Дню: / Он в мире радость солнца славит, / Он поклоняется Огнию* («Ормузд») [Там же] и др. Использование в стихотворении «Ормузд» противопоставленных контекстуальных

мифонимов, представляющих одновременно обе аксиологические оппозиции «свет — тьма» и «добро — зло», помогает Бунину-художника зашифровать и транслировать читателю-интерпретатору главную идею зороастризма: все существующее в мире разделено на два лагеря — царство света и добра и царство тьмы и зла, между ними идёт непримиримая борьба, которая составляет основу мира богов и мира людей.

На возможности мифонимов выступать средством объективации левых или правых членов (соответственно «добро», «свет» и «зло», «тьма») рассматриваемых аксиологических диад влияет их семантика, этимология, а также фоновые знания читателя, активизирующиеся в процессе знакомства с поэтическим текстом. Рассмотрим этот тезис на примере теонимов *Локи* и *Бальдер*, функционирующих в бунинском стихотворении 1906 г. «Бальдер».

Согласно исследованиям А.М. Скляренко и О.М. Скляренко, существуют разные значения мифологического имени *Локи*: бог небесного или вулканического огня, подобный индийскому *Агни* (от *logi* — ‘огонь’); хтонический демон, являющийся виновником конца мира (от *lukan* — ‘запирать’); изобретатель сети (от *lukan* — ‘вить, вязать’); териоморфный паук (от *locke* — ‘паук’) и др. [Скляренко, Скляренко: 121]. Бунин-поэт избирает первое значение простого теонима *Локи*, интерпретируя, контаминируя и редуцируя в названном выше стихотворении германо-скандинавские мифы, в которых Локи являлся виновником гибели светлого бога Бальдра (Бальдера у И. А. Бунина). *Локи* в индивидуально-авторской картине мира выступает той *тьмой* и *злом*, которые непременно должны быть наказаны: *И боги пригвоздят / Тебя, как пса, к граниту гор, о Локи! / И будет змей, свирепый и стокий, / Точить со скал на темя Локи — яд!* («Бальдер») [Бунин 2: 15].

Теониму *Локи* противопоставлен однословный теоним *Бальдер*, вынесенный И.А. Буниным в заглавие стихотворения. Этим именем, восходящему к др.-исл. *Baldr*, т. е. «господин», назван «юный бог из асов», прекрасный, светлый, благостный, мудрый и смелый, ставший жертвой злокозненного бога Локи [Мифы... 1: 159—160]. В основном тексте указанный теоним не повторяется, однако в контексте используются его субституенты-синонимы — отапеллятивная единица *Солнце* и двухсловный мифоним *Воскресший Свет*, которые концентрируют и выражают идею возвращения бога света к жизни после трагической гибели.

Таким образом, теонимы *Бальдер*, *Солнце* и *Воскресший Свет* с одной стороны и *Локи* с другой выступают у И.А. Бунина средствами экспликации дуальных перекрещивающихся оппозиций «свет — тьма» и «добро — зло». В контексте стихотворения теоним *Воскресший Свет* дополнительно актуализирует мотива воскресения, что позволяет утверждать взаимосвязь рассматриваемых аксиологических диад с онтологической оппозицией «жизнь — смерть».

Наиболее объёмной группой по составу единиц, представляющих оппозицию «свет — тьма», является группа теонимов (*Датар*, *Мадонна*, *Митра*, *Ра*, *Ормузд*, *Бог* и др.), а диаду «добро — зло» — группа демонимов (*Водяной*, *Дьявол*, *Змей*, *Сатана*, *Эблис*, *Искуситель*, *Дух* и др.). Среди таких демонимов, объективирующих указанную аксиологическую диаду, встречаются единицы, которые могут представлять в зависимости от контекста как правый, так и левый член оппозиции, что свидетельствует о неразрывном сосуществовании двух противоположных начал в картине мира Бунина-поэта.

Например, однословный мифоним *Дух* в стихотворении 1905 г. «Атлант» выступает олицетворением сущности, соблазняющей людей на ложь и грех, а в стихотворении 1907 г. «Магомет в изгнании» представляет, напротив, божественную силу, выходящую за пределы чувственного опыта человека. Ср.: *И Сатана спросил, остановившись: / «Ты веришь ли в предания, в легенды?» / <...> И Дух спросил: «Ты веришь ли в Атланта?»* («Атлант») [Бунин 1: 309]. — *И сказали Духи: «Недостойно / Быть Пророку слабым и усталым»* («Магомет в изгнании») [Бунин 2: 54].

Анализ состава бунинского мифонимикона в целом и конкретного функционирования отдельных мифонимов позволяют сформулировать несколько особенностей индивидуально-авторской картины мира, связанных с рассматриваемыми бинарными оппозициями.

Во-первых, мифологические имена в индивидуально-авторской картине мира И.А. Бунина представляют членов аксиологической диады «добро — зло» непропорционально. Мифонимов, которые репрезентируют компонент «зло», больше. Полагаем, что обусловлено это нелингвистическими причинами:

— «добро статично (мера, эталон), а зло динамично и более вариативно» [Симон: 9];

— для зла в текстах этнических мифологий, произведениях фольклора, религиозно-философских трактатах характерны персонификация и атрибуция, проявляющиеся в системе устойчивых образов, приметах их внешнего облика, местах проживания и т. д. Эти устойчивые образы и их именованья воспроизводятся в художественных произведениях, часто модифицируясь под влиянием особенностей миропонимания и мировосприятия конкретного писателя.

Во-вторых, перцептивно-аксиологическая оппозиция «свет — тьма» способна трансформироваться в бинарную оппозицию «огонь — тьма». Ведь стихию огня воплощает у Бунина-поэта и старший бог индийского пантеона *Агни*, и божество огня в иранском пантеоне *Датар*, и мать Иисуса Христа *Богородица* (теоним *Мадонна*), и мифоорнитоним *Жар-Птица*, и греческое верховное божество *Зевес* (теоним *Державный*): *Всю жизнь свою приносит в дар / Тебе, неугаемый Пламень, Тебе, всевидящий Датар!* («Ормузд») [Бунин 1: 283]; *Вот сплю в лачуге закопченной, / А он сравнит меня с Мадонной, С лучом небесного огня...* («Миньона») [Бунин 2: 138]. Семы 'лучистый', 'горение' актуализирует целый ряд контекстуальных синонимов теонимов *Датар* и *Ормузд*.

В-третьих, обе аксиологические оппозиции, реализуясь в различных семантических группах мифологических имен, обогащаются экзистенциально-онтологическими смыслами: 'разрушение', 'исчезновение', 'небытие' и др. (стихотворения «Ормузд» (1904), «Агни» (1905), «Эльбурс. Иранский миф» (1905), «Ра-Озирис, владыка дня и света...» (1905), «Бальдер» (март <1906>) и др.). Так Бунин-художник устанавливает связь между ценностно-познавательными и мировоззренческими парадигмами культур разных этносов.

Резюмируя, отмечаем, что в аксиологических бинарных оппозициях художественно-эстетического пространства Бунина-поэта, эксплицированных мифонимами, читатель-интерпретатор обнаруживает единство и равновеликость утверждаемых противоположностей. Постоянный диалог полярных начал — результат особого переживания мира, «чистого мирозерцания» (Б. Кирхнер), желания приобщиться к вечности.

Список литературы / References

- Аминова А.А., Планкина Р.М. Бинарная оппозиция свой — чужой в русской, татарской и английской лингвокультурах (на материале произведений Л.Н. Толстого, М. Митчелл, Г. Исхаки) // Учёные записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. Т. 156. № 5. С. 52—62.
(Aminova A.A., Plankina R.M. Binary opposition friend — stranger in Russian, Tatar and English linguocultures (based on the works of L.N. Tolstoy, M. Mitchell, G. Iskhaki), *Proceedings of Kazan University. Humanities Series*, 2014, vol. 156, no. 5, pp. 52—62. — In Russ.)
- Бугакова Н.Б., Скуридина С.А. Оппозиция «человек (механизм) — природа» в романе «Чевенгур» (лингвистический аспект) // Гуманитарные науки и образование. 2022. Т. 13. № 2 (50). С. 134—139.
(Bugakova N.B., Skuridina S.A. The opposition “Man (Mechanism) — Nature” in the novel “Chevengur” (linguistic aspect), *The Humanities and Education*, 2022, vol. 13, no. 2 (50), pp. 134—139. — In Russ.)
- Бунин И.А. Стихотворения: в 2 т. / вступ. статья, сост., подг. текста, примеч. Т. М. Двинягиной. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, Вита Нова, 2014.
(Bunin I. A. Poems: in 2 vol., St. Petersburg, 2014. — In Russ.)
- Воробьёва Е.Ю. Бинарность и её архетипические основания: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Омск, 2005. 24 с.
(Vorob'eva E. Ju. Binary and its archetypal foundations: abstract diss. ... Candidate of Philology, Omsk, 2005, 24 p. — In Russ.)
- Гаршина Е.А. Память как ведущая аксиологема романа-воспоминания «Жизнь Арсеньева» И. А. Бунина // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 4 (41). С. 72—76.
(Garshina E.A. Memory as the leading axiologeme of the novel-memoirs “The Life of Arsenyev” by I. A. Bunin, *The world of science, culture, education*, 2013, no. 4 (41), pp. 72—76. — In Russ.)
- Григорьева Т.В. Перцептивная оппозиция в русском языке как способ оценочной категоризации действительности: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Уфа, 2019. 34 с.
(Grigor'eva T.V. Perceptual opposition in the Russian language as a way of evaluative categorization of reality: abstract diss. ... Doctor of Philology, Ufa, 2019, 34 p. — In Russ.)
- Карпенко С.М. Организация пространства в поэтической вселенной Н.С. Гумилёва // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2005. № 3 (48). С. 24—27.
(Karpenko S.M. The organization of space in the poetic universe of N.S. Gumilev, *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2005, no. 3 (48), pp. 24—27. — In Russ.)
- Крупенина М.И. Репрезентация пространственных архетипов на материале романа Ч. Диккенса «Лавка древностей» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. № 11 (750). С. 149—160.
(Krupenina M.I. The representation of spatial archetypes in the novel “The old curiosity shop” by Ch. Dickens, *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2016, no. 11 (750), pp. 149—160. — In Russ.)
- Лиао Л.-Й. Стилистика контраста в автобиографической прозе М. Горького и И. Бунина: автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 1999. 22 с.
(Liao L.-J. Stylistics of contrast in the autobiographical prose of M. Gorky and I. Bunin: abstract diss. ... Candidate of Philology, St. Petersburg, 1999, 22 p. — In Russ.)

- Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.
(Myths of the peoples of the world. Encyclopedia: in 2 vol., ed. by S.A. Tokarev, Moscow, 1998. — In Russ.)
- Руднева О.В. Концептуализация пейзажа в малой прозе И.А. Бунина // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2007. Вып. 2. С. 262—272.
(Rudneva O.V. Conceptualization of landscape in small prose of I.A. Bunin, *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2007, iss. 2, pp. 262—272. — In Russ.)
- Селеменова О.А. Мифонимикон Бунина-поэта: коннотативный аспект // Русистика. 2021. Т. 19. № 3. С. 285—297.
(Selemeneva O.A. I.A. Bunin's poetic mythonymicon: Connotative aspect, *Russian Language Studies*, 2021, vol. 19, no. 3, pp. 285—297. — In Russ.)
- Симон Г.А. Художественная репрезентация антиномии «ДОБРО/ЗЛО» в творчестве Н. Садур: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2014. 22 с.
(Simon G.A. Artistic representation of the antinomy “GOOD/EVIL” in the N. Sadur's works: abstract diss. ... Candidate of Philology, Ulan-Ude, 2014, 22 p. — In Russ.)
- Скляренко А.М., Скляренко О.Н. Типологическая ономастика: в 5 кн. Одесса: Астропринт, 2018. Кн. 5: Ономастические этюды. Мифология сквозь призму ономастики. 560 с.
(Skljarenko A.M., Skljarenko O.N. Typological onomastics: in 5 books, Odessa, 2018, Book 5: Onomastic studies. Mythology through the prism of onomastics, 560 p. — In Russ.)
- Хайрутдинова А.Р. Бинарные оппозиции как способ концептуализации художественной картины мира А.А. Кима (на материале произведений «Онлирия», «Близнец», «Поселок кентавров»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2012. 22 с.
(Hajrutdinova A.R. Binary oppositions as a way of conceptualizing the Artistic picture of the world of A.A. Kim (based on the works “Onliria”, “Gemini”, “Village of Centaurs”): abstract diss. ... Candidate of Philology, Kazan, 2012, 22 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 09.12.2022; одобрена после рецензирования 17.12.2022; принята к публикации 05.03.2023.

The article was submitted 09.12.2022; approved after reviewing 17.12.2022; accepted for publication 05.03.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Селеменова Ольга Александровна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, методики его преподавания и документоведения, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, г. Елец, Россия, ol.selemeneva2011@yandex.ru

Selemeneva Olga Alexandrovna — Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of the Russian Language, Russian Teaching Methodology and Document Science, Bunin Yelets State University, Yelets, Russian Federation, ol.selemeneva2011@yandex.ru

ИСТОРИЯ

HISTORY

Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2. С. 70—80.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 2. P. 70—80.

Научная статья

УДК 94(470.315).083

DOI: 10.46726/И.2023.2.8

ЗАБЫТЫЙ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКИЙ ФАБРИКАНТ ПАВЕЛ АКИФЬЕВ: ПОБОРНИК ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА И СОЦИАЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТАТОР (конец XIX — начало XX в.)

Кирилл Евгеньевич Балдин

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, kebaldin@mail.ru

Аннотация. История предпринимательства в дореволюционной России — тема очень многогранная и почти неисчерпаемая. Адекватную картину делового мира России на рубеже XIX и XX в. можно получить только при изучении деятельности как крупных, так и средних мелких предпринимателей. Необходимо изучать деловые биографии также совершенно забытых фабрикантов. Это направление исследований может дать очень интересные результаты. Примером того является жизнь и деятельность Павла Акифьева — текстильного фабриканта и акционера, который до сих пор почти не упоминался в научных публикациях регионального, а тем более всероссийского масштаба. Автор пришел к выводу о том, что П.А. Акифьев являлся одним из самых прогрессивных фабрикантов в Иваново-Вознесенске на рубеже XIX—XX в. Именно на Покровской мануфактуре, которую он возглавлял более полутора десятилетий, первыми в городе появлялись многие технические новики своего времени, в том числе автоматические ткацкие станки. Отношение к рабочим на этом предприятии благодаря Акифьеву существенно отличалось от того, что практиковалось на других предприятиях города. На этой фабрике рабочие могли решить многие проблемы, не прибегая к забастовкам, путем переговоров с администрацией фабрики.

Ключевые слова: история российского предпринимательства, текстильная промышленность, технический прогресс, социальная политика, рабочие, условия труда и быта

Для цитирования: Балдин К.Е. Забытый иваново-вознесенский фабрикант Павел Акифьев: поборник технического прогресса и социальный экспериментатор (Конец XIX — начало XX в.) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2. С. 70—80.

Original article

**FORGOTTEN MANUFACTURER
FROM IVANOVO-VOZNESENSK PAVEL AKIFYEV:
PROPONENT OF TECHNOLOGICAL PROGRESS
AND SOCIAL EXPERIMENTALIST (late XIX — early XX century)**

Kirill Ye. Baldin

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, kebaldin@mail.ru

Abstract. The history of entrepreneurship in pre-revolutionary Russia is a very multifaceted and almost inexhaustible topic. An adequate picture of the business world of Russia at the turn of the XIX and XX centuries can be obtained only by studying the activities of both big and medium-sized, even small-scale entrepreneurs. It is necessary to study also the business biographies of completely forgotten manufacturers. This direction of research can give very interesting results. An example of this is the life and work of Pavel Akifiev, a textile manufacturer and shareholder. He has not yet been mentioned in scientific publications of regional and all-Russian scale. The author came to the conclusion, that P. Akifiev was one of the most progressive manufacturers in Ivanovo-Voznesensk at the turn of the XIX—XX century. It was at the Pokrovskaya Manufactory, which he headed for more than a decade and a half, that many technical novelties of the time, including automatic looms, were the first to appear in the city. The attitude to workers at this enterprise, thanks to Akifiev, was significantly different from that practiced in other enterprises of the city. In this factory workers could solve problems without resorting to strikes, by negotiating with the factory administration.

Keywords: history of Russian entrepreneurship, textile industry, technical progress, social policy, workers, working and living conditions

For citation: Baldin K.Ye. Forgotten manufacturer from Ivanovo-Voznesensk Pavel Akifyev: proponent of technological progress and social experimentalist (late XIX — early XX century), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 2, pp. 70—80.

В истории российского предпринимательства имперского периода насчитываются десятки и даже сотни действующих лиц. Некоторые из них хорошо известны не только специалистам, но и широкой публике, это Третьяковы, Морозовы, Щукины, Бахрушины, Прохоровы и другие. В то же время имена деловых людей, не достигших впечатляющих успехов в бизнесе, не отметившихся на поприщах благотворительности и меценатства, оказались преданы забвению, о них имеют весьма смутное представление как их потомки, так и историки. Такая же ситуация наблюдается и на региональном уровне. Большинство жителей города Иванова слышали и что-либо знают о Гарелиных и Бурылиных, Зубковых и Дербеневых, тем более что их имена зафиксированы и в городской топонимии. Наряду с этими предпринимателями первого ряда, в истории текстильной промышленности «Русского Манчестера» присутствовали десятки фабрикантов второго ряда. Не выдержав жесткой конкуренции, они со временем разорились и в советское время были полностью забыты. Однако, как нам представляется, общая картина истории текстильной промышленности в отдельно взятом индустриальном городе будет явно неполной без исследований, посвященных деятельности этих предпринимателей. Одним из них в Иваново-Вознесенске являлся Павел Александрович Акифьев — человек инициативный, многосторонний и, как увидят

читатели из дальнейшего изложения, необычный для своей эпохи, существенно отличавшийся от своих ивановских коллег по профессии.

Сначала кратко остановимся на истории того предприятия, у руля которого он стоял без малого два десятилетия. Это предприятие в течение большей части XIX в. принадлежало Гарелиным, с 1844 г. его возглавлял Яков Петрович Гарелин — один из самых известных фабрикантов города. Благодаря его предприимчивости фабрика стала самой передовой среди других в техническом и технологическом отношении. В 1878 г. Я.П. Гарелин сдал предприятие в аренду одному из своих ведущих служащих П.Н. Грязнову. В ноябре 1890 г. Яков Петрович скончался, а через несколько месяцев — в феврале 1891 г. не стало и П.Н. Грязнова. Наследники последнего выкупили фабрику у дочерей Я.П. Гарелина. Так хозяевами предприятия оказались вдова Грязнова, три его дочери, уже вышедшие замуж, и Елизавета Петровна Грязнова, вдова Леонида Петровича — единственного сына П.Н. Грязнова [ГАИО: ф. 23, оп. 1, д. 197, л. 2, 77, 154—155].

Елизавета Петровна довольно скоро вторично вышла замуж за шуйского купца Павла Александровича Акифьева, который, наряду с потомками П.Н. Грязнова, стал одним из главных акционеров Товарищества Покровской мануфактуры. К сожалению, вновь нашедшая свое семейное счастье Елизавета Алексеевна недолго наслаждалась им, пережив своего первого мужа и свекра всего на два года. В марте 1893 года она умерла и была похоронена на кладбище при Покровском соборе [Там же, л. 154—155].

Между тем П.А. Акифьев, будучи человеком инициативным, ответственным и очень чутким к полезным нововведениям, довольно быстро привел в порядок дела Покровской мануфактуры, отчасти запущенные во время смены хозяев. Владельцы этого предприятия из семьи Грязновых, проживавшие в Москве, убедившись в надежности Акифьева, в 1897 году выдали ему официальную доверенность на управление предприятием от лица вдовы П.Н. Грязнова — Марии Никандровны [Тихомиров: 388]. Впрочем, Акифьев реально распоряжался на этом предприятии уже с начала 1890-х годов, т. к. наследницы П.Н. Грязнова не имели желания глубоко погружаться в производственные дела.

Остановимся на основных фактах биографии Павла Александровича. Родился он в 1854 году, т. е. в 1897 г., когда он получил фабрику в полное свое распоряжение, ему было 43 года. Сначала он восемь лет служил помощником колориста на ивановской фабрике братьев Борисовых. Затем, когда дела на этом предприятии явно пошли под гору, П.А. Акифьев перешел на аналогичную должность на Покровскую мануфактуру. Здесь он вырос до колориста, затем стал управляющим, т. е. директором фабрики. Это было уже в 1880-х годах, когда фабрика находилась в аренде у П.Н. Грязнова [Трехсотлетие...; ГАИО: ф. 4, оп. 1, д. 67, л. 9—10].

При создании товарищества Покровской мануфактуры Акифьев стал, наряду с ее владельцами, одним из учредителей этого акционерного общества и, соответственно, одним из его пайщиков. Павел Александрович, владея акциями товарищества, 28 лет являлся членом правления товарищества и его директором-распорядителем, т. е. управлял предприятием, одновременно являясь его совладельцем [Трехсотлетие...]. В 1898 г. он числился шуйским купцом 2-й гильдии [ГАИО: ф. 2, оп. 1, д. 2101, л. 68; д. 5382, л. 1].

Сравним производственные показатели Покровской мануфактуры в процессе ее развития с 1880-х гг. и до начала Первой мировой войны, т. е.

в тот период, когда ею управлял Акифьев. Данные за 1885 год свидетельствуют, что в это время здесь трудились 480 чел., насчитывалось 8 паровых машин общей мощностью всего в 65 л. с., топливом служили дрова [ГАИО: ф. 4, оп. 1, д. 67, л. 9—10]. В 1902 г. на фабрике числились уже 1674 рабочих, 59 мастеровых и 180 служащих [ГАИО: ф. 4, оп. 1, д. 725, л. 5]. Таким образом, за последние полтора десятилетия XIX в. число занятых на производстве рабочих возросло примерно вдвое.

В 1913 году на фабрике действовали 5 паровых машин общей мощностью уже в 1700 л.с. Численность рабочих колебалась от 1380 чел. в летний сезон и до 1540 чел. зимой. Фабрика выпускала ситцы и платки, годовое производство составляло 11,5 млн, а основной капитал фирмы — 3,2 млн рублей. Правление товарищества находилось в Москве, в Китай-городе, на Никольской улице [Фабрично-заводские...]. Сравнение показателей 1885, 1902 и 1913-го годов показывает, каких успехов достигло предприятие за то время, когда им руководил Акифьев. Только энерговооруженность предприятия, выраженная в лошадиных силах, выросла почти в тридцать раз (!).

Для того чтобы эти достижения представлялись читателю еще более рельефными, остановимся на других показательных фактах технического прогресса на фабрике. В 1911 году здесь началось обновление станочного парка. Предполагалось в конечном итоге увеличить число ткацких станков на 1200 штук. Но дело было даже не в их количестве. Губернская газета, выходившая во Владимире, сообщала о том, что в Швейцарии были куплены 12 *автоматических* станков «самоновойшей конструкции» [Старый владимирец, 1911, 13 февр.]. В марте 1911 г. эти агрегаты были запущены в работу. Современники отмечали, что ткани на них получались более качественными, в то же время станки поражали простотой своей конструкции. Почти вся работа осуществлялась автоматически, ткач должен был только следить за тем, чтобы механизмы функционировали правильно. Один человек мог одновременно обслуживать сразу шесть таких станков [Старый владимирец, 1911, 20 марта].

Применение станков-автоматов было не просто еще одним шагом вперед, оно знаменовало настоящий прорыв в техническом оснащении текстильных фабрик, на которых со времени начала промышленного переворота (1840-е годы) работали механические станки. Работник, впервые поступая на ткацкую фабрику, получал в свое распоряжение для начала один такой станок, обслуживая который, он обзаводился первичными производственными умениями и навыками. Когда мастер видел, что работник втянулся в производственный процесс, он переводил его на «пару». Обычно на такой паре станков текстильщик трудился до самой старости. Редко бывало, когда ткачей переводили на три механических станка, за которыми уследить было очень сложно. Три станка обычно давали женщинам — молодым, сильным и уже достаточно опытным. Это объяснялось тем, что женщины обычно были более аккуратны и внимательны по сравнению с мужчинами.

В 1911—1912 гг. на фабрике начали внедрять еще одно новшество. В печатных машинах отделочного производства главными узлами являлись цилиндры — валы, на поверхность которых наносили рисунки с помощью режущих инструментов особые квалифицированные рабочие — граверы. Валы смачивались краской, которая затем переносилась на ткань. Накануне Первой мировой войны вместо гравирования стали использовать фотографию с последующей вытравкой рисунков по поверхности медного вала. Для производства это был большой шаг вперед, но одновременно с введением

фотографии с Покровской мануфактуры были уволены 27 граверов, которые вынуждены были искать работы на других предприятиях [ГАИО: ф. 205, оп. 1, д. 263, л. 29; Ивановский листок, 1911, 30 марта].

Одной из реальных опасностей для текстильных заведений в то время были пожары. Фабрики в Иваново-Вознесенке горели часто и, несмотря на страховку их, эти бедствия приносили материальный ущерб их владельцам. Главной причиной разгула огненной стихии была слабая техника пожарной безопасности и самое заурядное разгильдяйство. В начале XX века текстильные фабриканты начали в полной мере понимать это и заводить целые системы противопожарной безопасности. На Покровской мануфактуре в это время в цехах были установлены импортные огнетушители системы «Гринель» [Журналы и доклады...: 262—265].

П. А. Акифьев заботился не только о новой технике, но и о том, чтобы она была размещена в соответствующих ей зданиях. В 1900—1909 гг. было сделано несколько пристроек к главному корпусу, в которых использовался железобетон [Снитко: 39]. В 1911 г. начал строиться и в основном был закончен новый трехэтажный корпус для отделочного производства. Особенностью его также были не деревянные или металлические, а железобетонные перекрытия. В то время эта технология только начинала проникать в строительное дело в провинции, хотя в столицах уже использовалась довольно широко. Восхищенный репортер из губернской газеты «Старый владимирец» писал, что в корпусе «масса воздуха», т. е. они очень просторны. Строительство обошлось дешевле, чем по традиционной технологии, производственное здание было возведено всего за 2—3 месяца. Газетному репортеру показалось, что стены были сделаны сплошь из стекла. Это было, конечно, не так, но окна здесь были действительно заметно больше, чем в старых корпусах [Старый владимирец, 1911, 24 марта, 4 июня, 20 июля, 4 августа].

Судя по бухгалтерским книгам Покровской мануфактуры, ее хозяева вели торговые дела с целым рядом фабрик текстильного края, закупая на них суровые ткани и отделявая их на своем предприятии. Среди его торговых партнеров были Миндовские, владевшие фабрикой в Наволоках, Долматовская мануфактура (Кинешемский уезд), Горкинская мануфактура (Ковровский уезд) и др. [ГАИО: ф. 23, оп. 1, д. 197, л. 81].

Продукция Покровской мануфактуры успешно сбывалась покупателям, уровень ее технического оснащения был выше, чем на большинстве других предприятий города. Несмотря на то, что по численности занятых на ней рабочих и служащих, по стоимости выпущенных тканей она не занимала самых первых мест в Иваново-Вознесенске, мануфактура считалась в городе «образцовым» предприятием. Об этом свидетельствовало то, что именно сюда водили экскурсии, на которых гиды-служащие с гордостью рассказывали о достижениях фабрики [ГАИО: ф. 4, оп. 1, д. 1147, л. 23]. Немалая заслуга в этих достижениях принадлежала человеку, который возглавлял предприятие в течение многих лет — Павлу Александровичу Акифьеву. Неслучайно, что за свою «промышленную деятельность» он был награжден золотыми медалями «За усердие» на Станиславской и на Аннинской лентах [Трехсотлетие...].

Одним из очень интересных проектов, реализованных на Покровской мануфактуре во время управления ею П.А. Акифьевым, было бурение глубокой скважины с целью поиска воды для производственных нужд. Для отделочных фабрик требовалось очень много воды, ее десятилетиями брали из Уводи, при этом отработанную воду спускали обратно в реку.

Уже на рубеже XIX—XX вв. последняя превратилась в зловонную сточную канаву, из которой было совершенно невозможно получить подходящую воду не только для питья, но и для технических нужд. Одни предприятия в этих условиях пытались использовать колодезную воду, другие брали ее из небольшой речки Талки, третьи взялись бурить скважины, надеясь найти что-либо подходящее глубоко под землей.

Приблизительно в 1904 году начали искать подземные источники воды на соседней фабрике, хозяином которой в это время был Мефодий Никонович Гарелин. Попытка окончилась безрезультатно, впустую были затрачены несколько тысяч рублей. М.Н. Гарелин, будучи очень бережливым, больше не возобновлял таких экспериментов [Старый владимирец, 1913, 8 июня].

П.А. Акифьев, зная об этой неудаче, все же решил повторить опыт. В 1910 г. привлеченная им к сотрудничеству немецкая техническая фирма Вангель начала работы на фабричном дворе. После того, как буровики прошли сто с небольшим метров, появился водоносный слой. Радость от этого открытия вскоре сменилось разочарованием, т. к. это оказалась сульфатонатриевая минеральная вода, которая была совершенно непригодна для производственных нужд. В отличие от Мефодия Гарелина, П.А. Акифьев средств не пожалел, и бурение продолжалось [Беневоленский: 5]. Ниже 200 метров наткнулись на твердую известковую породу, несколько раз бур ломался, приходилось его извлекать на поверхность. Наконец, через четыре года работ, примерно на глубине 700 метров появился новый слой воды. Ее было очень много, но она была горько-соленая, содержание соли в ней составляло около 8 %. Она также была непригодна для отделочного производства, где требовалась мягкая вода [Старый владимирец, 1914, 11 июня]. В советский период этот источник стал использоваться для лечения больных в созданной здесь бальнеологической амбулатории.

Читатели наверняка уже убедились в том, что Покровская мануфактура была необычным предприятием: станки здесь были самыми передовыми, технологии отличались новизной, цеха были гораздо просторнее и светлее, чем на других фабриках. Но, как нам представляется, главная особенность фабрики, которой руководил и одновременно владел как акционер П.А. Акифьев, заключалась в положении рабочих. Для начала отметим, что здесь совершенно не применялся труд тех, кого по современным меркам называют несовершеннолетними. В конце XIX — начале XX в. использование труда малолетних (до 12 лет) было запрещено законом, подростки 12—15 лет могли работать, но их трудовой день ограничивался 8 часами, также запрещалось использовать их в ночные смены. Что касается Покровской мануфактуры, то здесь труд подростков вообще не применялся уже в 1880-х годах [ГАИО: ф. 4, оп. 1, д. 67, л. 9—10].

Продолжительность рабочего дня на фабрике в тот же период была на полчаса или даже на час меньше, чем на других текстильных предприятиях города. Незадолго до Первой мировой войны был введен 9-часовой рабочий день. На практике оказалось, что он был гораздо более рациональным, чем десяти- или одиннадцатичасовой с несколькими перерывами на обед, чай и небольшой отдых рабочих [Старый владимирец, 1910, 24 октября; Ивановский листок, 1911, 1 января]. Позже на Покровской мануфактуре, во многом благодаря П.А. Акифьеву, произошло событие, которое иначе как знаковым не назовешь: здесь был введен 8-часовой рабочий день, а для граверов — даже 7-часовой (!). При этом заранее просчитали, что выработка продукции

не уменьшится, т. к. одновременно были отменены выходные, приходившиеся на некоторые религиозные праздники, не самые важные в православном календаре. Кроме того, благодаря трем 8-часовым сменам оборудование не простаивало, а использовалось все 24 часа в сутки. Удалось достигнуть экономии топлива, т. к. зря не тратилось много мазута или угля на разогрев котлов после перерыва между сменами [Старый владимирец, 1910, 2 ноября; Ивановский листок, 1911, 17 апреля]. Введение 8-часового рабочего дня можно оценить в масштабах Иваново-Вознесенска как значимый социальный эксперимент, который в целом оказался удачным, но другие предприниматели этому примеру не последовали. Более того, они отнеслись к нему негативно, П.А. Акифьев стал для них еще более чужим, чем раньше, т. к. они считали, что он «балует» своих рабочих.

Другие условия труда на Покровской мануфактуре также выгодно отличались от тех, которые существовали на прочих текстильных фабриках города. Выше уже говорилось, что накануне Первой мировой войны здесь был построен необычный производственный корпус, гораздо более просторный и светлый по сравнению с другими фабричными зданиями [Старый владимирец, 1911, 4 августа].

Целесообразно сравнить с другими предприятиями также условия быта рабочих Покровской мануфактуры, т. е. их жилье, пищу, медицинское обслуживание. Как при любой крупной фабрике, «у Акифьева» имелись казармы, т. е. общежития для рабочих на 300 человек. Как и везде, для членов харчевых артелей на фабрике была кухня и помещение для столовой, но на Покровской мануфактуре, и это самое главное, *бесплатно* отпускаясь горячий приварок. Под словом «приварок» имелся в виду полноценный обед из двух блюд и чая. Текстильщики покупали к обеду только хлеб. Ткачиха А. Работюшкова, вспоминая о своей жизни на этой фабрике до революции, свидетельствовала о том, что обед был полноценным, во всяком случае, мясо в скоромные дни они ели регулярно [ГАИО: ф. 281, оп. 1, д. 75, л. 1]. Такие бесплатные обеды для рабочих практиковались в Иваново-Вознесенске только еще на двух-трех фабриках.

На Покровской мануфактуре уже в 1880-х годах имелась «больница». Конечно, это было очень громко сказано, на самом деле это был небольшой приемный покой, рассчитанный всего на две койки. Однако при них постоянно находился фельдшер, готовый оказать первую помощь тем, кто получил производственную травму. Сюда регулярно навещался врач, помогавший лечить сложные заболевания, с которыми фельдшер мог не справиться [ГАИО: ф. 4, оп. 1, д. 67, л. 9—10].

В целом, оценивая отношения работодателя с работниками на фабрике, можно утверждать, что она отличалась более или менее демократическими порядками. Как отмечала местная пресса, рабочие могли направить депутацию к управляющему предприятием или даже к директору-распорядителю товарищества (напомним, что этот пост занимал П.А. Акифьев). С помощью переговоров выборные могли обсудить те или иные нужды или возникавшие проблемы. При этом в дальнейшем по отношению к выборным никаких репрессий не применялось. Такие порядки были просто невозможны на других предприятиях, на них таких делегатов быстро бы уволили по первому подвернувшемуся поводу [Старый владимирец, 1910, 4 апреля].

Большинство конфликтов на Покровской мануфактуре улаживали мирным путем, поэтому забастовки здесь происходили довольно редко. Однако

рабочие фабрики П.А. Акифьева, повинувшись принципу пролетарской солидарности и по призыву местных большевиков, все же примкнули к всеобщей стачке иваново-вознесенских рабочих весной-летом 1905 года, в ходе которой возник первый в России общегородской Совет рабочих депутатов. В самом начале забастовки рабочие города выдвинули целый ряд требований по улучшению условий их труда и быта. Иваново-вознесенские фабриканты в большинстве своем отказывались удовлетворять их или были согласны на минимальные уступки. Они договорились не идти навстречу текстильщикам и консолидировано противостоять им до последней возможности. Однако единый фронт работодателей в конце июня 1905 года раскололи несколько фабрикантов, пошедших на существенные уступки рабочим. Это были Кашинцев, Шапов и управлявший Покровской мануфактурой П.А. Акифьев. Они согласились сократить продолжительность рабочего дня на целый час и поднять жалование рабочих сразу на 20 %. Уступки рабочим на других фабриках по итогам этой длительной стачки были гораздо скромнее — рабочий день на них уменьшился всего на полчаса, а заработная плата выросла только на 10 % [Очерки истории...: 151]. Судя по всему, остальные фабриканты этого Акифьеву не могли простить! Он продолжал быть для них совершенно чужим, многие воспринимали его как предателя.

Такую же линию на поддержание отношений, похожих на «сотрудничество» с рабочими, проводил управляющий фабрикой В.В. Попов, поставленный на этот пост директором-распорядителем правления. Он, как отмечала местная пресса, сделал немало «уступок и поблажек» рабочим во время революции 1905—1907 гг. Это, вероятно, стало причиной его увольнения с должности весной 1907 г. [Владимирец, 1907, 12 мая]. Как видно, не все акционеры Покровской мануфактуры разделяли либеральные взгляды П.А. Акифьева на рабочий вопрос.

В 1910 г. местная газета отмечала, что Покровская мануфактура долгое время славилась справедливостью своих порядков. Но корреспондент с сожалением утверждал, что в последнее время здесь стали чаще увольнять рабочих «на почве эгоизма» [Ивановский листок, 1911, 30 марта]. Имелось в виду, что при введении новой технологии фотографирования на печатных валах выдали расчет почти трем десяткам граверов (см. об этом выше).

Производственные отношения, основанные на определенной терпимости и уступках, были очень необычными для Иваново-Вознесенска, где на большинстве фабрик мнение рабочих не принималось во внимание. Поэтому Покровская мануфактура пользовалась большой популярностью среди местных текстильщиков. При приеме сюда новой рабочей силы всегда был конкурс, в то время как, например, с соседней фабрики Н. Гарелина рабочие при первой возможности старались сбежать на другое предприятие [Старый владимирец, 1912, 27 апреля].

П.А. Акифьев руководил фабрикой в течение приблизительно двух десятилетий. Накануне Первой мировой войны он постепенно отошел от дел вследствие ухудшившегося здоровья. В 1913 г. директором-распорядителем правления товарищества Покровской мануфактуры являлся уже П.А. Садовников. Это был муж Серафимы Петровны Садовниковой — дочери П.Н. Грязнова, которая также входила в состав правления. Другими членами правления акционерного общества в том же году являлись: П.А. Акифьев и вдова П.Н. Грязнова — Мария Никандровна [Фабрично-заводские...].

Весной 1915 г. в одном из номеров местной газеты появилось сообщение о том, что 13 апреля в Москве скончался Павел Александрович Акифьев. Его тело

привезли в Иваново-Вознесенск, похороны состоялись 16 апреля на кладбище при Покровском соборе [Ивановский листок, 1915, 14 апреля].

Как видно, он не оставил детальных завещательных распоряжений о том, как поступить с его немалым по размеру капиталом. В связи с этим следует отдать должное его второй жене Анне Сергеевне — она решила пожертвовать значительную часть наследства на общественно значимые цели. 27 августа 1915 г. она в своем письме в Иваново-Вознесенскую городскую думу сообщала, что передает в память о покойном муже городскому муниципалитету 100 тысяч рублей [ГАИО: ф. 2, оп. 1, д. 5382, л. 1, 2, 7].

«Отцы города» стали заинтересованно обсуждать то, как распорядиться этой суммой. Нужд у города было много. Один из наиболее активных гласных городской думы — И.И. Власов предложил устроить в городе народный дом — культурно-просветительное учреждение для «разумного досуга» жителей; имелись в виду прежде всего местные рабочие. Городской голова А.К. Семенов поддержал это предложение, но посчитал, что 100 тысяч рублей будет маловато для создания многопрофильного клубного учреждения. Он предложил для начала открыть в городе общественный банк, положить туда завещанные Акифьевым деньги и постепенно копить их, пока не наберется сумма, необходимая для реализации проекта. Городская дума дружно приняла это решение [ГАИО: ф. 2, оп. 1, д. 5382, л. 10, 12—13, 15]. К сожалению, реализовать этот проект не удалось — помешала начавшаяся в феврале 1917 г. революция.

В свое время, начиная с 1930-х годов, в Советском Союзе вышли из печати сотни и тысячи научно-популярных брошюр и довольно серьезные, но изрядно идеологизированные монографии, которые были посвящены истории отдельных фабрик и заводов. В них дореволюционные хозяева этих предприятий изображались в самых мрачных красках — жадными и безнравственными, консервативными и жестокими по отношению к трудящимся. Никаких исключений из этого стереотипа советская цензура не допускала. Когда наступили новые времена, в 1990-х годах во многих (но не во всех) публикациях деловых людей из дореволюционного прошлого стали изображать в совершенно ином свете — как поборников технического прогресса, щедрых меценатов и благотворителей, заботившихся о своих рабочих. Эта тенденция не исчезла и в первые годы XXI столетия.

Как это часто бывает, истина лежит где-либо посередине между двумя крайними точками зрения. Большинство работ по истории предпринимательства в России, выходящих в настоящее время, все же отличаются определенной объективностью, многосторонне оценивают промышленников дореволюционного прошлого. Однако, давая оценку герою нашего просопографического очерка, мы склонны поставить ему больше плюсов, чем минусов. Павел Александрович Акифьев являлся в местном предпринимательском социуме типичной «белой вороной», остальные фабриканты однозначно не считали его «своим».

Большинство его современников-предпринимателей из Иваново-Вознесенска, конечно, внимательно следили за достижениями технического прогресса в своей отрасли, но приобретали передовое оборудование с оглядкой на столичных промышленников, не забегая вперед них. Что касается Акифьева, то он раньше всех своих конкурентов установил на фабрике первые в Иваново-Вознесенске автоматические ткацкие станки, которые в то время представляли собой последнее слово техники. Достаточно сказать, что предшествовавшее им

поколение этой техники — станки механические еще работали на местных фабриках и в 1920—30-е годы, и даже в послевоенный период.

Не менее серьезными шагами в технической реконструкции предприятия было строительство при Акифьеве производственных корпусов совершенно нового типа, устройство новой противопожарной системы, внедрение передовой технологии нанесения рисунков на валы в ситцепечатных машинах. Даже бурение сверхглубокой скважины для получения воды для производственных нужд представляло собой технический прорыв на региональном уровне.

Прогрессивной была социальная деятельность П.А. Акифьева. Давняя мечта пролетариата — 8-часовой рабочий день — была осуществлена не самими рабочими в результате стачки, а решением акционеров Покровской мануфактуры, во главе которой стоял директор-распорядитель Акифьев. Уволенные в результате внедрения технических новшеств граверы Покровской мануфактуры получили возможность подзаработать на дому. Наличие фабричной амбулатории, почти бесплатные обеды, 100 тысяч рублей, оставленные после смерти на народный дом для рабочих — все это также служило маркерами социальной политики, которая существенно отличалась от тех производственных отношений, которые практиковались на других предприятиях города. Но дело было даже не в наличии на фабрике врача с фельдшером и не в количестве мяса, которое закладывалось в котел для супа на артельной кухне. Главное заключалось в том, что рабочие могли цивилизованно решить многие свои проблемы, не прибегая к крайним мерам, т. е. забастовке. Причем против членов рабочих депутатий, которые вели переговоры с фабричным начальством, на Покровской мануфактуре не применялись какие-либо репрессии, они могли «безнаказанно» общаться и с директором-распорядителем П.А. Акифьевым, и с управляющим фабрикой В.В. Поповым, который был поставлен на этот пост тем же Акифьевым.

Такого рода социальная политика может рассматриваться по-разному. С одной стороны, ее можно оценить как проявление патернализма, характерного даже для периода первоначального накопления, когда фабрикант проявлял заботу о своих работниках как о «братьях меньших», и в то же время волен был сурово наказывать их за провинности, как реальные, так и мнимые. С другой стороны, этот курс можно рассматривать как проявление фабрикантского либерализма, характерного уже для начала XX в. Как нам представляется, в действиях Акифьева присутствовало и то и другое. В заключение следует подчеркнуть, что мы не можем отыскать такого рода предпринимателей в Иваново-Вознесенске, но в окружающем текстильном крае все же реально найти деловых людей, похожих на Павла Александровича Акифьева. Это А.И. Коновалов с его очень разнообразной социальной программой, реализованной для местных рабочих в начале XX в. в Вичуге, а также фабриканты из Южи Балины, которые даже допустили (правда, не в очень широких масштабах) участие рабочих в прибылях своего предприятия.

Список источников

Владимирец. 1907.

Государственный архив Ивановской области (ГАИО).

Журналы и доклады очередного и чрезвычайного Шуйского уездного земского собрания 1913 года. Шуя, 1913. 284 с.

Ивановский листок. 1911, 1915.

Старый владимирец. 1910—1914.

Список литературы / References

- Беневоленский А.М. Сосневский минеральный источник. Иваново: Иван. книжн. изд-во, 1961. 40 с.
(Benevolensky A.M. Sosnevsky Mineral Spring, Ivanovo, 1961. — In Russ.)
- Очерки истории Ивановской организации КПСС: в 3 т. / отв. ред. А.П. Юдин. Иваново: Иван. книжн. изд-во, 1963. Т. 1. 502 с.
(Essays on the history of the Ivanovo organization of the CPSU, ed. by. A.P. Yudin, Ivanovo, 1963, vol. 1, 502 p. — In Russ.)
- Снитко А.В. Архитектура хлопчатобумажного комбината им. Самойлова. Иваново: Иванов. гос. архит.-строит. акад, 2000. 64 с.
(Snitko A.V. Architecture of the Samoilov Cotton Mill, Ivanovo, 2000, 64 p. — In Russ.)
- Тихомиров А.М. Иваново. Иваново-Вознесенск. Путеводитель сквозь времена. Иваново: ИД «Референт», 2022. 480 с.
(Tikhomirov A.M. Ivanovo. Ivanovo-Voznesensk. Guide through the times, Ivanovo, 2022, 480 p. — In Russ.)
- Трехсотлетие Дома Романовых. Россия в прошлом и настоящем. 1613—1913. М., б. г. 482 с.
(Tercentenary of the House of Romanov. Russia in the past and present. 1613—1913. Moscow, 1913. — In Russ.)
- Фабрично-заводские предприятия Российской империи. Пг., 1914.
(Factory enterprises of the Russian Empire. Petrograd, 1914. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 07.11.2022; одобрена после рецензирования 26.12.2022; принята к публикации 13.02.2023.

The article was submitted 07.11.2022, approved after reviewing 26.12.2022, accepted for publication 13.02.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Балдин Кирилл Евгеньевич — доктор исторических наук, профессор, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, kebaldin@mail.ru

Baldin Kirill Yevgenyevich — Doctor of Sciences (History), Professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, kebaldin@mail.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2. С. 81—93.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 2. P. 81—93.

Научная статья

УДК 327(091)(53)

DOI: 10.46726/И.2023.2.9

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА КСА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ 2015—2022 гг.

**Мария Юрьевна Бородина¹, Игорь Валерьевич Рыжов¹,
Елена Михайловна Савичева²**

¹ Национальный исследовательский нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, borodina-m.u@yandex.ru, ivr@fmo.unn.ru

² Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия, savicheva@mail.ru

Аннотация. В данной статье уделено внимание региональной политике Саудовской Аравии в 2015—2022 гг. Основная цель статьи — проследить и проанализировать причины и предпосылки, которые повлияли на смену внешнеполитического курса КСА в рассматриваемый период. Данная тема весьма актуальна и с научной, и с практической точек зрения в силу того фактора, что Саудовская Аравия является одним из лидеров не только ближневосточного региона, но и мусульманского мира в целом. Внешнеполитические шаги и инициативы КСА определяют политическую повестку региона, влияют на региональную безопасность и экономические отношения. До событий «арабской весны» действия КСА во внешней политике опирались на ее религиозный авторитет и экономическую мощь, однако затем Саудовская Аравия поставила во главу своей внешнеполитической концепции не интересы мусульманского сообщества, а свои национальные интересы. Безусловно, смена внешнеполитической парадигмы КСА связана с многочисленными внутривосточными и внешнеполитическими факторами, а также с влиянием идей наследного принца Мухаммеда ибн Салмана, который не только ассоциируется в мировом сообществе с поиском нового места монархии в мире, но и является автором стратегии экономических преобразований страны «Видение: 2030», упор на реализацию которой сделан в Саудовской Аравии начиная с 2016 года.

Ключевые слова: Саудовская Аравия, внешняя политика, Иран, Израиль, палестино-израильский конфликт

Благодарности: статья выполнена в рамках гранта РФФИ № 20-014-00039А «Модели и риски сотрудничества в регионе Ближнего и Среднего Востока в первой четверти XXI века».

Для цитирования: Бородина М.Ю., Рыжов И.В., Савичева Е.М. Трансформация внешнеполитического курса КСА на Ближнем Востоке 2015—2022 гг. // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2. С. 81—93.

© Бородина М.Ю., Рыжов И.В., Савичева Е.М., 2023

Original article

TRANSFORMATION OF THE KSA FOREIGN POLICY COURSE IN THE MIDDLE EAST 2015—2022

*Maria Yu. Borodina*¹, *Igor V. Ryzhov*¹, *Elena M. Savicheva*²

¹ National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, borodina-m.u@yandex.ru, ivr@fmo.unn.ru

² Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation, savicheva@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the regional policy of Saudi Arabia in 2015—2022. The main purpose of the article is to trace and analyze the causes and prerequisites that influenced the change in the KSA's foreign policy course during the period under review. This topic is very relevant both from a scientific and practical point of view due to the fact that Saudi Arabia is one of the leaders not only of the Middle East region, but also of the Muslim world as a whole. The KSA's foreign policy steps and initiatives determine the political agenda of the region, affect regional security and economic relations. Before the events of the "Arab Spring", the actions of the KSA in foreign policy were based on its religious authority and economic power, but then Saudi Arabia put at the head of its foreign policy concept its own national interests rather than those of the Muslim community. Of course, the change in the foreign policy paradigm of the KSA is associated with numerous domestic and foreign policy factors, but also with the influence of the ideas of Crown Prince Mohammed bin Salman, who is not only associated in the world community with the search for a new place for the monarchy in the world, but is also the author of the country's economic transformation strategy "Vision: 2030", the emphasis on the implementation of which has been made in Saudi Arabia since 2016.

Keywords: Saudi Arabia, foreign policy, Iran, Israel, the Palestinian-Israeli conflict

Acknowledgements: the article was made within the framework of RFBR grant No. 20-014-00039A "Models and risks of cooperation in the Middle East region in the first quarter of the XXI century".

For citation: Borodina M.Yu., Ryzhov I.V., Savicheva E.M. Transformation of the KSA foreign policy course in the Middle East 2015—2022, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 2, pp. 81—93.

Саудовская Аравия на протяжении долгого времени претендовала на роль лидера в ближневосточном регионе, а также являлась экономическим донором для многих ближневосточных государств. Однако колоссальные траты на региональные конфликты, привычка действовать агрессивно, характерное давление на соседей по региону не только показали свою неэффективность в выстраивании внешнеполитического курса, но и также нанесли урон показателям такой важной для королевства программы, как «Видение: 2030», призванной снизить зависимость страны от продажи нефти. Более того, падение цен на энергоносители, последствия арабской весны, пандемия коронавируса, смена американского внешнеполитического вектора и поставленная под угрозу региональная безопасность на Ближнем Востоке также способствовали пересмотру КСА приоритетов своей внешней политики.

Таким образом, цель данной статьи — проанализировать трансформацию внешнеполитического вектора КСА в ближневосточном регионе в период с 2015—2022 гг.

Государство Израиль и палестино-израильский конфликт

Существенные сдвиги в политике королевской семьи произошли и в отношении палестино-израильского конфликта. Хотя саудовский король является сторонником идеи всеобъемлющего арабо-израильского мира и полного освобождения Израилем арабских территорий, оккупированных с 1967 года, в последние годы можно наблюдать существенное потепление в отношениях с Израилем.

В интервью журналу *The Atlantic* в апреле 2018 года принц Саудовской Аравии Мохаммед ибн Салман заявил, что Израиль имеет «право» на свою землю вместе с палестинцами и что существует «много общих интересов с Израилем, и если есть мир, то появится взаимодействие между Израилем и странами Совета сотрудничества стран Персидского залива» [Goldberg]. Это заявление рассматривалось как серьезный сдвиг в дипломатии Саудовской Аравии и свидетельство предполагаемого сближения с Израилем.

Однако в то же время король пообещал палестинцам помощь в размере 200 млн долларов, а генеральный наблюдатель Центра гуманитарной помощи и помощи короля Салмана заявил, что Королевство уже предоставило палестинцам помощь на сумму 6 миллиардов долларов с начала 2000-го года [Saudi Arabia...]. Однако финансовая помощь палестинцам не мешает саудовскому руководству занимать двойственную позицию по отношению к израильско-палестинскому конфликту. И если король Салман придерживается традиционной для Саудовского государства позиции в конфликте, выступая на стороне палестинцев, то кронпринц позволяет себе резкую критику в адрес палестинцев, обвиняя их в многочисленных упущенных возможностях для достижения всеобъемлющего мира.

И если ОАЭ и Бахрейн, которые также долгое время не признавали право Израиля на существование, удалось нормализовать свои отношения с Израилем, во многом благодаря проживающим на их территории израильским бизнесменам и общинам, то Саудовская Аравия достаточно долго не решалась ни на какие шаги в сторону потепления отношений. Только лишь благодаря Мохаммеду ибн Салману, который желает создать имидж экономической, политической и культурной открытости своей страны, а также ставит во главу своей внешней политики не палестинский вопрос, а противостояние с Ираном, удалось сдвинуть данный вопрос с мертвой точки.

После того, как в июне 2017 года Мохаммед стал наследным принцем КСА, стало понятно, что у Израиля и Саудовской Аравии во внешней политике есть схожая угроза в лице Ирана, который активно поддерживает режим Асада в Сирии, шиитов в Ираке и Йемене, спонсирует ливанскую террористическую организацию «Хезболла», а также обладает техническими средствами для создания ядерной бомбы, что, безусловно, несет риски для системы региональной безопасности. Этот страх перед иранской региональной гегемонией был усилен в 2013 г. временным соглашением в Женеве, а затем в 2015 г. в Вене соглашением по иранской ядерной программе. Они были полностью удовлетворены 8 мая 2018 г., когда президент США Дональд Трамп официально объявил о выходе своей страны из СВПД и голосовании о новых санкциях против Ирана.

Сближение интересов Израиля и Саудовской Аравии было инсценировано во время публичных конференций, организованных американскими аналитическими центрами с бывшими израильскими и саудовскими официальными лицами. В июне 2015 года, например, на конференции, организованной Советом по международным отношениям в Вашингтоне [Regional

Challenges...], Доре Голд (бывший генеральный директор МИД Израиля) и Анвар Эшки (бывший генерал Саудовской Аравии, директор Ближневосточного центра стратегических и правовых исследований в Джидде) публично признали, что ведут диалог уже более года.

В следующем году Анвар Эшки отправился в Израиль и под прицелом камер встретился с Доре Голд в ее офисе в Иерусалиме [Ravid]. В конце октября 2017 года, по приглашению израильского Еврейского политического форума, Турки ибн Фейсал (бывший директор разведывательных служб Саудовской Аравии и бывший посол в США) и Эфраим Халеви (бывший директор Моссада) обсудили ядерную сделку с Ираном. Эти публичные встречи подтверждают готовность обеих сторон донести свои взгляды до Вашингтона. Кроме того, Саудовская Аравия стремится быть уважаемой и привлекать новых инвесторов, ломая свою репутацию радикального государства, финансирующего международный терроризм. Эта стратегия ребрендинга, проводимая Мохаммедом ибн Салманом, включает в себя признаки умеренности, в том числе в отношении Израиля. В апреле 2018 года Эр-Рияд впервые разрешил иностранной авиакомпании Air India пролететь над своей территорией, чтобы совершить поездку в Израиль [Keinon].

По данным The Wall Street Journal, суверенный фонд благосостояния Саудовской Аравии (Фонд государственных инвестиций), председателем которого является принц М. бин Сальман, решил поддержать израильские технологические стартапы в мае 2022 года, выделив на это более 2 миллиардов долларов. Следует отметить, что это беспрецедентный случай инвестирования КСА в экономику Израиля.

Если в отношении к Израилю произошли некоторые изменения, то фундаментальная позиция Королевства и Лиги арабских государств по палестинскому вопросу остается неизменной на протяжении последних двух десятилетий. Как и другие саммиты Лиги арабских государств, 29-й саммит подчеркнул важность всеобъемлющего и устойчивого мира на Ближнем Востоке [Arab peace...], воплощенного в Арабской мирной инициативе под руководством Саудовской Аравии, принятой на саммите в Бейруте в 2002 году и пользующейся поддержкой Организации исламского сотрудничества. Согласно заключительному коммюнике Лиги арабских государств: «Мы подтверждаем, что дело Палестины является главным приоритетом всей арабской нации, подчеркивая арабскую идентичность оккупированного Восточного Аль-Кудса как столицы Государства Палестина» [Там же]. Лидеры 17 арабских государств также подчеркнули, что решение США признать Иерусалим столицей Израиля было незаконным. Все они выступили против решения американского президента о переносе посольства США в Иерусалим и призвали международное сообщество принять меры против «израильских нарушений и произвольных мер, затрагивающих мечеть Аль-Акса и ее верующих» [Там же].

Даже в своем смелом интервью журналу Atlantic 2 апреля 2018 года Мохаммед ибн Салман осторожно выражал поддержку «решения о создании двух государств», которое до сих пор отстаивается арабским и международным консенсусом: «Я считаю, что палестинцы и израильтяне имеют право на собственную землю. Но мы должны найти мирное соглашение, чтобы обеспечить стабильность для всех и иметь нормальные отношения» (цит. по: [Goldberg]). Это предложение ясно означало, что даже если он захочет развивать отношения с Израилем, ничего существенного не может произойти, пока не наметится значительный прогресс в израильско-палестинском конфликте. Будучи хранителем

двух священных мечетей и лидером суннитского мира, руководство Саудовской Аравии не может пойти на риск порвать со своей традиционной позицией по палестинскому вопросу, если Тель-Авив ничего не даст взамен.

После переезда посольства США в Иерусалим и смерти почти 100 палестинских демонстрантов в Газе ни один из арабских лидеров не предпринял конкретных действий против Израиля и американской администрации, например, отозвав своих послов или заявив о прекращении посредничества США в израильско-палестинском конфликте. Большинство из них, в том числе и глава Саудовской Аравии, воздерживались от слишком прямой и резкой критики Израиля и предпочли коллективно поддержать призыв Лиги арабских государств к Организации Объединенных Наций и Международному уголовному суду начать расследование нападения Израиля на протестующих в Газе [Arab League...]. Только лишь Турция и Иран взяли на себя роль защитников палестинского народа, вплоть до заявления турецкого лидера о том, что Израиль — это «государство террора». Во время встречи ОИС президент Ирана Хасан Роухани даже призвал исламские страны пересмотреть свои отношения с США и разорвать все связи с Израилем, который определяется как «расистское» государство и «государство апартеидов» [Rouhani urges...]. Впрочем, необходимо отметить, что проиранские или иранские государственные СМИ единодушны с палестинцами и доводят свою антиизраильскую риторику до крайности. На фоне растущей напряженности в ядерной проблеме этот нарратив позволяет Тегерану изображать из себя лидера «оси сопротивления». Это находит определенный успех у арабских оппозиционных движений и общественного мнения, которые упрекают своих лидеров в авторитарной политике и подчинении Соединенным Штатам.

Палестинский вопрос остается стратегической и объединяющей темой на Ближнем Востоке, в том числе для исламистов, джихадистов, оппозиционных движений или любых маргинализованных сообществ и меньшинств, которые чувствуют себя обиженными западными державами и Израилем. Хотя израильско-палестинский конфликт не является движущей силой всех конфликтов в регионе, его упоминание в качестве продолжающегося недовольства может вызвать растущую ненависть к арабскому руководству, в том числе к Саудовской Аравии, которая значительно теряет доверие к себе в этом вопросе. Кроме того, саудовский истеблишмент все еще слишком консервативен и крайне негативно относится к идее мира с Израилем, чего не может не учитывать саудовская правящая семья. Видится, что именно поэтому Саудовская Аравия и не присоединилась к соглашениям Авраама, чтобы это не было воспринято как предательство палестинцев и не подорвало авторитет государства в мусульманском мире. С этой точки зрения сближение с Израилем стоит рассматривать только лишь как часть блоковой политики, направленной против усиления позиций Ирана в регионе.

Исламская Республика Иран

За последнее десятилетие борьба между Ираном и Саудовской Аравией за господство на Ближнем Востоке проникла почти во все региональные проблемы, разрушая международные союзы и поддерживая войны по всему региону, одновременно вызывая опасения прямого конфликта между двумя державами, который может вовлечь и ряд внерегиональных игроков. После событий «арабской весны» противостояние с Ираном и вовсе стало ядром внешней политики Саудовской Аравии и приобрело еще более жесткий характер, чем раньше. Противодействие Ирану, в обосновании которого стал

присутствовать еще и дискурс защиты национальных интересов королевства, предопределило характер и конкретное наполнение деятельности Саудовской Аравии по всем ключевым направлениям ее внешней политики, включая взаимодействие с Советом сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ), подходы к решению палестино-израильского конфликта, борьбу с терроризмом и, наконец, отношения с Соединенными Штатами [Косач: 131].

Достаточно непростые отношения КСА и ИРИ окончательно испортились в 2016 году, что вылилось в разрыв дипломатических отношений со стороны Эр-Рияда в ответ на нападение протестующих на посольство Саудовской Аравии в Тегеране. Обвинения Ирана в высокоточном ракетном ударе и ударе беспилотника по нефтяным объектам Саудовской Аравии в 2019 году, а также конфронтационный подход администрации Трампа к Тегерану поставил США и Иран на грань войны в январе 2020 года, что имело прямые последствия для Эр-Рияда [Иран и Саудовская Аравия...].

Все эти годы отношения между государствами носили характер «холодной войны», и вот теперь обе стороны, кажется, ищут дипломатический выход из положения, стараясь снизить напряженность в регионе.

После прихода Джозефа Байдена на пост президента США Саудовская Аравия неоднократно обвинялась в нарушении прав человека, что породило кризис в отношении двух государств. Пытаясь возродить многостороннюю ядерную сделку 2015 года, от которой отказалась администрация Трампа, США и вовсе подтолкнула Саудовскую Аравию к поиску новых партнеров в регионе.

Начиная с апреля 2021 года, ИРИ и КСА при посредничестве Ирака провели несколько раундов прямых переговоров. Одновременно с этим КСА снизила масштабы военных операций в Йемене. Однако до сих пор единственным действенным результатом прямых переговоров, по-видимому, было открытие представительства Ирана в Организации исламского сотрудничества (ОИС), базирующейся в Джидде [Iran to reopen...]. Эта новость появилась после того, как в марте 2022 года Иран «временно приостановил» переговоры с Саудовской Аравией без объяснения причин. Оказалось, что причиной была казнь Саудовской Аравией 81 человека за один день, многие из которых были мусульманами-шиитами из меньшинства в королевстве с суннитским большинством.

Однако пятый раунд переговоров все же состоялся 25 апреля в Багдаде. И обе стороны заявили о том, что именно на этих переговорах наконец удалось достичь прогресса по ряду сложных вопросов. «Пятый раунд переговоров между Ираном и Саудовской Аравией в Багдаде был серьезным и продуктивным. В ходе переговоров был достигнут прогресс», — заявил журналистам официальный представитель МИД Ирана Саид Хатибзаде [Шарапов]. В ходе переговоров стороны подписали меморандум о взаимопонимании, состоящий из десяти пунктов.

Наследный принц Саудовской Аравии и фактический правитель Мухаммед бен Сальман 28 апреля высказался в отношении Ирана в примирительном тоне: «Иран — соседняя страна, и все, к чему мы стремимся, — это хорошие и особые отношения с Тегераном. Мы не хотим, чтобы ситуация в Иране была сложной. Напротив, мы хотим, чтобы он развивался... и способствовал процветанию региона и всего мира». Он добавил, что Эр-Рияд во взаимодействии с региональными и международными партнерами пытается повлиять на «негативное поведение» Тегерана [Саудовская Аравия...].

Вполне очевидно, что основной целью для нормализации отношений двух государств стало желание разобраться с вопросами региональной безопасности, а также разочарованием КСА в политике Белого дома в регионе. Израильские политологи Йоэль Гузанский и Сима Шайн полагают, что к корректировкам во внешней политике Саудовской Аравии, включая примирение с Катаром в январе 2021 г., предложение хуситам заключить соглашение о прекращении огня в марте 2021 г., а теперь и диалог с Ираном, привело изменение отношения Белого дома к Саудовской Аравии и Ирану. Эр-Рияд опасается, что, если переговоры между США и Ираном увенчаются успехом, позиции Тегерана в регионе усилятся. Саудовцы вступили в диалог с Ираном с целью хотя бы частично компенсировать возможные негативные последствия этого переговорного процесса для положения и влияния КСА [Корочкина].

Несмотря на кажущееся прекращение противостояния, безусловно, стоит понимать, что стороны по-прежнему с осторожностью относятся друг к другу, да и в вопросах внешней политики стоят на противоположных сторонах. Иран не будет отказываться от поддержки шиитов по всему Ближнему Востоку, т. к. это основополагающий принцип его внешней политики, а КСА не станет отказываться от своих претензий на роль лидера мусульманского мира. Однако совершенно очевидно, что оба государства понимают масштабы угроз региональной безопасности от их возможного столкновения, что и побуждает их вести политический диалог по ряду важнейших проблем Ближнего Востока.

Государство Катар

5 июня 2017 года Бахрейн, Саудовская Аравия, ОАЭ и Египет объявили о разрыве дипломатических отношений с Катаром. Точно так же поступили Йемен и Мальдивы. Саудовская Аравия и ОАЭ заявили, что не пропустят катарские корабли в свои порты. Кроме того, Королевство Саудовская Аравия закрыло единственный сухопутный пограничный пункт, соединяющий небольшой эмират с остальной частью Аравийского полуострова, отказалось от проведения финансовых операций, связанных с этой страной, и запретило Qatar Airways летать в своем воздушном пространстве. Основной причиной запрета была предполагаемая поддержка Катаром террористических группировок, связанных с мусульманским экстремизмом. Более того, Саудовская Аравия хотела протолкнуть идею вооруженной интервенции, но США не согласились на это. Тем не менее, Дональд Трамп очень быстро выразил поддержку действиям коалиции, несмотря на то что в Катаре находится крупнейшая военная база США на Ближнем Востоке Аль-Удейд.

Целью блокады и разрыва отношений было оказание давления на Катар и принуждение его к выполнению требований, выдвинутых четырьмя членами коалиции 22 июня 2017 года. 13 пунктов включали, среди прочего, закрытие сети «Аль-Джазира», ограничение сотрудничества с Ираном, прекращение турецкого военного присутствия, прекращение поддержки террористических групп и «вмешательство во внутренние и внешние дела Саудовской Аравии, ОАЭ, Египта и Бахрейна». Катар отклонил все эти требования, и тупиковая ситуация продолжилась. Между тем у Саудовской Аравии была довольно экстравагантная идея прорыть канал вдоль своей границы с Катаром, превратив свою территорию в остров, но план не осуществился. Тем временем маленький эмират активизировал свое сотрудничество с Турцией и Ираном, которые предложили свою помощь, например, с точки зрения поставок продовольствия (около 99 % продуктов питания Катара импортируется). Следовательно, блокада в этом вопросе была совершенно контрпродуктив-

ной. Попытки международной изоляции Катара также не увенчались успехом. Казалось, что ни одна из целей блокады не была достигнута [Smigiel].

5 января 2021 года на саммите Совета сотрудничества стран Персидского залива в саудовском городе Эль-Ула Саудовская Аравия и ее арабские союзники сняли блокаду с Катара. Со стороны КСА снятие блокады с Катара выглядело как попытка хотя бы формально завершить кризис до того, как Дж. Байден станет президентом США. Он заявил, что будет менее терпим к действиям КСА, чем Дональд Трамп, что может поставить их в еще менее выгодное положение на переговорах. Однако, несмотря на несомненно позитивный характер соглашения, трудно сказать, закончился ли кризис, и члены ССАПГЗ (Совета сотрудничества стран Персидского залива) будут говорить в один голос. Некоторые интересы Катара все еще отличаются от интересов Саудовской Аравии, Эмиратов или Египта, поэтому можно ожидать, что напряженность между ними будет продолжать расти.

Саудовская Аравия восстановила свои докризисные отношения с Катаром, назначив принца Мансура ибн Халида бин Фархана новым послом в Дохе в июне 2021 года. Доха ответила взаимностью, назначив Бандара Мохамеда аль-Аттию, который ранее был эмиссаром в Кувейте, послом в Эр-Рияде. Шейх Тамим также недавно принял министра внутренних дел Саудовской Аравии принца Абдулазиза бин Сауда ибн Наифа. Но, пожалуй, самым важным шагом на пути к истинному примирению и возможной новой перегруппировке стало создание саудовско-катарского координационного совета, который возглавят шейх Тамим и наследный принц Саудовской Аравии Мохаммед ибн Салман. Совет станет воплощением институциональных отношений между двумя странами, которые могли бы поставить двусторонние отношения на более прочную основу.

Нужно понимать, что снятие блокады с Катара носит взаимовыгодный характер, поскольку блокада подрывала не только экономику Катара, но и международный имидж самой КСА. Безусловно, Катар в этой ситуации выглядит выигравшей стороной, т. к. не один из 13 пунктов не был им выполнен. Саудовская Аравия пошла на примирение с Катаром, поскольку только имея сплоченный ССАПГЗ, можно противостоять усилению Ирана в регионе. Очевидная поддержка Катара Саудовской Аравией также является частью новой политики Эр-Рияда по региональной дэскалации.

Турция

Идеологическое и политическое противостояние Турции и Саудовской Аравии, вызванное диаметрально противоположными позициями в отношении ряда региональных событий, создало существенный конфликт интересов у двух стран, прекратились межгосударственные контакты и встречи.

Двусторонние отношения еще сильнее обострились после убийства саудовского журналиста Джамала Хашогги саудовским боевиком в консульстве Королевства в Стамбуле в 2018 году. В то время Эрдоган обвинил «высшие эшелоны» саудовского руководства в заказе убийства, но сделал это, не назвав по имени ни одного чиновника.

Убийство Дж. Хашогги вызвало глобальный протест против Королевства и ибн Салмана, который является его фактическим правителем. Турция настаивала на справедливости в деле Хашогги и начала судебное разбирательство, ЦРУ обвинило ибн Салмана в заказе убийства [Motasem]. По данным Reuters, это привело к неофициальному бойкоту Саудовской Аравией

турецких товаров, в результате чего турецкий экспорт в Королевство сократился на 90 процентов [Turkish prosecutor...].

Однако турецкая сторона решила наладить взаимоотношения с Королевством и смягчила свою критику в связи с убийством Дж. Хашогги. Импорт Саудовской Аравии из Турции вырос на 2,8 % за первые два месяца 2022 года. В мае 2022 года состоялся «исторический визит» Р.Т. Эрдогана в Саудовскую Аравию. «Общими усилиями, — пояснил он, — я верю, что мы будем поддерживать наши связи даже крепче, чем они были в прошлом» [Там же]. Он добавил, что окончание священного для мусульман месяца Рамадан было подходящим временем для визита. «Это был месяц пополнения и укрепления братских уз» [Там же].

Как сообщает Deutsche Welle, саудовский политолог Хани Накшбанди заявил, что «этот визит является не обычной поездкой главы государства, а скорее символическим жестом, за которым последует рост объема торговли, туризма и экономических отношений». Он указал, что Р.Т. Эрдоган искал и ищет примирения с регионом в целом [Holleis].

Его коллега-политолог Али Шихаби отметил, что «Эрдоган был изолирован и заплатил высокую цену огромными потерями в результате бойкота экономики и поездок». Эта изоляция, по его словам, была связана с настойчивостью Эрдогана в отношении убийства Дж. Хашогги и передачи дела в международные институты. Он утверждал, что Р.Т. Эрдоган отправился в Саудовскую Аравию, чтобы переговорить по делу Дж. Хашогги [Motasem].

Идя на сближение с КСА, Турция преследует свои цели, столкнувшись с рядом трудностей, вызванных экономической ситуацией, падением турецкой лиры, грядущими в 2023 году выборами, а также нестабильной обстановкой в мире. «Этот визит был ответом на приглашение Саудовской Аравии и принес взаимную выгоду Турции и Саудовской Аравии», — сказал помощник Эрдогана Юсеф Катиб Оглу. «Первый хочет инвестиций из Саудовской Аравии, а второй хочет турецкого оружия и бизнесменов» [Там же].

Тот факт, что ибн Салман тепло приветствовал Р.Т. Эрдогана в Джидде после нескольких лет отношения к нему как к части «региональной оси зла», ясно отражал и заинтересованность Саудовской Аравии в восстановлении натянутых отношений.

Следует отметить, что для КСА процесс нормализации отношений является взаимовыгодным. Саудовская Аравия находится в некоторой политической блокаде со стороны администрации Дж. Байдена, что систематически приводит к дискомфорту, из которого Эр-Рияд пытается выйти, налаживая отношения с альтернативными партнерами в лице Москвы и Пекина. С началом СВО России на Украине Вашингтон увеличил свое давление на Эр-Рияд и других региональных игроков, пытаясь заставить их занять антироссийскую позицию, даже если это будет противоречить их интересам [Садыгзаде].

«Почему две страны должны оставаться в разногласиях друг с другом?», — задается вопросом турецкий журналист и политолог Исмаил Яша. «Все причины, которые привели к турецко-саудовскому расколу, исчезли» [Holleis]. Он не согласился с утверждением, что саудовцы наверняка простили Р.Т. Эрдогану ведение дела Дж. Хашогги: «Турция могла бы тихо закрыть дело, но этого не сделала. Она сделала все, что могла, а затем передала дело в саудовский суд, поскольку все подозреваемые находятся там. Учитывая явное нежелание Америки принимать карательные меры против Саудовской Аравии, что могла сделать Турция?» [Там же]. И. Яша также указал на новые

союзы, формирующиеся в свете войны России на Украине. «Было бы безумием в это время быть зрителем, а не политиком», — заключил он, подчеркнув успех оборонной промышленности Турции, твердую и независимую позицию Анкары по международным вопросам и «большую роль», которую Турция играет в посредничестве и разрешении международных кризисов [Там же].

В действительности же определяющими могут стать слова Р.Т. Эрдогана, который охарактеризовал свой визит в КСА как «новую эру в двусторонних отношениях», поскольку налаживание взаимовыгодных отношений между двумя претендентами на региональное лидерство смогло бы не только укрепить региональные связи, но и даже поспособствовать снижению конфликтогенности, дав региону небольшую передышку после многочисленного числа потрясений.

Йемен

Семь лет назад Саудовская Аравия начала военную интервенцию против хуситов в Йемене. Вмешательство возглавляемой Саудовской Аравией коалиции должно было стать быстрой победой недавно назначенного министра обороны Саудовской Аравии Мохаммеда ибн Салмана над оппозицией, поддерживаемой Ираном. Однако эта победа остается недостижимой. Саудовская Аравия сейчас находится в худшем стратегическом положении, чем когда она вступила в йеменский конфликт в марте 2015 года.

Саудовская Аравия понесла значительный урон от ракетных и беспилотных атак на аэропорты, нефтяную инфраструктуру, на опреснительные установки. Роль Саудовской Аравии в обострении гуманитарного кризиса в Йемене также нанесла ущерб имиджу королевства и усугубила растущую дистанцию между Соединенными Штатами и их партнером по Персидскому заливу. Саудовская Аравия заявила о готовности к переговорам, но не уступит Йемен хуситам по всё той же причине — Иран.

Вероятно, что Эр-Рияд не может найти выход из йеменской ситуации. Новые попытки добиться мира сталкиваются с теми же препятствиями, что и предыдущие попытки. Хуситы, понимая, что больше потеряют в переговорах по политическому урегулированию, чем в настоящее время могут выиграть, продолжают сражаться [Zimmerman]. Хуситы приветствовали предложение Специального посланника ООН по Йемену Ханса Грундберга о прекращении огня на священный для ислама месяц Рамадан, начинающийся 2 апреля, что дало им время для перезагрузки на местах, и выразили готовность к предложенным переговорам Совета сотрудничества стран Персидского залива, намеченным на 29 марта — 7 апреля, но отклонили приглашение, потребовав провести переговоры в «нейтральной» стране, а не в Саудовской Аравии. Эр-Рияд активно пытался договориться о прекращении огня, чтобы положить конец нападениям хуситов на территорию Саудовской Аравии, а также понимая, что прекращение военного вмешательства в Йемене также станет шагом к восстановлению уже непростых отношений с администрацией Байдена. Благодаря усилиям ООН, в июне перемирие было продлено еще на 2 месяца, а в августе перемирие было заключено до 2 октября.

Однако, несмотря на кажущееся затишье, противоречия сторон продолжают обостряться. Эр-Рияд не может смириться с угрозой хуситов на южной границе и их контролем над большей частью Йемена, а также отказывается признать хуситов в качестве полноценной стороны переговоров. Тем не менее, Саудовская Аравия, понимая, что вряд ли сможет выиграть войну, охотно идет на переговоры и соблюдает объявленный режим тишины.

Таким образом, совершенно очевидным становится смена приоритетов внешнеполитического курса Саудовской Аравии, что выражается в конкретных политических шагах саудовского руководства. Формируются качественно новые механизмы взаимодействия с рядом ближневосточных государств. Это, безусловно, связано и с изменениями, произошедшими в системе региональной безопасности, и с новыми реалиями в нефтегазовой сфере, а также с изменением ключевых принципов американской политики на Ближнем Востоке.

В сегодняшней ситуации первоочередной задачей Саудовской Аравии является, конечно же, прекращение войны в Йемене из-за интенсивности географического охвата и характера целей, которые хуситы атакуют на ее территории (критическая инфраструктура: производство энергии, аэропорты, военные базы). Вторым приоритетом, с точки зрения региональной политики, является недопущение усиления позиций Ирана. Иран в настоящее время вызывает особую озабоченность в Саудовской Аравии, потому что политика администрации Дж. Байдена воспринимается в Эр-Рияде как продолжение политики администрации Б. Обамы, которая выстраивает отношения с Ираном путем переговоров и сдерживания, а не конфронтации. Саудовцы очень обеспокоены тем, что в случае новой сделки между США и Ираном, которая уже близка к подписанию, их интересы будут отодвинуты на второй план, а Иран получит более развязанные руки в регионе — как это было после подписания администрацией Б. Обамы СВПД с Ираном.

Ну и главное, ради чего Саудовская Аравия меняет свою внешнюю политику в регионе, — это трансформация их экономики, для чего требуется стабильный регион и определенно меньшее количество атак на саму Саудовскую Аравию. Для выполнения задач программы «Видение: 2030», на реализации которой сейчас сосредоточено правительство КСА, крайне важна стабильная система региональной безопасности и хорошие отношения с соседями по региону.

Список литературы / References

- Иран и Саудовская Аравия борются за господство на Ближнем Востоке // *World Politics Review*. URL: <https://www.worldpoliticsreview.com/insights/27875/israel-iran-saudi-arabia-battle-for-supremacy-in-the-middle-east> (дата обращения: 07.06.2021).
(Iran and Saudi Arabia are fighting for dominance in the Middle East, *World Politics Review*. — In Russ.)
- Корочкина В.А. Израильские эксперты о значении для региона и Израиля контактов между Саудовской Аравией и Ираном. URL: http://www.iimes.ru/?p=77166#_edn1 (дата обращения: 12.08.2022).
(Korochkina V.A. Israeli experts on the importance of contacts between Saudi Arabia and Iran for the region and Israel. — In Russ.)
- Косач Г.Г. Во имя национальных интересов: внешняя политика Саудовской Аравии после «арабской весны» // Вестник Московского Университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. 2021. С. 131—161.
(Kosach G.G. In the name of national interests: Saudi Arabia's foreign policy after the "Arab Spring", *Lomonosov World Politics Journal*, 2021, iss. 13 (4), pp. 131—161 — In Russ.)

- Садыгзаде М. КСА и Турция: на пути «ближневосточному ренессансу» // Российский совет по международным делам. 11.05.2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/middle-east/ksa-i-turtsiya-na-puti-blizhnevostochnomu-renessansu/> (дата обращения 18.09.2022).
(Sadygzade M. Saudi Arabia and Turkey: on the way to a “Middle Eastern renaissance”, *Russian International Affairs Council*, 11.05.22. — In Russ.)
- Саудовская Аравия примеривается к примирению с Ираном // *EurAsia Daily*. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/04/28/saudovskaya-araviya-primerivaetsya-k-primirenyu-s-iranom-intervyu-kronprinca> (дата обращения: 24.05.2022).
(Saudi Arabia is trying to reconcile with Iran, *EurAsia Daily*. — In Russ.)
- Шарапов А. Иран-Саудовская Аравия: на пути к миру. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3596713.html> (дата обращения: 24.05.2022).
(Sharapov A. Iran-Saudi Arabia: on the way to peace. — In Russ.)
- Arab League wants ICC to probe IDF shootings of Gaza protesters, *The times of Israel*, 4 April 2018. URL: <https://www.timesofisrael.com/arab-league-wants-icc-to-probe-idf-shootings-of-gaza-protesters/> (accessed: 31.05.2021).
- Arab peace initiative, *The Guardian*, 28 March 2002. URL: <https://www.theguardian.com/world/2002/mar/28/israel7> (accessed 30.05.2021).
- Goldberg J. Saudi Crown Prince: Iran’s Supreme Leader “Makes Hitler Look Good”, *The Atlantic*, 2 April 2018. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2018/04/mohammed-bin-salman-iran-israel/557036/> (accessed: 13.02.2021).
- Holleis J. Erdogan’s Saudi Arabia trip could be a game changer for Middle East, *Deutsche Welle*, 29 April 2022. URL: <https://www.dw.com/en/erdogans-saudi-arabia-trip-could-be-a-game-changer-for-middle-east/a-61638758> (accessed: 18.09.2022).
- Iran to reopen OIC representative office in Saudi Arabia, *AlJazeera*, 18 Januaray 2022. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2022/1/17/iran-to-reopen-oic-representative-office-in-saudi-arabia> (accessed: 24.05.2022).
- Keinon H. Air India to inaugurate flights to Israel via Saudi Arabia, *The Jerusalem Post*, 22 March 2018. URL: <https://www.jpost.com/Middle-East/Air-India-to-inaugurate-flights-to-Israel-via-Saudi-Arabia-546770> (accessed: 17.04.2021).
- Motasem A. Did Turkey bow down to Saudi Arabia?, *Middle East Monitor*, 9 May 2022. URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20220509-did-turkey-bow-down-to-saudi-arabia/> (accessed: 23.05.2022).
- Ravid B. Former Saudi General Visits Israel, Meets With Foreign Ministry Director-general, *Haaretz*, 22 July 2016. URL: <https://www.haaretz.com/israel-news/2016-07-22/ty-article/.premium/saudi-ex-general-visits-israel-meets-with-foreign-ministry-chief/0000017f-e772-df5f-a17f-ffffede4c0000> (accessed: 16.03.2021).
- Regional Challenges and Opportunities: The View from Saudi Arabia and Israel, *Council on foreign relations*, 16 May 2017. URL: <https://www.cfr.org/event/regional-challenges-and-opportunities-view-saudi-arabia-and-israel-0> (accessed: 22.02.2022).
- Rouhani urges Muslim nations to cut Israel ties, revise US economic links, *The Times of Israel*, 19 May 2018. URL: <https://www.timesofisrael.com/iranian-leader-urges-muslims-to-revise-economic-ties-with-us-over-embassy-move/> (accessed: 02.06.2021).
- Saudi Arabia provided \$6bn in aid to Palestinians since 2000, *Saudi Gazette*, 28 may 2018. URL: <https://saudigazette.com.sa/article/535741/World/Mena/Saudi-Arabia-provided-%246bn-in-aid-to-Palestinians-since-2000> (accessed 10.11.2021).

Smigiel M. The Diplomatic Crisis in the Persian Gulf. Causes, Development, Resolution?, *Warsaw Institute*, 18 January 2021. URL: <https://warsawinstitute.org/diplomatic-crisis-persian-gulf-causes-development-resolution/> (accessed: 10.07.2021).

Turkish prosecutor requests transfer of Khashoggi trial to Saudi Arabia», *CNN*, 31 March 2022. URL: <https://edition.cnn.com/2022/03/31/europe/turkish-prosecutor-khashoggi-trial-intl/index.html> (accessed 27.08.2022).

Zimmerman K. Saudi Arabia's war in Yemen, *Critical Threats*, 25 March 2022. URL: <https://www.criticalthreats.org/analysis/saudi-arabias-war-in-yemen> (accessed 17.04.2022).

Статья поступила в редакцию 01.12.2022; одобрена после рецензирования 26.12.2022; принята к публикации 10.01.2023.

The article was submitted 01.12.2022; approved after reviewing 26.12.2022; accepted for publication 10.01.2023.

Информация об авторах / Information about the authors

Бородина Мария Юрьевна — старший преподаватель кафедры истории и политики России, Институт международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, borodina-m.u@yandex.ru

Borodina Maria Yuryevna — Senior lecturer of the Department of History and Politics of Russia, Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, borodina-m.u@yandex.ru

Рыжов Игорь Валерьевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политики России Института международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, ivr@fmo.unn.ru

Ryzhov Igor Valerievich — Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of History and Politics of Russia, Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, ivr@fmo.unn.ru

Савичева Елена Михайловна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия, savicheva@mail.ru

Savicheva Elena Mikhailovna — Candidate of Science (History), Associate Professor of the Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation, savicheva@mail.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2. С. 94—104.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 2. P. 94—104.

Научная статья

УДК 94(4)''2007/2020''

DOI: 10.46726/И.2023.2.10

ОТ ЛЕЙПЦИГСКОЙ ХАРТИИ К... ЛЕЙПЦИГСКОЙ ХАРТИИ: СТАНОВЛЕНИЕ ГОРОДСКОЙ ПОВЕСТКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА (2007—2020)

Буданова Ирина Александровна, Никифорова Валерия Алексеевна

Ивановский государственный университет,

г. Иваново, Россия, budanovaia@ivanovo.ac.ru, valerianikiforova18@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вехи становления городской повестки ЕС: обоснована значимость городов в качестве драйверов развития ЕС, показана динамика ее развития в период 2007—2020 гг., выявлены взаимосвязи городского, территориального и социально-экономического курсов Евросоюза. Особое внимание уделено анализу Лейпцигских хартий 2007 и 2020 гг. и Амстердамского пакта 2016 г. Авторы рассматривают концепты устойчивого города и интегрированного городского развития как основы городской повестки ЕС. На основе изучения мнений заинтересованных сторон в развитии и продвижении городской повестки (структуры Союза и сеть европейских городов Eurocities), авторы подчеркивают актуальность обновления городской повестки в связи с кризисными явлениями в ЕС и пандемией COVID-19. В ходе анализа обновленной Лейпцигской хартии авторы сосредотачивают внимание на трех измерениях городского развития: справедливый, зеленый и продуктивный город и раскрывают их связь со сквозным измерением — цифровизацией. В заключении сделан вывод о динамичности и сложности городского развития, в связи с чем городская повестка ЕС будет корректироваться в духе требований времени.

Ключевые слова: Лейпцигская хартия, Амстердамский пакт, городская повестка ЕС, интегрированное городское развитие, устойчивый город

Благодарности: работа выполнена при поддержке Ивановского государственного университета, грант № 2022-03-01.

Для цитирования: Буданова И.А., Никифорова В.А. От Лейпцигской хартии к... Лейпцигской хартии: становление городской повестки Европейского союза (2007—2020) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2. С. 94—104.

Original article

FROM CHARTER OF LEIPZIG TO... CHARTER OF LEIPZIG: FORMATION OF THE EUROPEAN UNION URBAN AGENDA (2007—2020)

Irina A. Budanova, Valeria A. Nikiforova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
budanovaia@ivanovo.ac.ru, valerianikiforova18@mail.ru

Abstract. The article discusses the milestones of the EU's urban agenda formation: the importance of cities as drivers of EU development is substantiated, the dynamics of its development in the period 2007—2020 is shown, and the relationship between the urban, territorial and socio-economic courses of the European Union is revealed. Particular attention is paid to the analysis of the Leipzig Charters of 2007 and 2020 and the Amsterdam Pact 2016. The authors consider the concepts of a sustainable city and integrated urban development as the basis of the EU urban agenda. Based on the study of the opinions of stakeholders in the development and promotion of the urban agenda (the structures of the EU and the network Eurocities), the authors emphasize the relevance of renewing the urban agenda in connection with the crisis in the EU and the COVID-19 pandemic. In the course of the analysis of the renewed Leipzig Charter, the authors focus on three dimensions of urban development: a just, green and productive city and reveal their connection with the cross-cutting dimension — digitalization. The authors come to the conclusion about the dynamism and complexity of urban development. In this regard the EU urban agenda will be adjusted in the spirit of the time.

Keywords: Leipzig Charter, Amsterdam Pact, EU urban agenda, integrated urban development, sustainable city

Acknowledgments: the work was supported by Ivanovo State University, grant No. 2022-03-01.

For citation: Budanova I.A., Nikiforova V.A. From Leipzig Charter to... Leipzig Charter: formation of the European Union urban agenda (2007—2020), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 2, pp. 94—104.

В 2007 г. под председательством Германии в Совете Европейского союза была принята Лейпцигская хартия устойчивых европейских городов (далее — ЛХ, Хартия). В 2020 г. с подачи все той же Германии, которая вновь встала у руля Совета ЕС, возобновившиеся разговоры об обновлении Хартии под задачи текущего дня получили логическое завершение в виде новой Лейпцигской хартии.

В рамках данной работы авторы сосредотачивают свое внимание на основных вехах формирования городской повестки ЕС с особым акцентом на Лейпцигских хартиях 2007 и 2020 гг., поскольку именно эти документы во многом определяют контуры политики городского развития ЕС на современном этапе.

Однако, прежде чем рассматривать этот сюжет, стоит выявить основания для столь пристального внимания к городам со стороны государств-членов и структур ЕС. Как часто отмечается в риторике Европейской комиссии — это четыре основные причины: в городах производится 85 % всего ВВП ЕС, проживает 75 % всего его населения, локализовано 70 % рабочих мест и 70 % всего законодательства Союза также внедряется на городском уровне. Историческая специфика европейских городов может рассматриваться как фундаментальное преимущество в создании условий для управления противоречиями между глобальным и локальным в новом контексте информационного общества

[De Frantz: 470]. Кроме того, с начала 2000-х гг. становится все более очевидным, что экономический рост в ЕС будет обеспечиваться в первую очередь за счет городов, и что ни государства-члены ЕС, ни сам Евросоюз не смогут достичь целей экономической и социальной политики без взаимодействия с городами. В этом контексте постановка вопроса всеми стейкхолдерами — как сделать город лучше — выглядит естественной.

Политика Союза всегда в большей или меньшей степени была «городской и пространственной» [Eltges: 69]. Осмысление значимости городов в качестве костной ткани ЕС началось еще в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Именно в это время появились Зеленая книга «Городская среда», инициатива «URBAN», программа Европейской комиссии «Устойчивое городское развитие в Европейском союзе: рамка действий» и др. [Green Paper...; Action programme...].

Лилльской декларацией, принятой в 2000 г., были намечены контуры наиболее важных направлений по работе с городами: признание роли больших и малых городов в пространственном планировании, новый подход к городской политике на национальном и местном уровнях, поддержка общественной жизни, принятие мер по борьбе с социальной и этнической сегрегацией, партнерство государственного и частного секторов в области восстановления городов, распространение передового опыта и создание сетей, использование современных технологий (информационных технологий) в качестве инструмента городской политики в отношении улучшения занятости, образования, транспорта и социальной сплоченности [Lille Declaration...].

Это очень важный момент для понимания формирования городской повестки ЕС. Именно на начало XXI в. пришлись дискуссии, касающиеся обновления всего Союза, выстраивания его нового стратегического курса. В свете Лиссабонской стратегии (2000 г.) о повышении конкурентоспособности ЕС происходит переосмысление его пространственности (новая роль регионов и городов), поиск основ устойчивости. Нужно отметить, что в начале 2000-х гг. городская повестка Евросоюза была не столь видимой, как сейчас, но уже занимала свою нишу в его общем движении к устойчивости.

Подтверждением служит «Бристольский аккорд», прозвучавший в 2005 г. В документе введен концепт «устойчивый город-сообщество»: «Устойчивые сообщества — это места, где люди хотят жить и работать, сейчас и в будущем. Они удовлетворяют разнообразные потребности своих жителей, чутко относятся к окружающей их среде и способствуют высокому качеству жизни. Они безопасны и инклюзивны, хорошо спланированы, ... предлагают равные возможности и качественные услуги для всех» [Bristol Accord...].

С этой точки зрения городское развитие — это больше, чем строительство и планирование. Устойчивому городскому развитию нужен целостный подход и, следовательно, команда градостроителей со всесторонними навыками [Eltges: 72].

В этом движении принятие Лейпцигской хартии устойчивых европейских городов в 2007 г. стало закономерным шагом. По меткому замечанию исследователя Маркуса Эльтгеса: «Немецкое председательство (в Совете ЕС. — *И.Б., В.Н.*) пыталось найти связь между политическим мейнстримом, формальными компетенциями европейских институтов и межправительственным сотрудничеством в сфере градостроительства, чтобы придать европейской политике городского развития больше общественного внимания и политической власти. На этом фоне очень помогло то, что Европейский совет подчеркнул важность роли городов и регионов в реализации обновленной Стратегии устойчивого развития» [Там же: 64].

Вольфганг Тифензее, федеральный министр, пригласил своих коллег из других стран-членов ЕС на неформальную встречу в Лейпциге 24—25 мая 2007 г., чтобы провести политическую дискуссию по городскому вопросу и приоритетам совместных действий на этом направлении [Там же: 65]. По случаю встречи министр заявил: «Жизнь в городах — все более популярна. ... Урбанизация становится знаком качества. ... Европейские города в настоящее время переживают период возрождения, и политики должны сформировать этот ренессанс. Это откроет новую фазу городского развития» [Ten years...: 7]. Именно на этой встрече министры, ответственные за городское развитие, согласовали Лейпцигскую хартию устойчивых европейских городов.

По объему Хартия — небольшой документ. На нескольких страницах изложены преамбула, обязательства министров по развитию городов, их заявления, рекомендации, заключение [Leipzig Charter...]. Из текста документа прослеживается, что Лейпцигская хартия — это прежде всего политическое заявление: именно она способствовала включению вопросов городского развития и территориального единства в европейскую повестку дня.

В Хартии осмыслены специфические проблемы городов. К ним отнесены: высокий процент безработицы и социальная дискриминация, социально-экономические разрывы и качество окружающей среды [Там же]. Важно, что министры не только дали рекомендацию больше использовать интегрированные подходы в области городского развития, они сказали, как это делать.

В частности, по их мнению, необходимо разработать комплексные городские программы, которые должны: описать сильные и слабые стороны городов и районов на основе анализа текущей ситуации; последовательно определить цели развития городской территории и сформировать видение города; способствовать координации различных планов, обеспечить, чтобы запланированные инвестиции способствовали сбалансированному развитию городской территории; координировать и пространственно фокусировать использование средств государственным и частным секторами на местном и городском уровне с привлечением граждан и других партнеров, которые могут внести существенный вклад в формирование будущего экономического, социального, культурного и экологического развития каждого района [Там же: 7].

В тексте ЛХ упоминается один из важнейших концептов, который лег в основу выстраивания городской политики ЕС — интегрированное городское развитие. Интегрированное городское развитие определено как одновременное и справедливое принятие во внимание релевантных нужд и интересов, имеющих отношение к городскому развитию, процесс, в котором в разных пространственных плоскостях, при соблюдении принципа subsidiarity, взаимодействуют разные субъекты (лица, облеченные властью, представители бизнеса, простые горожане). Важно отметить, что достигаемый политикой интегрированного городского развития баланс интересов создает основу для консенсуса между государствами, регионами, городами, гражданами и бизнес-структурами [Там же: 1].

В этой связи министры, ответственные за городскую политику, взяли на себя обязательства: 1) развивать в своих государствах политическую инициативу, направленную на интеграцию основных принципов Лейпцигской хартии в политику регионального и местного развития; 2) накапливать средства для интегрированного городского развития, содействовать совершенствованию управленческих структур и создавать необходимые для этого рамочные условия на национальном уровне; 3) содействовать сбалансированному пространственному развитию на базе европейской полицентрической системы городов [Там же].

Таким образом, смысл Лейпцигской хартии может быть конкретизирован в следующих тезисах:

1. «Европа имеет место». Города — это традиционные области исследований и инноваций. Большинство ценностей также создается в городах. В связи с этим в Лейпцигской хартии подчеркивается тот факт, что каждый уровень управления, будь то местный, региональный или европейский, несет особую ответственность за будущее городов и регионов.

2. «Важность надлежащего управления в городах» — ориентированная на будущее политика городского развития интегрирует общество и экономику, что может способствовать развитию местной демократии.

3. «Продвижение городского ренессанса» — города нуждаются в серьезных государственных и частных инвестициях.

4. «Защита климата — городское дело» — почти $\frac{3}{4}$ мирового потребления энергии приходится на города. ЛХ предусматривает продвижение экологически чистого городского транспорта (пешеходный, велосипедный, общественный транспорт), повышение энергоэффективности зданий.

5. «Объединить всех граждан» — в городском контексте социальные проблемы возникают очень часто, одна из них — борьба с социальной сегрегацией — неотъемлемый элемент европейских ценностей.

6. «Город должен быть красивым» — следует модернизировать свои пейзажи при помощи баукультуры, которая, по мнению европейских политиков, дает новый импульс для роста [Eltges: 69—70].

По случаю завершения министерской встречи глава Генерального директората по региональной политике ЕС Данута Хюбнер заявила: «Наши регионы и города находятся на передовой наших общих усилий достичь большего роста, качества работы и инноваций во всем ЕС. Эта встреча продемонстрировала важность выстраивания связей между территориальным и городским развитием и Лиссабонской повесткой ЕС по занятости и росту¹. Новый программный период политики сплочения 2007—2013 и приоритеты, выраженные в территориальной повестке² и Лейпцигской Хартии, заставляют меня твердо верить, что мы на правильном пути к более конкурентоспособному и сплоченному Союзу. Нам нужны города в хорошей форме, широко использующие свои ресурсы на пути инновационного и устойчивого развития, города для всех, для нас сегодня, для будущих поколений» [Hübner].

Важно отметить, что оба упомянутых Д. Хюбнер документа позволяют зафиксировать в риторике стремление к вовлечению городов в процесс принятия решений за счет возрастания их роли в европейском интеграционном процессе, стимулирования устойчивого роста и увеличения занятости.

ЛХ суммировала предыдущие достижения и придала важный импульс выстраиванию городской повестки. Ее базовые положения легли в основу всех последующих документов, в частности, принятой 22 июня 2010 г.

¹ Лиссабонская повестка (стратегия) — план развития экономики Европейского союза на период 2000—2010 гг. Цель — к 2010 г. сделать ЕС самой конкурентоспособной и динамичной экономикой, основанной на знаниях, способной к устойчивому экономическому росту с большим количеством рабочих мест и большей социальной сплоченностью.

² Территориальная повестка ЕС (2007 г.) призывает к более тесному сотрудничеству и созданию сетей по таким вопросам, как устойчивый экономический рост и политика на рынке труда, горизонтальные связи между городскими регионами, переосмысление городского и пространственного развития с участием широкого круга региональных и местных участников.

Толедской декларации, подчеркнувшей важность интегрированного подхода к городскому развитию. По сути, Толедская декларация встроила формирующуюся городскую повестку в масштабную экономическую стратегию Европа 2020, принятую несколькими днями ранее. К примеру, была отмечена необходимость продвигать умное (smart), более устойчивое и инклюзивное городское развитие в европейских больших и малых городах. Ключевым на этом направлении и должен был остаться интегрированный подход к городской политике [Toledo informal...].

По итогам встречи министры подчеркнули, что это один из основных инструментов для продвижения в направлении, указанном в стратегии Европа 2020, особенно в нынешнем сценарии ограниченных ресурсов (отсылка к экономическому кризису 2008 г. и расширениям ЕС. — *И.Б., В.Н.*), когда необходимо достичь большего с меньшими затратами. Именно города могут сыграть ключевую роль в достижении этих целей, если станут реальными партнерами наднационального, национального уровней ЕС в реализации стратегии Европа 2020 [Там же].

В целом нужно приветствовать тот момент, что формирование городской повестки изначально было гибким: ее включение в более амбициозный проект Европа 2020, говорит о том, что руководящие структуры ЕС и государства-члены Союза с подачи самих городов осознавали, что без корректировки ЛХ и ставки на интегрированное городское развитие цели Европы 2020 вряд ли будут достигнуты.

В то же самое время происходит дальнейшая смычка городского, территориального и экономического курсов Союза. 19 мая 2011 г. министры стран-членов ЕС, ответственные за территориальное планирование и территориальное развитие, на встрече в венгерском городе Годолло приняли Территориальную повестку ЕС 2020 (далее — ТП 2020). Ее цель — построить инклюзивную, умную (smart) и устойчивую Европу, состоящую из разнообразных регионов. Для достижения цели, отмечается в документе, необходима комплексная работа и многоуровневый диалог, а не односекторальные подходы и задачи, спускаемые сверху вниз. В ТП 2020 говорится, что цели Европы 2020 могут быть достигнуты только в том случае, если будет учитываться территориальный аспект стратегии, и конкретно заявляется, что цели и проблемы, указанные в Лейпцигской хартии и Толедской декларации, должны быть приняты во внимание при формировании территориальной политики на всех уровнях [Territorial Agenda...: 6].

Своеобразным срезом, демонстрирующим сложность и дискуссионность формирования городской повестки, является отчет «Города будущего: проблемы, видения, пути достижения», представленный Европейской комиссией в октябре 2011 г. Глава генерального директората по региональной политике Йоханнес Хан обозначил во введении к документу: «Нам необходимо лучше понять проблемы, с которыми столкнутся различные европейские города в ближайшие годы. Вот почему я решил собрать вместе урбанистов и представителей европейских городов, чтобы подумать о будущем. Настоящий отчет является результатом такого размышления» [Cities of tomorrow...: III]. В документе сделана попытка осмыслить европейскую модель города: «С одной стороны, он отражает основные черты европейской культурной истории, и она глубоко укоренена в прошлом и, следовательно, связана с вопросом идентичности. С другой, она отражает существенные аспекты политического видения Европейского союза и, следовательно, будущего [Там же: 1]. Около 60 экспертов

с разных уголков Европы, представителей научного сообщества (университетов), городских сетей (Eurocities), структур ЕС приняли участие в подготовке документа. Основной вывод, который сделан в заключении работы — будущее Европы зависит от городов [Там же: 93].

Следующей важнейшей вехой на пути формирования городской повестки стало принятие Амстердамского пакта (далее — АП) в 2016 г. В АП сформулировано назначение городской повестки для ЕС: «Городская повестка ... предлагает новую форму многоуровневого и многостороннего сотрудничества с целью укрепления городского измерения в политике ЕС. Каждая заинтересованная сторона вольна определять свой собственный уровень участия в городской повестке» [Pact of Amsterdam...: 4].

Важно отметить, что документ связан с ЛХ за счет отсылок к сбалансированному, устойчивому и интегрированному подходу к городским проблемам, что предполагает сосредоточение на всех основных аспектах городского развития (экономическом, экологическом, социальном, территориальном и культурном) для обеспечения надлежащего городского управления [Там же].

Принципами городского развития согласно АП становятся: прозрачность действий; партнерство участников, реализующих городскую повестку; подход «снизу-вверх»; соблюдение принципа субсидиарности, активное включение местных администраций в проблемы городского развития; снижение административного бремени; активная роль профильных комитетов и органов (CoR, Eurocities, SEMR) [Там же: 5—6]. Стоит добавить, что именно с АП термин «городская повестка» прочно утвердился в риторике Европейской комиссии, государств и самих городов. А сама городская повестка благодаря АП стала видимой и важной.

Таким образом, можно говорить, что в 2016 г. у ЕС сформировалось видение своей городской повестки. Однако важно учитывать, что городской вопрос динамичен и зависит от не всегда положительных вызовов внешней среды (таких как вопросы энергообеспечения, пандемии и пр.).

Несмотря на то, что большинство упомянутых документов, формирующих городскую повестку не являются юридически обязательными, благодаря этому комплексу: во-первых, сложилась рамка для действий всех стейкхолдеров, во-вторых, сформировалось благожелательное отношение к указанным «рецептам» городского развития, в-третьих, основные идеи выработались с учетом мнения не только структур ЕС, но и самих городов в лице местной политической, научной и бизнес элиты.

Движение к обновлению ЛХ, а вместе с ней всей городской повестки, началось еще в июне 2019 г., когда министры стран-членов ЕС, ответственные за городское развитие, поставили такую задачу перед Германией, которая должна была стать страной-председателем в Совете ЕС со второй половины 2020 г. Однако 2020 год внес свои коррективы. Начавшаяся пандемия COVID-19 сделала городскую проблематику еще более актуальной, поскольку именно города первыми столкнулись с ростом заболеваемости в силу своей открытости международным контактам и высокой плотности населения. Города в наибольшей степени были затронуты введенными в связи с пандемией вынужденными ограничениями на ведение отдельных видов экономической деятельности [Кузнецова: 8].

Ключевой особенностью процесса обновления ЛХ на данном этапе становится то, что в этот процесс более активно включаются все заинтересованные уровни: наднациональные, национальные, а особенно городские (города и их сети). Так, Eurocities — сеть европейских городов — в феврале

2020 г. очертила свое понимание обновленной Хартии в позиции «Время расширить возможности европейских городов».

Основные чаяния, которые Eurocities связывала с обновлением ЛХ, заключались в том, чтобы разработать четкое видение европейских городов и измеримые цели, дать реальную роль городам в формировании политики ЕС, опираясь на городскую повестку, применять на практике принципы, отражающие разнообразие европейских городов, обеспечить достаточные инвестиции в городские районы ЕС и ресурсы для реализации городской повестки дня [Eurocities policy...].

Собранные представления об обновлении городской повестки вошли в проект от 5 мая 2020 г., озаглавленный «Новая Лейпцигская хартия — преобразующая сила городов для общего блага» (далее — НЛХ). В нем городская повестка характеризуется как «важный процесс поддержки европейских институтов, государств-членов, региональных и местных органов власти и функциональных областей всех масштабов в реализации стратегических принципов Лейпцигской хартии» [The New Leipzig Charter ..., draft: 10]. Источником НЛХ стала ЛХ, а точнее ее идея о том, что все области городской политики должны быть скоординированы посредством интегрированного подхода, обеспечивающего одновременное и справедливое рассмотрение всех проблем и интересов, имеющих отношение к городскому развитию.

Однако по сравнению с Хартией 2007 года проект включил конкретные ссылки на современные глобальные проблемы, которые оказывают непосредственное влияние на европейские города, и именно города могут усугубить их. Например, изменение климата, нехватка ресурсов, миграция, демографические изменения, пандемии и быстро меняющаяся экономика. Особое место занимают цифровые проблемы — развитие цифровых технологий, цифровой разрыв и зависимость от рынка, что является новым элементом НХЛ. В проекте подчеркивалось, что местный и глобальный уровни сегодня более связаны друг с другом, чем когда-либо прежде, и что НЛХ обеспечивает основу городской политики для выполнения глобальных и европейских соглашений, таких как Повестка дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 года, Парижское соглашение, Программа развития городов и Европейский зеленый курс [Там же].

Европейский комитет регионов, как орган ЕС, представил свое мнение: новая Лейпцигская хартия представляет собой политическую возможность, которая позволяет городам действовать и, таким образом, может помочь укрепить доверие к европейскому проекту. Кроме того, мнение содержит призыв к созданию дорожной карты, позволяющей городам применять новую Лейпцигскую хартию, и предложение о регулярном представлении отчетов государствами-членами ЕС об интеграции Лейпцигской хартии в свою национальную политику [Opinion ECoR...]. Данные мнения и проекты во многом легли в основу итогового документа.

30 ноября 2020 г., в день подписания НЛХ, Дарио Нарделла, президент Eurocities, произнес: «Последствия нынешнего кризиса накладывают сильный отпечаток на наши городские общества ... теперь у нас есть возможность строить более устойчивые города, разрабатывать более эффективную политику, которая будет координироваться на всех уровнях и даст возможность найти новые способы решения проблем, связанных с изменением климата» [Nardella].

Итак, итоговая концепция НЛХ опирается на 3 измерения городского развития — справедливый город, зеленый город и продуктивный город. Рассмотрим чуть подробнее каждое из них.

Зеленый город — город, в котором чистый воздух, минимум выбросов CO₂, циркулярная экономика, эффективные технологии, происходит восстановление городских экосистем, есть (развивается) устойчивая мобильность [The New Leipzig Charter...]. Как было отмечено выше, в переформатирование новой городской повестки активно включились сами города, и именно они во многом осмысливали те концепты, которыми наполнена НЛХ. Так, на проходившей в сентябре 2020 г. онлайн-сессии в рамках конференции #CitiesFitForFuture с участием экспертов, представителей локальных элит, в ходе обсуждения родилось облако слов, которое отражает содержание этой категории. В частности, акцентными словами, наполняющими «зеленый город», стали: «качество жизни», «дружелюбный к окружающей среде», «стрессоустойчивость», «много парков», «свободный от машин»³.

Справедливый город — город для всех, «никто не позади», равные возможности, доступ к разным услугам для всех, доступное жилье, стабильное и безопасное соседство, образование и навыки для всех, интеграция социальных групп и поколений. И хотя во время сессии облако слов в реальном времени не формировалось, его можно составить из наиболее часто упоминаемых слов самих выступающих: «доверие», «индивидуальный подход», «партнерство», «инклюзивность»⁴.

Продуктивный город — город с привлекательной для бизнеса средой, цифровизация местной экономики, обеспечение товарами ежедневного потребления, благоустроенность городских территорий. На специальной сессии, посвященной понимаю продуктивного города, облако слов включило в себя следующие слова: «циркулярная экономика», «креативность», «динамичность», «местная экономика»⁵.

Через эти три измерения красной нитью проходит цифровизация, называемая в документе кросс-секторальным трендом. Подчеркивается, что именно цифровизация создает возможности для городского развития, поскольку цифровые решения могут предоставлять инновационные и высококачественные услуги общественности и бизнесу. К ним относятся умная городская мобильность, энергоэффективность, устойчивое жилье, коммунальные услуги, розничная торговля, поставка товаров повседневного спроса и государственное управление [Там же: 6].

В то же время министры подчеркнули, что цифровизация может спровоцировать дальнейшее пространственное и социальное разделение с риском для защиты частной жизни, поэтому она должна формироваться устойчивым, инклюзивным и справедливым образом. Именно города с их способностью адаптировать цифровые решения к местным условиям могут помочь в достижении европейского цифрового суверенитета [Там же].

Как справедливо заметил Д. Нарделла: «Действительно, новая Лейпцигская хартия была принята в важное для городов время. Пандемия COVID-19 усугубила социальное неравенство и подчеркнула необходимость ускорения цифровой трансформации. Кроме того, повестка совпадает с самым

³ Green Cities Session. Europe's Cities Fit For Future. September 9th 2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=uQUOjxvZhJo>

⁴ Just Cities Session. Europe's Cities Fit For Future. September 9th 2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cNOEXa7TmsQ>

⁵ Productive Cities Session. Europe's Cities Fit For Future. September 9th 2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DNAqNCbljGo>

большим бюджетом ЕС и пакетом восстановления, который обещает сосредоточиться на зеленом и справедливом восстановлении» [Nardella].

НЛХ не существует сама по себе. Она встроена в комплекс важнейших стратегий ЕС, направленных на решение насущных проблем его социально-экономической и политической жизни: Зеленая сделка, Территориальная повестка 2030. Включенность городской повестки в общий курс ЕС, активность самих городов, их умение работать друг с другом и институтами ЕС дает основания на воплощение поставленных в НЛХ задач.

Вместе с тем Лейпцигские хартии — это и основа для дальнейших изменений и корректировок. Так, 26 ноября 2021 г. в Любляне в рамках встречи министров стран-членов ЕС, ответственных за городские дела, было подписано соглашение, дополняющее и развивающее городскую повестку. Дополнения, вносимые в городскую повестку с каждым новым документом, скорее говорят о сложности и динамичности городского развития, а обе хартии демонстрируют общее направление движения ЕС на пути построения устойчивых городов.

Список источников

- Action programme of the European Commission “Sustainable Urban Development in the European Union: A Framework for Action”, 28.10.1998. URL: <http://aei.pitt.edu/6794/1/6794.pdf> (accessed: 07.09.2022).
- Bristol Accord Conclusions of Ministerial Informal on Sustainable Communities in Europe, 6—7.12.2005. URL: http://urban-intergroup.eu/wp-content/files_mf/uk2005bristolaccord.pdf (accessed: 27.09.2022).
- Cities of tomorrow — Challenges, visions, ways forward, 10.2011. URL: https://www.academia.edu/41509008/Cities_of_tomorrow_Challenges_visions_ways_forward (accessed: 15.08.2022).
- Community initiative concerning urban areas (URBAN), 1994—1999. URL: <https://cordis.europa.eu/programme/id/REG-URBAN> (accessed: 07.09.2022).
- COTER-VII/001140th plenary session, 12—14.10.2020. URL: <https://cor.europa.eu/EN/our-work/Pages/OpinionTimeline.aspx?opId=CDR-4829-2019> (accessed: 15.09.2022).
- Eurocities policy statement on the Leipzig Charter, 09.03.2020. URL: <https://eurocities.eu/latest/eurocities-policy-statement-on-the-leipzig-charter/> (accessed: 25.08.2022).
- Green paper on the urban environment: communication from the commission to the Council and Parliament, Brussels, 27.06.1990. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/0e4b169c-91b8-4de0-9fed-ead286a4efb7/language-en> (accessed: 07.09.2022).
- Hübner D. Europe’s cities on front line of jobs and growth drive, 24.07.2007. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_07_705 (accessed: 07.09.2022).
- Leipzig Charter on Sustainable European Cities, 24.05.2007. URL: https://territorialagenda.eu/wp-content/uploads/leipzig_charter_2007.pdf (accessed: 07.08.2022).
- Lille Declaration: Towards a “European Greenways Network”, 12.09.2000. URL: <https://www.aevv-egwa.org/lille-declaration/> (accessed: 07.09.2022).
- Nardella D. A new momentum for cities: the Leipzig Charter 2.0, 30.11.2020. URL: <https://eurocities.eu/latest/a-new-momentum-for-cities-the-leipzig-charter-2-0/> (accessed: 15.08.2022).
- Opinion ECoR The renewal of the Leipzig Charter on Sustainable European Cities, 14.10.2020. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52019IR4829> (accessed: 15.11.2022).

- Pact of Amsterdam, Urban Agenda for the EU, 30.05.2016. URL: https://ec.europa.eu/regional_policy/sources/policy/themes/urban-development/agenda/pact-of-amsterdam.pdf (accessed: 15.08.2022).
- Ten years after the Leipzig Charter, 05.2017. URL: <https://agendastad.nl/content/uploads/2017/08/Ten-years-after-the-Leipzig-Charter-low-res.pdf> (accessed: 27.09.2022).
- Territorial Agenda of the European Union 2020: Towards an Inclusive, Smart and Sustainable Europe of Diverse Regions, 19.05.2011 URL: https://www.nweurope.eu/media/1216/territorial_agenda_2020.pdf (accessed: 07.10.2022).
- The New Leipzig Charter: the transformative power of cities for the common good, draft, 05.05.2020. URL: <https://skupnostobcin.si/wp-content/uploads/2020/05/new-leipzig-charter-draft-050520.pdf> (accessed: 15.08.2022).
- The New Leipzig Charter: the transformative power of cities for the common good, 30.11.2020. URL: https://www.nationale-stadtentwicklungspolitik.de/NSPWeb/SharedDocs/Downloads/EN/the_new_leipzig_charter.pdf?__blob=publicationFile&v=4 (accessed: 15.08.2022).
- Toledo informal ministerial meeting on urban development declaration, Toledo, 22.06.2010. URL: https://www.ccre.org/docs/2010_06_04_toledo_declaration_final.pdf (accessed: 07.10.2022).

Список литературы / References

- Кузнецова О.В. Становление национальной городской политики в России в контексте европейского опыта // Балтийский регион. 2021. Т. 13. № 4. С. 7—20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-natsionalnoy-gorodskoy-politiki-v-rossii-v-kontekste-evropeyskogo-opyta/pdf> (дата обращения: 07.09.2022).
- (Kuznetsova O.V. National urban policy in Russia and the European experience, *Baltic region*, 2021, vol. 13, no. 4, pp. 7—20. — In Russ.)
- De Frantz M. Contemporary Political Theories of the European City: Questioning Institutions, *European Journal of Social Theory*, 2008, no. 11, pp. 465—485.
- Eltges M. Leipzig Charter on sustainable European cities — a work in progress, *European spatial research and policy*, 2009, vol. 16, no. 2, pp. 63—78.

Статья поступила в редакцию 22.12.2022; одобрена после рецензирования 10.01.2023; принята к публикации 13.02.2023.

The article was submitted 22.12.2022; approved after reviewing 10.01.2023; accepted for publication 13.02.2023.

Информация об авторах / Information about the authors

Буданова Ирина Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, budanovaia@ivanovo.ac.ru

Budanova Irina Alexandrovna — Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Department of the General History and International Relations, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, budanovaia@ivanovo.ac.ru

Никифорова Валерия Алексеевна — студентка, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, valerianikiforova18@mail.ru

Nikiforova Valeria Alekseevna — student, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, valerianikiforova18@mail.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2. С. 105—114.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 2. P. 105—114.

Научная статья

УДК 929.6 (470+571)

DOI: 10.46726/И.2023.2.11

СОЮЗ ГЕРАЛЬДИСТОВ РОССИИ И РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГЕРАЛЬДИКИ

Аркадий Андрианович Корников

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, histgerb@mail.ru

Аннотация. Объектом исследования данной работы является деятельность Союза геральдистов России — общественной организации, занимающейся разработкой и созданием гербов, эмблем и флагов субъектов Российской Федерации, муниципальных образований различных уровней страны. Впервые в историографии российской геральдики рассматривается история и развитие данной общественной организации, созданной в 1992-ом году; дается комплексный анализ различных направлений деятельности Союза. Показывается вклад его членов в разработку современной территориальной геральдики. Отмечается роль Союза в исследовании теоретических и методических проблем геральдики, вексиллологии, фалеристики и других вспомогательных исторических дисциплин. Большое внимание уделяется организационной деятельности Союза для объединения геральдистов различных регионов страны, публикационной и просветительской работе Союза по воспитанию у различных слоев граждан страны интереса к истории своего Отечества.

Ключевые слова: Союз геральдистов России, гербы, современная геральдика, теоретические и методические проблемы разработки гербов

Для цитирования: Корников А.А. Союз геральдистов России и развитие современной отечественной геральдики // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2. С. 105—114.

Original article

THE UNION OF HERALDISTS OF RUSSIA AND THE DEVELOPMENT OF MODERN DOMESTIC HERALDRY

Arkady A. Kornikov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, histgerb@mail.ru

Abstract. The research object of this work is the activity of the Union of Heraldists of Russia — a public organization engaged in the development and creation of coats of arms, emblems and flags of the subjects of the Russian Federation, municipalities of various levels of the country. For the first time in the historiography of Russian heraldry, the history and development of this public organization, established in 1992, is considered; a comprehensive analysis of various activities of the Union is given. The contribution of its

© Корников А.А., 2023

members to the development of modern territorial heraldry is shown. The role of the Union in the study of theoretical and methodological problems of heraldry, vexillology, faleristics and other auxiliary historical disciplines is noted. Much attention is paid to the organizational activities of the Union in the association of heraldists of various regions of the country, publishing and educational activities of the Union to educate various strata of citizens of the country in the history of their Fatherland.

Keywords: Union of Heraldists of Russia, coats of arms, modern heraldry, theoretical and methodological problems of the development of coats of arms

For citation: Kornikov A.A. The Union of Heraldists of Russia and the development of modern domestic heraldry, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 2, pp. 105—114.

Одной из интереснейших вспомогательных исторических дисциплин, изучающих прошлое, является геральдика, занимающаяся исследованием гербов. Классическая геральдика зародилась в эпоху Средневековья. Об этом нам напоминают составные части герба: щит, шлем, щитодержатели и многие другие элементы. В нашей стране гербы получают распространение с конца XVII века. С этого момента до начала XX столетия шел процесс развития как территориальной, так и родовой российской геральдики. От этого периода дошло до нас богатое геральдическое наследие, которое с большим интересом изучается историками геральдики. После событий 1917 года развитие практической геральдики было прервано, поскольку в условиях Советского государства геральдика рассматривалась как пережиток старого феодального строя.

Возрождение российской геральдики началось в конце 1980-х — начале 1990-х годов и было обусловлено распадом советской системы, принятием конституции 1993 года, а также законов о местном самоуправлении 1995 и 2003 годов. В 1992 году создается Геральдический Совет при Президенте России как Государственная герольдия страны. Создаются Геральдическое общество и Союз геральдистов России — общественные организации, которые начинают вносить значительный вклад в развитие теоретической и практической геральдики.

Объектом исследования нашей статьи является деятельность одной из этих организаций, внесших (и вносящих) значительный вклад в развитие современной геральдики, — Союза геральдистов России. Задачи нашей статьи мы видим в том, чтобы, во-первых, обобщить вклад его членов в разработку современной территориальной геральдики. Во-вторых, раскрыть организационную деятельность Союза в объединении геральдистов различных регионов страны. И, в-третьих, показать публикационную и просветительскую работу Союза.

Поставленная цель нашей статьи достаточно сложна и многогранна хотя бы уже по той причине, что Союз продолжает работать и продолжает вносить свой вклад в развитие теоретической и практической геральдики. Поэтому любая оценка деятельности Союза будет носить предварительный характер. Однако, как нам представляется, уже проделанная Союзом большая и плодотворная работа заслуживает обобщения и доведения её до научной общественности.

Свою историю Союз геральдистов России начинает с 1987 года. 10—15 сентября 1987 г. состоялся I Всесоюзный слёт коллекционеров-геральдистов в Москве на ВДНХ СССР. Слёт проходил в форме Дней геральдики в рамках второго Всесоюзного фестиваля народного творчества. На слет собрались люди, интересующиеся коллекционированием значков с геральдической символикой. На нем были приняты решения о создании Всесоюзного

объединения коллекционеров-фалеристов (ВОКФ) и о создании Секции геральдистов при ВОКФ. С распадом СССР ВОКФ перестал существовать, а секция геральдистов ВОКФ была преобразована в 1992 году в Союз геральдистов России [Коржик: 7; Моченов 2006: 853].

В январе 2006 года Общим собранием учредителей Союза был принят обновленный Устав организации, а 18 апреля 2006 г. Союз был зарегистрирован в Федеральной регистрационной службе России [Союз геральдистов...].

В соответствии с Уставом своими целями Союз считает возрождение и развитие отечественной геральдики; развитие и углубление интереса к вспомогательным историческим дисциплинам; распространение знаний по геральдике, вексиллологии, сфрагистике, эмблематике, фалеристике и другим родственным вспомогательным дисциплинам; содействие разработке, распространению и популяризации муниципальной, корпоративной и личной символики в Российской Федерации; развитие и укрепление связей с родственными организациями и отдельными гражданами зарубежных стран на основе общности интересов; содействие в воспитании патриотизма и гражданственности, ответственного отношения к памяти предков и отечественной истории [Там же].

Союз геральдистов занимается также распространением и пропагандой знаний по геральдике, организацией геральдических слетов, конференций, изданием книг и буклетов по геральдике, эмблематике и фалеристике.

Союз геральдистов России (как преемник Секции геральдистов ВОКФ), его региональные отделения воплощают в жизнь свой девиз: «Каждому городу — герб!», занимаясь разработкой и созданием гербов, эмблем и флагов муниципальных образований, субъектов Российской Федерации, оказанием помощи в их утверждении и регистрации в Геральдическом совете при Президенте Российской Федерации [Там же].

К настоящему времени организация имеет отделения в 53-х регионах Российской Федерации. Среди наиболее активно работающих можно отметить Красноярское краевое отделение (председатель В.Б. Дюков), Кировское областное отделение (председатель Е.М. Дрогов), Республиканское отделение Республики Татарстан (председатель Г.М. Бушканец), Рязанское областное отделение (председатель М.К. Шелковенко). Исполнительным директором «Союза геральдистов России» является К.Ф. Моченов.

Основным направлением деятельности Союза является, конечно, работа по созданию официальных символов регионов и муниципальных образований всех уровней. По состоянию на 31 октября 2022 г. при содействии Союза геральдистов были разработаны и прошли регистрацию в Геральдическом совете при Президенте Российской Федерации около пяти тысяч гербов и флагов муниципальных образований в 73-х регионах РФ и 13 гербов субъектов России. За эти годы выпущено более шести тысяч значков с гербами [Там же].

Эта работа ведется совместно с представителями областных и муниципальных администраций, что способствует актуализации геральдических проблем и позволяет эффективно реализовывать многие региональные геральдические программы. Накопленный за годы работы опыт способствовал созданию на основе Союза геральдистов России по-настоящему профессиональной организации по разработке муниципальной и территориальной символики, которая проходит экспертизу и согласование с Геральдическим советом при Президенте Российской Федерации. При создании гербов и флагов

соблюдаются все методические рекомендации по разработке символики, а также учитываются замечания региональных геральдических комиссий субъектов Российской Федерации. Все разработанные Союзом геральдистов и утверждённые местными органами самоуправления муниципальные гербы и флаги внесены в Государственный геральдический регистр Российской Федерации [Мочёнов 2018: 39—45].

Об активной деятельности Союза свидетельствуют следующие данные разработки гербов по годам: 2000 — 37; 2001 — 63; 2002 — 78; 2003 — 90; 2004 — 92, 2005 — 82; 2006 — 202; 2007 — 143; 2008 — 137; 2009 — 114; 2010 — 123; 2011 — 105; 2012 — 111; 2013 — 144; 2014 — 86; 2015 — 82; 2016 — 60; 2017 — 56; 2018 — 85; 2019 — 88; 2020 — 46; 2021 — 55. Практически к каждому гербу был разработан и флаг [Союз геральдистов...].

Художники Союза Оксана Афанасьева, Анна Гарсия-Сапико, Наталья Кудря, Роберт Маланичев, Ольга Салова, Ирина Соколова, Галина Русанова, Юлия Терещенко и Оксана Фефелова, компьютерные дизайнеры Юрий Коржик и Сергей Исаев, а также научные сотрудники Вячеслав Мишин, Кирилл Переходенко, Галина Туник и Ольга Френкель принимали участие в разработке этих гербов и флагов. Среди последних региональных работ Союза геральдистов, в которых он принимал участие, можно назвать герб Кемеровской области, утвержденный 10 марта 2020 года [Закон Кемеровской...].

В качестве примера деятельности Союза по разработке территориальных гербов можно привести геральдику Ивановской области. На конец 2022 года из 53-х муниципальных гербов региона 45 были созданы при участии Союза геральдистов.

Гербы Ивановского региона достаточно типичны с точки зрения теоретических и методических принципов подхода членов Союза к разработке современных гербов. В целом Союз геральдистов в разработке современных гербов идет в русле наработок классической геральдики. Данные положения были закреплены Геральдическим Советом при Президенте России в методических рекомендациях по разработке территориальных и муниципальных гербов [Методические рекомендации...].

Надо отметить, что члены Союза принимали участие в той или иной степени в обсуждении и разработке данных документов.

Каковы же подходы членов Союза в разработке современных гербов. Первое направление — это творческая переработка исторических гербов и приведение их в соответствие с современными реалиями, в частности с современным административно-территориальным делением. К гербам этой группы можно отнести эмблемы шести муниципий: Кинешемского, Лухского районов; городских округов Кинешма, Шуя; Плесского и Лухского городских поселений.

При трансформации исторических гербов в современные их авторы из исторических гербов «удаляли» верхнюю половину герба, где были эмблемы дореволюционных гербов губерний и оставляли, собственно, только герб уездного города. В некоторых случаях вместо верхней части герба вводили главу с дополнительными эмблемами. Стала широко использоваться практика введения в Положение о гербе муниципий пункта о возможности использования герба области в вольной части герба.

В качестве примера такой переработки можно привести гербы городского округа Кинешма и Кинешемского муниципального района. В XVIII веке Кинешма была известна как центр производства и торговли полотняными тканями. Поэтому на гербе Кинешмы 1779 года изображены два свёртка

полотна. 23 ноября 2004 года Кинешемская городская дума утвердила современный герб города: «В зелёном поле два серебряных свёртка, сообращённых краями и наклонённых в стороны» [Геральдика.ру].

Позднее городской герб был преобразован в герб городского округа, созданного на базе города Кинешмы в результате муниципальной реформы. Герб округа, принятый 20 октября 2010 года, включал основные элементы герба города 2004 года, но к нему еще были добавлены муниципальная корона с пятью золотыми зубцами и орденская лента, окружающая щит в память об ордене Трудового Красного Знамени, которым была награждена Кинешма за свои заслуги в 1979 году. Автором реконструкции герба Кинешемского городского округа является группа членов Союза геральдистов, в составе группы: реконструкция герба — К. Моченов, художник и компьютерный дизайн — О. Афанасьева, обоснование символики — К. Переходенко.

8 июля 2008 года Кинешемский районный совет утвердил герб района, созданный членами союза на основе исторического герба Кинешмы. Он имел следующее описание: «В зеленом поле с лазоревой чешуевидной главой, обремененной летящей вправо серебряной чайкой с вздетыми и распростертыми крыльями, наклоненные к сторонам щита золотые свитки, соединенные лентой того же металла, уложенной в виде верха трилистника; при этом часть ленты накрывает середину края главы». В разработке герба района принимала участие та же группа, которая занималась гербом городского округа, но в ней также принял участие в качестве художника В. Гуков [Там же].

Более многочисленную группу составляют гербы, разработанные Союзом для территориальных образований, не имеющих исторических гербов. Данную группу муниципальных гербов можно условно разделить на несколько подгрупп: 1) гласные гербы; 2) гербы, в которых нашли отражение различные отрасли экономики (промышленность, сельское хозяйство, народные промыслы); 3) гербы, в которых нашли отражение исторические события прошлого того или иного города или района; 4) гербы, отразившие природные, географические особенности муниципий.

К категории гласных, как известно, относятся гербы, гербовые фигуры которых, цвета, металлы указывают на название города или района, которым принадлежит герб. Гласные гербы являются наиболее «геральдическими», и на их создание в первую очередь направлены рекомендации Геральдического совета при Президенте Российской Федерации. К этой группе гербов относятся гербы Ивановского, Лежневского, Родниковского и Ильинского районов, Каменского и Новоталицкого городских поселений, Семейкинского и Филисовского сельских поселений. Гласность данных гербов реализуется по-разному.

Наиболее оригинально это передано в гербе Родниковского района, в котором с помощью сложной геральдической композиции передается изображение родника с плавающим в нём цветком. Несколько иначе строится герб Лежневского района. Центральное место в гербе занимает серебряная колокольня, символизирующая колокольню Троицко-Знаменской церкви в Лежневе, а положенный рядом с колокольней Меркуриев жезл говорит о названии села — «Лежнево», так как посёлок возник на перекрестке торговых дорог, где многочисленный торговый люд останавливался на отдых, постой, по-старославянски — «лѣжа» [Там же].

Гораздо более многочисленна вторая подгруппа гербов, в которых гербовые фигуры рассказывают об отраслях промышленности, сельского хозяйства, ремёсел, распространенных в этих муниципиях. Несомненно, что

важнейшей отраслью промышленности для Ивановского края является текстильная отрасль. Поэтому символика этой отрасли нашла отражение в гербах, созданных Союзом для городов и районов области. В частности, в гербе города Вичуга она реализуется в виде выющейся золотой ленты, протетой в серебряный ткацкий челнок. Несколько иначе эта же идея отражена в гербе Савинского района. Там она представлена в виде коробейника, торгующего тканью, и четырьмя ткацкими челноками по углам [Там же].

В гербах Гаврилово-Посадского района и городского поселения Гаврилов Посад отражен факт развития коневодства в данном районе, так как он известен своим Гавриловским конным заводом, основанным ещё по указу Ивана Грозного во второй половине XVI века. Именно на этом заводе было выращено много замечательных лошадей, но главной заслугой гаврилово-посадцев было выведение породы владимирских тяжеловозов [Там же].

Очень оригинальным, на наш взгляд, получился герб Палехского района: «В чёрном поле золотая, с распростёртыми крыльями, жар-птица». Образ сказочной птицы, выполненной в черни и золоте, прекрасно передает стиль многовекового искусства мастеров палехской живописи, известных как своими иконами, так и лаковыми миниатюрами. Его создала авторская группа в составе А. Куркина, В. Юскова, В. Гурова, К. Мочёнова, Ю. Коржик и Г. Туник [Там же].

Третью подгруппу гербов, созданных Союзом геральдистов для городов и районов Ивановского края в 1990—2010-х годах, составляют гербы, в которых нашло отражение историческое прошлое тех или иных городов или районов. Привлекает к себе внимание герб Южского района. Основную композицию герба составляет золотая жар-птица, сидящая на золотом, украшенном серебром старинном русском шлеме — ерихонке. Данная композиция напоминает о выдающемся русском полководце начала XVII века князе Дмитрии Пожарском. Его родовое владение находилось в селе Мугреево-Никольское Южского района. Шлем символизирует мужество и воинскую доблесть этого полководца, а фигура жар-птицы с воздетыми крыльями и склонённой головой аналогична изображению орла, помещенного на печати Дмитрия Пожарского.

О далеком историческом прошлом рассказывает и герб Шуйского района. Основной эмблемой герба является серебряный сокол, увенчанный княжеской шапкой. Шуя и её окрестности когда-то были вотчиной князей Шуйских, происходивших из суздальско-нижегородских князей. Сокол (герб Суздаля) напоминает о родовом происхождении князей Шуйских. Княжеская шапка напоминает о высоком титуле владельцев Шуи [Там же].

Четвёртую небольшую подгруппу составляют гербы, в которых нашли отражение географические и природные особенности муниципий. Наиболее наглядно географическое положение района показано в гербе Заволжского района. Гербовое поле щита пурпурным клином разделяется на две части — голубую и зелёную. Таким образом символически показано то, что территория района отделяется от остальной части Ивановской области рекой Волгой. Зелёный цвет показывает, что на территории района расположены комплексы гослесфонда и природный заповедник «Заволжский» [Там же].

Большое внимание Союз уделяет публикационной деятельности. При активном участии Союза было издано большое количество книг по геральдике и фалеристике. В первую очередь Союз занимается изданием региональных гербовников, то есть публикаций, в которых воспроизводятся изображения

и описания гербов того или иного субъекта Федерации. Среди них можно назвать гербовники Московской области [Моченов, Маланичев], Челябинской области [Моченов, Туник], Краснодарского края [Нагаевский, Моченов и др.], республики Татарстан [Хайрутдинов, Салихов и др.].

Союз занимается изданием и работ, предназначенных для широкой публики, с целью популяризации геральдических знаний. С этой целью издаются наборы открыток, буклеты на геральдическую тематику. Руководители Союза дают интервью о своей деятельности в средствах массовой информации [Герб — образ... : 4; Переходенко, Моченов: 77—80].

Секция геральдистов ВОКФ, являвшаяся предшественником Союза, явилась учредителем информационного бюллетеня «Вестник геральдиста», издаваемого с 1989 года. К настоящему времени вышло 19 номеров «Вестника». Главными редакторами бюллетеня являлись И.С. Сметанников (1—5 номера), К.Ф. Моченов (6—11 номера), Г.А. Туник (12—15 номера), Ю.В. Коржик (16—19 номера) [Союз геральдистов...]. «Вестник геральдиста» давал оперативную информацию о слетах и конференциях по геральдике, публиковал статьи о разработке новых гербов и издании книг по геральдике.

Еще одним важным направлением деятельности Союза является организация и проведение региональных, всероссийских и международных конференций. По традиции эти встречи называют слетами. В них принимают участие любители не только геральдики, но и фалеристики и вексиллологии. К 2022 году под эгидой Союза состоялось 32 слета геральдистов Подмосковья, 22 слета геральдистов Сибири, 36 Международных слетов геральдистов [Там же].

XXXVI Международный слет геральдистов состоялся 15—17 сентября 2022 года в Рязани. Этот слет был посвящен 300-летию геральдической службы России и 30-летию её воссоздания в Российской Федерации. В работе форума принимали участие представители Геральдического совета при Президенте РФ, члены Союза геральдистов России, всего более 100 участников из 22 регионов России, а также специалисты по геральдике из Белоруссии, Молдовы и Эстонии. Среди участников конференции были историки, сотрудники библиотек, музеев и архивов. В рамках слета была проведена VIII Всероссийская научно-практическая конференция «Символы России: история и современность» при поддержке Геральдического совета при Президенте Российской Федерации. К открытию слета её организаторы подготовили выставки «Символы и знаки Рязанской области» (к 85-летию Рязанской области) и «Губернаторская открытка».

Из числа докладчиков можно было бы отметить два характерных для данных слетов сообщения. Первое сообщение директора Института международных отношений Казанского (Приволжского) Федерального университета КФУ, председателя Геральдического совета при Президенте Республики Татарстан Рамиля Хайрутдинова, посвященное деятельности возглавляемого им Геральдического совета. Второе сообщение, прозвучавшее на конференции, — это выступление учительницы школы № 10 г. Рязани Е.Н. Котягиной «Гражданско-патриотическое воспитание учащихся с ОВЗ средствами детского геральдического клуба ОГБОУ «Школа №10»». В этом сообщении она рассказала о работе действующего в школе «Детского геральдического клуба» [Геральдика.ру].

Говоря о работе Союза геральдистов, необходимо отметить, что организация имеет информативный сайт, включающий большое количество информации, раскрывающей не только деятельность самого Союза, но и рассказывающей о последних книжных новинках в области геральдики,

фалеристики, научных конференциях в области вспомогательных исторических дисциплин. Помимо таких разделов, как «Геральдика и право», «Наши издания», сайт включает и такой актуальный для современности раздел, как «Геральдика в Интернете», который дает ссылки на имеющиеся в мировой паутине сайты, посвященные геральдике.

В заключение необходимо сказать несколько слов об исполнительном директоре Союза геральдистов России. С момента его основания им является Константин Федорович Моченов (род. 8 марта 1954 года, посёлок Новоподрезково — ныне городской округ Химки, Московская область, РСФСР). Он является членом геральдических комиссий многих субъектов Российской Федерации (при губернаторе Алтайского края, при губернаторе Владимирской области, при губернаторе Воронежской области и др.). К.Ф. Моченов является разработчиком гербов и флагов 2180 муниципальных образований на территории России. По своему образованию Константин Федорович является «технарем». Он окончил Химкинский механический техникум (1973), а затем Всесоюзный заочный машиностроительный институт (1982). В 1990 году основал Московский областной клуб любителей геральдики «Родник», где до сих пор является председателем. С 1992 года — шеф-редактор Всероссийского информационного бюллетеня «Вестник геральдиста». 5 января 2006 года он был избран исполнительным директором правления Союза геральдистов России. Константин Федорович является автором многих публикаций по геральдике. За свою активную деятельность К.Ф. Моченов неоднократно удостоивался благодарностей и наград от руководства субъектов Федерации и муниципальных образований [Сметанников: 788].

Как нам представляется, благодаря именно этому человеку, его энергии, организаторским способностям, любви к благородной науке о гербах, Союз геральдистов существует более тридцати лет и вносит значительный вклад в развитие современной геральдики.

Таким образом, подводя итог, можно сделать вывод, что Союз геральдистов России — это уникальная общественная организация, играющая важную роль в развитии современной российской геральдики, популяризации геральдических знаний, геральдическом просвещении населения страны. Будем надеяться, что она и дальше продолжит свою историческую миссию.

Список источников

- Геральдика.ру. URL: <http://www.geraldika.ru> (дата обращения: 01.12.2022).
- Герб — образ символический. [Интервью исполнительного директора правления Союза геральдистов России К.Ф. Мочёнова] // Липецкая газета. 2009. 1 июля.
- Закон Кемеровской области от 10 марта 2020 года «О внесении изменений в Закон Кемеровской области «О символике Кемеровской области» // Сайт правительства Кемеровской области. URL: <https://ako.ru/oblast/simvolika/simvolika-keмеровskoy-oblasti.php> (дата обращения: 12.12.2022).
- Методические рекомендации по разработке и использованию официальных символов муниципальных образований (утверждены Геральдическим советом при Президенте РФ 28 июня 2006 г.) URL: <https://sovet.geraldika.ru/article/21037> (дата обращения: 20.12.2022).
- Союз геральдистов России. URL: <http://www.heraldik.ru> (дата обращения: 01.12.2022).

Список литературы / References

- Бушканец Г.М. Сто встреч друзей-единомышленников. К 30-летию организованного движения коллекционеров-геральдистов // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 92. Геральдика: исследования и практика: материалы научной конференции. 20—22 февраля 2017 года. СПб., 2018. С. 43—63.
(Bushmanec G.M. One hundred meetings of like-minded friends. To the 30-th anniversary of the organized movement of heraldic collectors, *Proceedings of the State Hermitage Museum. Vol. 92. Heraldry: research and practice: materials of the scientific conference*, St. Petersburg, 2018, pp. 43—63. — In Russ.)
- Коржик Ю. Страницы истории — 20 лет спустя // Вестник геральдиста. 2007. № 18. С. 7—10.
(Korzhih Yu. Pages of history — 20 years later, *Heraldist's Bulletin*, 2007, no. 18, pp. 7—10. — In Russ.)
- Моченов К.Ф., Туник Г.А., Маланичев Р.И. и др. Официальные символы Подмосковья. М.: Ушаков, 2003. 159 с.
(Mochenov K.F., Tunik G.A., Malanichev R.I. etc. Official symbols of the Moscow region, Moscow, 2003, 159 p. — In Russ.)
- Моченов К.Ф., Туник Г.А. Официальные символы Челябинской области и муниципальных образований. Челябинск, 2004. 296 с.
(Mochenov K.F., Tunik G.A. Official symbols of the Chelyabinsk region and municipalities, Chelyabinsk, 2004, 296 p. — In Russ.)
- Моченов К.Ф. Союз геральдистов // Сметанников И.С. и др. Под знаком Золотой Пчелы: Всероссийское геральдическое общество. 1991—2005. М., 2006. С. 853—856.
(Mochenov K.F. Union of Heraldists, *Smetannikov I.S. etc. Under the sign of the Golden Bee: All-Russian Heraldic Society. 1991—2005*, Moscow, 2006, pp. 853—856. — In Russ.)
- Моченов К.Ф. Роль Союза геральдистов России в создании муниципальной символики Российской Федерации // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 92. Геральдика: исследования и практика: материалы научной конференции. 20—22 февраля 2017 года. СПб., 2018. С. 39—45.
(Mochenov K.F. The role of the Union of Heraldists of Russia in the creation of municipal symbols of the Russian Federation, *Proceedings of the State Hermitage Museum. Vol. 92. Heraldry: research and practice: materials of the scientific conference*. St. Petersburg, 2018, pp. 39—45 — In Russ.)
- Нагаевский В.В., Раков А.В., Моченов К.Ф., Шарунов М.В., Бабенко С.Г. Гербовник Кубани. Краснодар, 2017. 368с.
(Nagaevsky V.V., Rakov A.V., Mochenov K.F., Sharunov M.V., Babenko S.G. *Herbovnik Kuban*. Krasnodar, 2017. 368p. — In Russ.)
- Переходенко К., Моченов К. Гербы муниципальных образований и патриотическое воспитание // Альманах «Марс». 2007. № 5.
(Perekhodenko K., Mochenov K. Coats of arms of municipalities and patriotic education // *Альманах "Mars"*. 2007. № 5. — In Russ.)
- Сметанников И.С. Кто есть кто в геральдике: биографический словарь // Сметанников И.С. и др. Под знаком Золотой Пчелы: Всероссийское геральдическое общество. 1991—2005. М., 2006. С. 689—844.
(Smetannikov I.S. Who's who in heraldry: a biographical dictionary, *Smetannikov I.S. etc. Under the sign of the Golden Bee: All-Russian Heraldic Society. 1991—2005*, Moscow, 2006, pp. 689—844 — In Russ.)

Хайругдинов Р.Р., Салихов Р.Р., Миннуллин И.Р. и др. Геральдическое наследие Республики Татарстан. М., 2012. 328с.
(Hajrutdinov R.R., Salihov R.R., Minnullin I.R. etc. Heraldic heritage of the Republic of Tatarstan, Moscow, 2012, 328 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 04.01.2023; одобрена после рецензирования 21.01.2023; принята к публикации 13.02.2023.

The article was submitted 04.01.2023; approved after reviewing 21.01.2023; accepted for publication 13.02.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Корников Аркадий Андрианович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, histgerb@mail.ru

Kornikov Arcady Andrianovich — Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of History of Russia, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, histgerb@mail.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2. С. 115—121.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 2. P. 115—121.

Научная статья

УДК 94(71).06

DOI: 10.46726/И.2023.2.12

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ МЕРЫ ПО СТИМУЛИРОВАНИЮ ВОИНСКОГО НАБОРА В КАНАДЕ В РАЗГАР ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (По материалам канадской прессы)

Екатерина Сергеевна Симоненко

Приморская государственная сельскохозяйственная академия,
г. Уссурийск, Россия, eka-1982.82@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению системы мер, предпринятых канадским правительством, для стимулирования воинского набора в ряды канадских добровольцев в разгар Первой мировой войны. Исследуются основные и дополнительные меры по активизации набора в канадский экспедиционный корпус в ходе кризиса комплектования армии в 1915—1916 гг., в том числе на законодательном уровне. Раскрывается механизм применения мер социального, экономического, организационного характера. Самыми важными из них являлись: увеличение размера денежного довольствия добровольцев и единовременное вознаграждение при поступлении на службу; сохранение за ними рабочих мест и части предвоенного жалования; создание сети местных пунктов набора «рядом с домом» и частных военных отрядов; пропаганда военных идей и запрет антивоенных выступлений; централизация системы управления мобилизационным процессом. Выделяются факторы, тормозившие набор, среди них: влияние идей пацифизма, неэффективная деятельность федеральных властей, оппозиция франкоканадских националистов, низкая степень имперской лояльности населения. Автор приходит к выводу, что предпринятые канадским правительством меры лишь частично позволили преодолеть кризис комплектования армии. Они отсрочили, но не предотвратили введение в североамериканском доминионе обязательной воинской повинности (конскрипции).

Ключевые слова: история Канады, Первая мировая война, канадское правительство, канадские добровольцы, кризис воинского набора

Для цитирования: Симоненко Е.С. Правительственные меры по стимулированию воинского набора в Канаде в разгар Первой мировой войны: (по материалам канадской прессы) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2. С. 115—121.

Original article

GOVERNMENT MEASURES TO STIMULATE MILITARY RECRUITMENT IN CANADA AT THE HEIGHT OF WORLD WAR I (Based on the Canadian press)

Ekaterina S. Simonenko

Primorsky State Agricultural Academy,
Ussuriysk, Russian Federation, eka-1982.82@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to the study of the system of measures taken by the Canadian government to stimulate military recruitment into the ranks of Canadian volunteers at the height of the First World War. It investigates the main and additional measures to activate the recruitment to the Canadian Expeditionary Force in the midst of the army recruitment crisis in 1915—1916, including at the legislative level. It lists and discloses the mechanism for applying measures of a social, economic, organizational nature. The most important of them were: an increase in the size of the monetary allowance of volunteers and a one-time remuneration upon entering the service; the preservation of their jobs and part of the pre-war salary; creation of a network of local recruitment centers “near the house” and private military units; propaganda of military ideas and the prohibition of anti-war speeches; centralization of the mobilization process management system. It singles out the factors that slow down the set. Among them are noted: the influence of the ideas of pacifism, the ineffective activities of the federal authorities, the opposition of French-Canadian nationalists, the low degree of imperial loyalty of the population. The author comes to the conclusion that the measures taken by the Canadian government only partially made it possible to overcome the crisis in the recruitment of the army. They delayed, but did not prevent the introduction of compulsory military service (conscription) in the North American dominion.

Keywords: Canadian history, World War I, Canadian government, Canadian volunteers, military recruitment crisis

For citation: Simonenko E.S. Government measures to stimulate military recruitment in Canada at the height of the First World War: (Based on the Canadian press), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 2, pp. 115—121.

К началу 1915 г. правительство североамериканского доминиона не меньше империалистически настроенных кругов канадского общества было обеспокоено спадом патриотических настроений среди населения и, как следствие, сокращением количества добровольцев, изъявляющих желание поступить на военную службу. Для стимулирования набора правительство вынуждено было предпринять ряд мер различного характера. Во-первых, были снижены медицинские требования в отношении поступающих на службу добровольцев. Так, в январе 1915 г. были смягчены правила, касавшиеся состояния зубов «призывников», в июле того же года были понижены стандарты по общему физическому состоянию и здоровью. В августе отменили правило, согласно которому для поступления на службу нужно было в обязательном порядке получить согласие членов семьи [Blairmore Enterprise: 20 Aug. 1915]. В декабре были сняты жесткие ограничения по зрению, по которым раньше отсеивалось значительное количество добровольцев. Во-вторых, для того чтобы привлечь в армию рабочих и служащих различных предприятий и ведомств, провинциальные правительства стали публиковать списки организаций, которые брали на себя обязательство сохранить рабочие места всех тех, кто отправился на фронт. В-третьих, канадское правительство рекомендовало персоналу местных вербовочных пунктов брать на службу всех

желающих, даже при невозможности снабдить их военным обмундированием, снаряжением и вооружением. Ранее из-за дефицита военного имущества многим желающим отказывали в поступлении на службу. Наконец, правительство заключило соглашения с ведущими университетами Канады о проведении набора в армию среди студенчества и формировании специальных университетских рот [The Alderson News: 26 Aug. 1915]. Профессора крупнейших учебных заведений стали регулярно выступать перед публикой с речами, в которых разъясняли причины зарождения войны и ее значение для всего цивилизованного мира [War Measures...: 424—425]. В результате к концу 1915 г. на службу поступило 5 тыс. добровольцев из числа студентов и выпускников высших учебных заведений доминиона, а также их друзей [Blairmore Enterprise: 16 July 1915; Claresholm Advertiser: 2 March 1916]. Вместе с ними в университетские роты вступали другие образованные представители канадского общества, разделявшие сходные взгляды и имевшие похожие интересы: банковские клерки, адвокаты, архитекторы, инженеры [Crossfield Chronicle: 3 Sept. 1915; Didsbury Pioneer: 12 July 1916].

Осенью 1915 г. правительственные меры, направленные на стимулирование армейского набора, были упорядочены, и в октябре — декабре были повсеместно обнародованы новые правила привлечения добровольцев на военную службу. Для поднятия престижа военной профессии планировалось увеличить размер денежного довольствия добровольцев, а также распределять родственников и друзей в одни и те же воинские подразделения. Офицеры милиции, до сих пор не поступившие на службу в канадские экспедиционные войска, могли отправить офицеру, командующему военным округом, к которому они были приписаны, краткую анкету. В ней они должны были указать свое полное имя, ранг, почтовый адрес и ответить на вопрос: готовы ли они поступить на службу зимой 1915—1916 гг. и отправиться за границу [Chinook Advance: 18 Nov. 1915].

Министр милиции С. Хьюз предложил не ограничиваться вербовкой солдат в крупных пунктах набора, расположенных в больших городах, а создать сеть вербовочных точек в небольших населенных пунктах и сельской местности. С. Хьюз заявил, что такие локальные пункты набора будут открываться везде, где наберется хотя бы двадцать — двадцать пять человек, изъявивших желание поступить на службу [The Alderson News: 28 Oct. 1915; Crossfield Chronicle: 3 Dec. 1915]. Там добровольцы могли бы жить и проходить военное обучение предстоявшей зимой. Для этой цели их сразу же после вербовки распределяли по специально созданным местным воинским отрядам [The Alderson News: 18 Nov. 1915; Crossfield Chronicle: 3 Dec. 1915]. При этом обучение новобранцев на месте должны были осуществлять офицеры милиции, находившиеся в запасе [Chinook Advance: 25 Nov. 1915]. С. Хьюз полагал, что такая система позволит будущим солдатам легче адаптироваться к условиям военной службы, так как они на время обучения могли не уезжать из родного города (села, деревни) и регулярно видеться с родственниками.

В августе 1915 г. департамент милиции «пожертвовал» монополией на создание канадских воинских подразделений и разрешил частным лицам или их группам подавать заявки о создании батальонов. В Эдмонтоне было заявлено о создании трех таких батальонов, в Виннипеге — шести, в Торонто — десяти. Так как желавших поступать на службу было все меньше и меньше, им ничего не оставалось как «переманивать» друг у друга рекрутов. Батальоны формировались исходя из общности интересов потенциальных добровольцев. Так, например, создавались батальоны «оранжистов», «спортсменов»,

«друзей», «американцев», «трезвенников», «карликов» и т. д. «Трезвенники» либо вообще не употребляли спиртные напитки, либо перед отъездом на фронт давали своим матерям и женам зарок не пить виски и пиво. В батальоны «карликов» шли лица, которые не могли пройти медицинское освидетельствование в обычные военные подразделения из-за низкого роста (ниже 5 футов и 2 дюймов). Полные энтузиазма полковники и добродушные доктора в процессе вербовки нередко игнорировали такие важные для поступления на службу условия, как слишком юный или чрезмерно пожилой возраст добровольцев, а также их состояние здоровья. Как отметил канадский историк Д. Мортон, позднее такие рекруты настойчиво требовали от государства пенсии и всевозможные компенсации [Morton: 136].

Все вышеперечисленные меры не принесли долгосрочных результатов, хотя некоторые из намеченных мероприятий увенчались успехом лишь отчасти. Во многих спортивных организациях стал наблюдаться отток членского состава. Футбольные и хоккейные команды потеряли примерно 50 % состава игроков, которые поступили на службу и уехали на фронт. Вслед за профессиональными игроками на призывные пункты отправились члены канадских любительских ассоциаций хоккея и футбола. Хоккейная ассоциация Онтарио отправила на фронт 900 чел., Ассоциация лакросса Онтарио — 700 чел., что составляло почти половину всех членов. Канадская команда лесничих из Виннипега отправила в метрополию 3 тыс. чел., канадское общество масонов — 10 тыс. чел. [CAR 1915: 227—228]. К концу 1915 г. общее количество добровольцев, обратившихся на призывные пункты с начала года, составило 114 тыс. чел. [Там же: 187].

2 сентября 1916 г. Тайный совет одобрил закон, в котором вводились дополнительные меры для активизации набора в армию. Например, на территории доминиона разрешалось проводить массовые публичные собрания, на которых «империалисты» и «милитаристы» могли открыто вести военную пропаганду и агитацию. Более того, в законе предусматривались штрафные санкции для тех, кто прерывал ораторов или вмешивался в ход собрания; произносил антивоенные речи и выкрикивал откровенно пацифистские лозунги; отговаривал добровольцев от поступления на службу; чинил препятствия офицерам, вербовавшим добровольцев на службу. В законе также устанавливались денежные вознаграждения для каждого поступившего на службу добровольца. По 1 тыс. долл. получали добровольцы, поступившие на службу в заграничные пехотные батальоны, в два раза меньше те, кто шел в инженерные, медицинские, артиллерийские корпуса и драгуны [Copies of Proclamations...: 2324—2325].

Военные заводы стали массово принимать на работу женщин, чтобы содействовать военному набору [Chinook Advance: 2 Nov. 1916]. Имперская нефтяная кампания в Канаде объявила о том, что будет продолжать частично выплачивать жалование до конца войны тем работникам, которые поступят на службу в канадские экспедиционные войска. Женатым мужчинам полагалась половина заработка, холостым — только четверть. В случае их смерти аналогичные выплаты продолжали в течение полугода получать их семьи (жена, дети или родители). Руководство компании также обещало сохранить за работниками, ушедшими на фронт и оставшимися в живых, их рабочие места, куда они могли возвратиться после войны [Chinook Advance: 21 Oct. 1915]. Сержанты, проводившие вербовку добровольцев, предупреждали, что, если в ближайшее время не будет набрано необходимое количество новобранцев, в Канаде будет введена всеобщая воинская повинность.

Для централизации работы между военными и гражданскими учреждениями 22 сентября 1916 г. был создан пост начальника управления по вербовке добровольцев. Ему должны были подчиняться директора, назначаемые в каждом военном округе. Они должны были контролировать процесс рекрутирования в своем округе, в том числе координировать работу вербовочных пунктов, разъезжать по территории округа, знакомясь со спецификой промышленного, сельскохозяйственного, рыболовного и др. производства в разных районах. Они также должны были исследовать сферы занятости потенциальных рекрутов и сообщать начальнику о желательности или нежелательности их вербовки [Canada in...: 82].

Канадские власти планировали в течение 1916 г. набрать на службу более четверти миллиона человек, однако это оказалось, следуя фразеологии либерального лидера У. Лорье, «трудным делом» [Recruiting, Manufacturing...: 316]. Все мероприятия стимулирующего характера, инициированные и проводимые правительством и департаментом милиции в течение года, произвели временный эффект. По статистике в первое полугодие 1916 г. было набрано 120 тыс. чел., и лишь 40 тыс. чел. удалось привлечь в армию во второй половине года. Результаты статистических наблюдений свидетельствовали, что к началу июня 1916 г. квота по набору была выполнена только в Альберте, Британской Колумбии, Саскачеване, Манитобе, на крайнем западе Онтарио. Напротив, в тех районах, на которые правительство возлагало особые надежды (западном Онтарио, Торонто, восточном Онтарио, морских провинциях и Квебеке) наблюдался значительный спад активности, в результате чего цифры набора оказались очень низкими. К концу года наблюдалась значительная миграция годных к военной службе канадцев в США, в том числе франко-канадского происхождения. Среди добровольно поступивших на службу канадцев преобладали выходцы из Соединенного Королевства и британских островов, франко-канадцев и жителей Канады иностранного происхождения было значительно меньше. По критерию профессиональной принадлежности среди новобранцев оказались преимущественно люди, занятые тяжелым физическим трудом и клерки. В меньшей степени в канадских экспедиционных силах были представлены квалифицированные рабочие, фермеры и наемные работники, бизнесмены и студенты [Canada in...: 41].

Трудности набора в 1916 г., особенно во второй его половине, объяснялись различными факторами. Так, в ноябре 1916 г. на страницах «Христиан Гардиан» появилась статья известного журналиста Д. Хьюза, который предложил свою трактовку кризиса комплектования канадской добровольческой армии. Он полагал, что Канада участвует не в «своей» войне, и что канадцы должны сопротивляться вторжению на территорию собственной страны, а не сражаться в Европе за имперские идеалы. Подавляющее большинство жителей доминиона были пацифистами, и они отказывались идти в армию, опасаясь придать дополнительный стимул развитию милитаризма. Наконец, по мнению журналиста, канадские матери слишком сильно любили своих сыновей, чтобы рисковать их жизнями, а жены и невесты, руководствуясь теми же самыми чувствами, легко могли отговорить молодых людей от службы в армии [CAR 1916: 311].

Либеральная оппозиция обвиняла в кризисе комплектования войск федеральные власти, которые, по ее мнению, должны были действовать более активно и эффективно. Ее лидер У. Лорье, бывший выходцем из французской Канады, объяснял недостатки рекрутирования в Квебеке малочисленностью городских центров, а также антиправительственной позицией франко-канадских националистов. Он проводил параллель между спадом набора и тем незначительным количеством жителей британского происхождения,

патриотов и авантюристов, которые остались в доминионе после отправки первых контингентов в Европу.

Умеренно настроенные круги канадского общества полагали, что основными причинами отказа идти в армию были не трусость и малодушие, а банальное равнодушие и отсутствие имперской ответственности. Именно поэтому тысячи годных для службы молодых людей продолжали посещать бейсбол, футбольные и хоккейные матчи, театры и другие увеселительные места [Crossfield Chronicle: 13 Aug. 1915]. По свидетельству самих потенциальных призывников, их также смущали истории о плохом обращении властей с возвратившимися с фронта солдатами, об ужасных условиях транспортировки отрядов из Канады на материк и обратно. Негативное влияние на психологическое состояние жителей Канады призывного возраста оказывала информация, поступающая с фронта. Газеты каждый день печатали длинные списки погибших на поле боя солдат и офицеров, раненых и пропавших без вести [Canada and...: 65]. Немногие из тех, кто оставался дома, хотели разделить их участь. Некоторые аналитики видели еще одну, правда, косвенную причину спада набора, а именно нейтральную позицию ближайшего соседа — США, который оказывал на доминион и его население значительное влияние.

Среди новобранцев был выше процент городских, а не сельских жителей, что объяснялось безработицей, которая была традиционным явлением в больших и малых городах. Более того, на многих работах в городах мужчин легко могли заменить женщины. В сельских районах, наоборот, существовал постоянный дефицит рабочих рук, и уход в армию фермерского сына или наемного работника мог существенно затруднить сельскохозяйственное производство. Тем не менее среди городского населения не наблюдалось того энтузиазма, на который рассчитывал департамент милиции и правительство. В городах наметилась тенденция постепенного роста оппозиции мелких предпринимателей, которые отказывались отпускать своих работников из-за угрозы сокращения производительности. Кроме того, свыше 300 тыс. мужчин призывного возраста, работавших в сфере военного производства и являвшихся потенциальными добровольцами, не спешили покидать свои рабочие места. Они получали высокую заработную плату и имели официальное освобождение от службы [Hopkins: 79]. «Торонто Сэтэдэй Найт» подытожила мнение большинства производителей и рабочих, полагавших, что доминион мог наилучшим образом помочь британской армии, отправив 100 или 200 тыс. рекрутов на выращивание пшеницы, производство вооружения, седел, вагонов, обуви [CAR 1916: 309]. Между тем британская пресса считала, что у доминиона в текущей войне была возможность выполнить «двойной долг»: отправить в Англию как можно больше солдат и бушелей пшеницы [Blairmore Enterprise: 8 Jan. 1915]. Ту же самую мысль высказывал еще весной 1915 г. министр сельского хозяйства доминиона М. Баррелл. В предисловии к «Военной книге», выпущенной его министерством, он заявлял, что страна должна не только отправлять в Европу солдат и военное снаряжение, но и увеличивать производство сельскохозяйственной продукции для метрополии и союзников [Blairmore Enterprise: 12 March 1915].

Таким образом, уже к середине 1916 г. стало ясно, что предпринятые канадским правительством меры лишь частично позволили преодолеть кризис комплектования армии и временно сохранить добровольную систему набора. Они отсрочили, но и не предотвратили введение в североамериканском доминионе обязательной воинской повинности (конскрипции).

Список источников

- A Patriotic Policy, *Chinook Advance*, 1915, 21 October, p. 1.
 Billeting System Aids Recruiting, *Chinook Advance*, 1915, 25 November, p. 7.
 Call for Patriotism, *Crossfield Chronicle*, 1915, 13 August, p. 2.
 Canada in the Great World War. An Authentic Account of the Military History of Canada from the Earliest Day to the Close of the War of the Nations. Toronto: United Publishers of Canada, 1918. Vol. 2. 374 p.
 Copies of Proclamations, Orders in Council, and Documents Relating to the European War, Comp. by the Department of the Secretary of State of Canada, Fourth Supplement, Ottawa: Government Printing Bureau, 1917, pp. 1952—2439.
 Hint to Canadians, Britain Will Need Wheat Next Year as Well as Volunteers, *Blairmore Enterprise*, 1915, 8 January, p. 2.
 New Recruiting Plan, *Crossfield Chronicle*, 1915, 3 December, p. 4.
 New Recruiting Plan, *The Alderson News*, 1915, 18 November, p. 2.
 Officers of the Active Militia of Canada, *Chinook Advance*, 1915, 18 November, p. 1.
 Ottawa Adopts Stern New War Measures, *Blairmore Enterprise*, 1915, 20 August, p. 1.
 Patriotism Means More Production, *Blairmore Enterprise*, 1915, 12 March, p. 3.
 Recruiting for the Western University Battalion, *Clareholm Advertiser*, 1916, 2 March, p. 1.
 Recruiting, Manufacturing and Production. Canada, *The Round Table. A Quarterly Review of the Politics of the British Empire*, March 1916, vol. 6, № 22, pp. 315—319.
 Recruits Wanted, *Crossfield Chronicle*, 1915, 3 September, p. 4.
 Recruits Wanted, *The Alderson News*, 1915, 26 August, p. 3.
 Second University Company, *Blairmore Enterprise*, 1915, 16 July, p. 2.
 Soldiers Pensions, *Didsbury Pioneer*, 1916, 12 July, p. 7.
 The Canadian Annual Review. War Series 1915 (CAR 1915), ed. by J.C. Hopkins, vol. 15, Toronto: Canadian Annual Review Limited, 1918, 880 p.
 The Canadian Annual Review. War Series 1916 (CAR 1916), ed. by J.C. Hopkins, vol. 16, Toronto: Canadian Annual Review Limited, 1918, 929 p.
 To Raise Recruits, *The Alderson News*, 1915, 28 October, p. 7.
 War Measures and Politics. Canada, *The Round Table. A Quarterly Review of the Politics of the British Empire*, March 1915, vol. 5, № 18, pp. 422—433.
 Women Munition Workers, *Chinook Advance*, 1916, 2 November, p. 5.

Список литературы / References

- Hopkins J.C. Canada at War: A Record of Heroism and Achievement, 1914—1918, Toronto: Canadian Annual Review, 1919, 448 p.
 Morton D. A Military History of Canada, Edmonton: Hurtig, 1990, 311 p, [48] p.
 Canada and the First World War: Essays in Honor of R.C. Brown, ed. by D. Mackenzie, Toronto: University of Toronto Press, 2005, 452 p.

Статья поступила в редакцию 30.12.2022; одобрена после рецензирования 20.01.2023; принята к публикации 13.02.2023.

The article was submitted 30.12.2022; approved after reviewing 20.01.2023; accepted for publication 13.02.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Симоненко Екатерина Сергеевна — кандидат исторических наук, доцент межфакультетской кафедры естественно-научных и социально-гуманитарных дисциплин, Приморская сельскохозяйственная академия, г. Уссурийск, Россия, eka-1982.82@mail.ru

Simonenko Ekaterina Sergeevna — Candidate of Science (History), Associate Professor of Inter-Institutional Department of Natural Sciences and Social and Humanitarian Disciplines, Primorsky State Agricultural Academy, Ussuriysk, Russian Federation, eka-1982.82@mail.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2. С. 122—131.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 2. P. 122—131.

Научная статья

УДК 94(73).092.8

DOI: 10.46726/И.2023.2.13

ФАКТОР США В СОХРАНЕНИИ УСТОЙЧИВОСТИ РЕЖИМА С. ХУСЕЙНА ПОСЛЕ ВОЙНЫ В ПЕРСИДСКОМ ЗАЛИВЕ (1990—1991 гг.)

Дмитрий Николаевич Христенко

Ярославский государственный медицинский университет,
г. Ярославль, Россия, khristenko1983@mail.ru

Аннотация. Одним из главных событий конца эпохи биполярных отношений и попытки перехода Вашингтона к однополярному миру стала война в Персидском заливе (1990—1991 гг.). В ходе ее США сумели разгромить иракскую армию и освободить захваченный ранее режимом С. Хусейна Кувейт. Однако, невзирая на поражение, харизматичный иракский лидер сумел удержаться у власти. В статье анализируются причины, по которым Вашингтон принял решение не вести войну до полной победы и не вводить свои войска в Ирак, несмотря на ощущение «неполной победы», которое возникло вследствие этого в американском обществе. Автором выделяются две главные группы причин: внутривполитические и внешнеполитические, которые рассматриваются через факторы сложного социально-экономического положения в США, острую межведомственную борьбу в администрации Дж. Буша-старшего и стремления Белого дома избежать разногласий с арабским миром и не сорвать американо-советское сближение. В заключение делается вывод о том, что реальной заинтересованности Вашингтона в падении режима С. Хусейна не было. Война в Персидском заливе выступала лишь частью глобальной трансформации биполярной системы международных отношений и реформатирования ситуации на Ближнем Востоке, что привело к тому, что США, несмотря на публичную риторику, оказались в действительности заинтересованы в сохранении режима С. Хусейна у власти.

Ключевые слова: война в Персидском заливе, сохранение режима, Ирак, Дж. Буш-старший, социально-экономическое положение, внешняя политика

Для цитирования: Христенко Д.Н. Фактор США в сохранении устойчивости режима С. Хусейна после войны в Персидском Заливе (1990—1991 гг.) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2. С. 122—131.

Original article

THE US FACTOR IN PRESERVING S. HUSSEIN'S REGIME STABILITY AFTER THE GULF WAR (1990—1991)

Dmitrii N. Khristenko

Yaroslavl State Medical University, Yaroslavl, Russian Federation,
khristenko1983@mail.ru

Abstract. One of the main events at the end of the era of bipolar relations and Washington's attempt to move to a unipolar world was the war in the Persian Gulf (1990—1991). In its course, the United States managed to defeat the Iraqi army and liberate Kuwait, previously captured by the regime of S. Hussein. However, despite the defeat, the charismatic Iraqi leader managed to stay in power. The article analyzes the reasons why Washington decided not to wage war until complete victory and not to send its troops to Iraq, despite the feeling of “incomplete victory” that arose as a result of this in American society. The author singles out two main groups of political reasons: domestic and foreign, which, in turn, are considered through the factors of the difficult socio-economic situation in the United States, the acute interdepartmental struggle in the administration of George W. Bush Sr., and the White House's desire to avoid disagreements with the Arab world and Soviet rapprochement. In conclusion, it is believed that Washington had no real interest in the fall of the regime of Saddam Hussein. The war in the Persian Gulf was only part of the global transformation of the bipolar system of international relations and the reformatting of the situation in the Middle East, which led to the fact that the United States, despite public rhetoric, was actually interested in keeping Saddam Hussein's regime in power.

Keywords: Persian Gulf War, preservation of the regime, Iraq, George Bush Sr., social and economic situation, foreign policy

For citations: Khristenko D.N. The US factor in preserving S. Hussein's regime stability's after the Gulf War (1990—1991), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 2, pp. 122—131.

Одним из главных событий, определивших завершение биполярной системы международных отношений, стала американская военная операция «Буря в пустыне», явившаяся фазой наиболее активных боевых действий в рамках крупномасштабной войны в Персидском заливе (1990—1991 гг.). Она была проведена с целью изгнать иракские войска из захваченного Кувейта и включала в себя два этапа. Первый продолжался более месяца, начиная с 15 января 1991 г., и состоял в массовых авиационных ударах по Багдаду и иракским вооруженным силам с целью их дезорганизации и дезориентации, в полном соответствии с классической теорией «воздушной войны», разработанной знаменитым итальянским генералом Дуэ [Douhet]. Затем начался второй этап — с 24 февраля американцы и их союзники по коалиции переходят к наземной операции, которая продлилась ровно 100 часов и за этот достаточно короткий срок привела Ирак к сокрушительному поражению. Общее количество погибших иракских солдат превысило 25 тысяч человек, более 60 тысяч оказалось в плену, было уничтожено или захвачено $\frac{3}{4}$ иракских танков, бронетранспортеров, артиллерийских орудий. Потери США были несоизмеримо меньше и составили за все время операции 148 убитыми и 458 ранеными, а потери их союзников — 92 убитых и 328 раненных [Hess: 214]. В своем выступлении к нации вечером 28 февраля Дж. Буш-старший торжественно

объявил о полной победе над Ираком и анонсировал прекращение огня. Война в Персидском заливе завершилась.

Показательно, что в ходе военных действий Вашингтон стремился не только разгромить войска противника, но и физически избавиться от С. Хусейна. Американские военные неоднократно предпринимали попытки уничтожить иракского лидера. По всей видимости, санкция на это была дана лично американским президентом, который отмечал: «Никого из нас не расстроило бы известие о его гибели во время бомбардировок. Однако попасть в часто перемещающегося под усиленной охраной Саддама было бы чрезвычайно сложно... Единственное, что мы могли сделать, — это наносить удары по командным пунктам, где он мог находиться. Таких было несколько, и все они уже были занесены в наш список целей» [Буш, Скоукрофт: 412—413].

Наиболее опасный момент наступил 27 февраля 1991 г., когда бомбардировщики F-111F с помощью специальных тяжелых бомб GBU-28 весом в 5000 фунтов произвели удар по подземному бункеру на базе иракских войск в Эль-Таджи. Бункер был полностью разрушен, но, как оказалось, С. Хусейна в это время там не было [Triumph Without...: 4—6], [Gordon, Trainor: 420—421]. Поскольку физическая ликвидация не удалась, возникла идея унижить С. Хусейна как политического лидера, и в администрации США «подробно обсуждалась идея о том, чтобы заставить Саддама собственной персоной принять условия поражения Ирака» и таким образом признать свою ответственность за разгром иракских войск [Буш, Скоукрофт: 435].

Но существовал большой риск того, что С. Хусейн отверг бы такое условие, вследствие чего перед Белым домом осталось бы всего два выхода: продолжать военные действия до тех пор, пока С. Хусейн не уступит, или отказаться от своих требований. Обе эти альтернативы Вашингтон не устраивали. «Последний вариант предполагал катастрофические последствия, а первый — откалывал от коалиции наших союзников из числа арабских стран и де-факто заставлял нас скорректировать свои задачи. Имея такой неудобоваримый выбор, мы позволили Саддаму избежать личной капитуляции и послать для этого одного из его генералов», — вспоминал позднее Дж. Буш-старший [Там же: 435]. В результате официальное прекращение боевых действий произошло 3 марта 1991 г., когда на занятой американскими частями иракской авиабазе Сафван главнокомандующий войсками коалиции генерал Норман Шварцкопф и его саудовский сокомандующий генерал-лейтенант Халед ибн-Султан со стороны многонациональных сил и генералы Султан Хашим Ахмад и Салах Абуд Махмуд со стороны Ирака подписали перемирие, ознаменовавшее собой окончание операции «Буря в пустыне» [Белоногов: 353].

Таким образом, попытки США как физически уничтожить Хусейна, так и подорвать его политический авторитет полностью провалились. Этот факт оставил в Белом доме неприятное впечатление упущенной победы. Дж. Буш признавался: «Концовка чистой не получилась: капитуляции на борту линкора “Миссури” не вышло. Вот чего не хватает, чтобы поставить это событие в один ряд со Второй мировой войной, чтобы отделить Кувейт от Кореи и Вьетнама» [Буш, Скоукрофт: 433].

Такое же чувство широко распространилось и в американском обществе, когда прошла первая эйфория после окончания боевых действий. К середине апреля 1991 г. 55 % американцев полагали, что сохранение С. Хусейном власти свидетельствует, что война не привела к победе. Большинство респондентов — 57 % утверждали, что перемирие было подписано

слишком рано, и война должна была продолжаться до свержения иракского президента. К лету 1991 г. уже 67 % американцев считали, что война окончилась «неполной победой», а 57 % респондентов заявили, что они «разочарованы» политикой Буша, позволившей С. Хусейну остаться во главе Ирака [Hess: 218]. Не менее резко реагировало и экспертное сообщество. Молниеносную операцию в Заливе называли «военным успехом, но политической неудачей» [Hilsman], характеризовали как «пустую победу» [Record], критиковали ее итоги и результаты войны [Sciolino].

В этой связи встает закономерный вопрос — почему же Вашингтон не пошел на то, чтобы перенести боевые действия за границы Кувейта, начать вторжение на территорию Ирака и силовым способом сместить С. Хусейна, который вызывал в Вашингтоне острую неприязнь. Казалось бы, все предпосылки и условия для этого существовали. Иракская армия была разгромлена, инфраструктура страны после интенсивных бомбардировок значительно разрушена, на севере вспыхнули восстания курдов, а на юге, в районе Басры, бунтовали шииты. И даже на лояльность собственных официальных вооруженных сил Багдад в это время не мог положиться. Как свидетельствуют факты, в конце февраля иракская армия была готова повернуть оружие против Саддама, не хватало лишь лидера, способного бросить вызов С. Хусейну. Захваченный американцами в плен иракский командир батальона признавался: «Если бы мой командир дивизии приказал мне повернуть оружие против Саддама Хусейна, я сделал бы это. Но кто был бы тем офицером, который дал бы подобный приказ? Я сам никогда не отдам такой приказ, но я последую за человеком, который сделает это» [Woods: 247].

Таким образом, выживаемость режима С. Хусейна во-многом была обусловлена решением Вашингтона не вести войну до полной победы и не входить в Ирак. Представляется, что можно выделить две группы причин: внутривнутриполитические и внешнеполитические. В свою очередь внутривнутриполитические причины подразделяются на: 1) сложное социально-экономическое положение в США; 2) межведомственную борьбу.

Сложное социально-экономическое положение в США

Целый ряд экспертов выступал с критикой военных действий в Персидском заливе как таковых, не говоря уже о расширении боевых действий на территорию Ирака. Они подчеркивали, что социально-экономическое положение США оставляет желать лучшего и основной приоритет действий администрации должен быть внутри страны, а не за ее пределами. Так, с критикой экспансионистской политики администрации Дж. Буша-старшего со страниц еженедельной газеты «Виллидж Войс», выразившей мнение прогрессивных кругов Нью-Йорка, выступил главный редактор издания Р. Масса. Он отмечал, что пока Вашингтон отправляет войска сражаться за тысячи километров от дома, в США разразилась настоящая катастрофа в здравоохранении, связанная с эпидемией СПИДа. Масса был возмущен не только тем, что на войну пошли финансовые ресурсы, которые можно было бы потратить на противодействие распространению заболевания, но и тем, что огромные медицинские мощности, включая медицинские койки и врачебный персонал, были переброшены из Нью-Йорка на Ближний Восток. В результате, утверждал автор, количество скончавшихся от СПИДа уже не только многократно выше числа погибших в войне с Ираком, но и может

в самое ближайшее время в два раза превысит количество погибших во Вьетнаме. Однако, с горечью констатировал он, эта «тихая, незаметная война в больницах» никак не может привлечь к себе внимание, пока продолжается вооруженный конфликт в Персидском заливе [Massa: 324—325].

Схожие позиции занимали и другие либеральные критики Дж. Буша, утверждавшие, что военные успехи меркнут перед сложнейшими социально-экономическими проблемами в США. Они отмечали, что у «американцев короткая память на короткие войны» и доказывали, что, когда пройдут восторги от победы, и жители страны оглянутся вокруг, они увидят растущую безработицу, экономический спад, отсутствие доступного жилья, хронические проблемы в образовании, увеличивающуюся преступность. Все это развеет эйфорию от победы. «В результате успехи на фронтах в Персидском заливе не обеспечат американскому президенту политических очков и не помогут его переизбранию» [Wiener: 78].

И даже в лагере консерваторов обнаружили противники Дж. Буша-старшего, считавшие, что США нужно вернуться к давней традиции изоляционизма и заниматься в первую очередь внутренними проблемами. Известный республиканский политик Патрик Бьюкенен, выступая на митинге в штате Нью-Хемпшир 10 декабря 1991 г., заявил: «Дж. Буш доблестно сражался в величайшей из войн Америки. Он — человек чести, мужественный и благородный, отдавший полжизни служению стране. Но расхождения между нами слишком глубоки. <...> Он глобалист, тогда как мы — националисты. Он верит в возможность установления Pax Universalis, мы же верим в старую республику. Он готов растратить материальное и духовное богатство Америки за сражения за некий новый мировой порядок, для нас Америка стояла и будет стоять на первом месте» [Христенко: 71].

Американский президент, который в следующем 1992 г. должен был участвовать в выборах на второй срок, безусловно, не мог игнорировать эти во многом справедливые замечания. Он понимал, что чрезмерные усилия на международной арене, сопровождавшиеся в случае расширения боевых действий на территорию Ирака дополнительными финансовыми расходами, новыми потерями жизней американских солдат, будут использованы его политическими противниками, и чувствовал необходимость вернуться к решению социально-экономических вопросов внутри США.

Межведомственная борьба

Уже в период проведения военной операции «Буря в пустыне» внутри Белого дома развернулась ожесточенная межведомственная война, главными участниками которой были Госдепартамент, Совет национальной безопасности и Министерство обороны США. На поверхность ее отголоски просочились спустя всего две недели после начала «Бури в пустыне», по итогам двусторонней встречи главы внешнеполитического ведомства СССР А. Бессмертных с госсекретарем Дж. Бейкером 28 января 1991 г. В ее ходе стороны согласовали совместное компромиссное заявление [Baker: 392].

По признанию самого госсекретаря, в Вашингтоне оно произвело «фуорор» в негативном смысле этого слова [Там же: 394]. Помимо крайнего раздражения Дж. Буша-старшего, возмущенного тем, что заявление последовало без предварительного согласования с ним, резко против договоренности с СССР выступил советник президента по национальной безопасности Brent

Скоукрофт. Он считал недопустимым увязывание остановки боевых действий с общим процессом ближневосточного урегулирования и требовал вывода иракских войск из Кувейта без каких-либо предварительных условий. В результате заявление Бейкера было фактически отозвано, а госсекретарю пришлось принести Дж. Бушу официальные извинения за свои действия. Эксперты отмечали, что конфликт 29 января 1991 г. стал первым публичным проявлением межведомственной борьбы в администрации Дж. Буша по вопросу войны в Персидском заливе и наглядным свидетельством того, что в Белом доме «нет плана» и в администрации заправляют не стратеги, а тактики [Walker: 169—170].

Таким образом, госдепартамент в лице госсекретаря Бейкера уже в конце января 1991 г. был готов пойти на прекращение боевых действий против Ирака, о чем и было заявлено в совместном коммюнике Бессмертных — Бейкера. Промежуточную позицию занимало Министерство обороны, часть сотрудников которого, таких как К. Пауэлл и Н. Шварцкопф, поддерживая воздушную фазу операции, на состоявшемся 23 февраля 1991 г. совещании СНБ выступила против проведения наземной военной операции. Так, К. Пауэлл, который в это время занимал должность начальника ОКНШ, доказывал американскому президенту, что необходимо ограничиться военно-воздушными ударами и избежать прямого столкновения, чтобы минимизировать возможные потери [Буш, Скоукрофт: 425]. Схожей позиции придерживался и генерал Н. Шварцкопф — командующий армией США в Персидском заливе. Он полагал, что, если Ирак согласится на вывод своих войск в течение недели из Кувейта, это будет наилучший выход для США. При этом ключевое значение имеет именно срок вывода — неделя — поскольку за это время С. Хусейн сможет вывести из Кувейта своих солдат, но не успеет отвести тяжелое вооружение и боеприпасы, которые будут захвачены армией США и полностью уничтожены. Таким образом военная мощь Багдада будет значительно подорвана, и он лишится возможности угрожать соседним государствам. Все это, по мысли Н. Шварцкопфа, будет достигнуто без необходимости терять в наземных боях жизни американских солдат [Schwarzkopf: 445]. Тем не менее Дж. Буш поддержал точку зрения своего советника по национальной безопасности Б. Скоукрофта о необходимости наземной военной операции. Был взят курс на максимальное жесткое силовое решение конфликта в Персидском заливе.

Существовали разногласия и по другим вопросам. Так, в отличие от руководства СНБ и самого президента Дж. Буша, стремившихся осуществить политическое устранение, а по возможности даже физическое уничтожение С. Хусейна, председатель ОКНШ занимал гораздо более умеренную позицию. Колин Пауэлл подчеркивал: «Наивно, однако, думать, что, если бы Саддам был смещен, его непременно сменил кто-нибудь вроде Джефферсона с каким-либо вариантом демократии в пустыне, при которой люди читали бы наряду с Кораном “Записки Федералиста”. Возможно, он превратился бы в такого же Саддама, но уже с другим именем» [Powell: 527].

Наконец, даже условия перемирия, заключенного с Ираком, во многом определялись внутриведомственными противоречиями. Как признавался позднее Дж. Буш, одно из положений оказалось наиболее спорным: «Речь идет о решении позволить Саддаму пользоваться вертолетами. Иракцы настаивали на том, что вертолеты нужны как единственное средство сообщения с различными частями разрушенной войной страны. У Шварцкопфа

не было инструкций на этот счет, и он такое разрешение предоставил. Саддам почти незамедлительно начал использовать боевые вертолеты для подавления восстаний. Скоукрофт обсуждал этот вопрос с Чейни, предложив отменить разрешение на использование вертолетов. По мнению Чейни и Пауэлла, это подрывало бы авторитет Шварцкопфа, да и без вертолетов Саддам мог бы добиться того же самого с помощью артиллерии — правда, с большими усилиями. Скоукрофт не настаивал, и эта проблема не ставилась перед президентом. В высоты сегодняшнего дня видно, что авторитет Шварцкопфа не пострадал бы, так как вертолеты использовались в военных целях, а не для связи, а иракцам было бы полезно дать по рукам при первом же нарушении» [Буш, Скоукрофт: 435].

Нельзя забывать и о позиции американского Конгресса, в котором было достаточно много противников начала боевых действий даже за освобождение Кувейта. Особо показательны в этом плане дебаты, которые прошли 10—12 января 1991 г. в Сенате США по вопросу о санкционировании военных действий на Ближнем Востоке. Ряд сенаторов открыто занимал изоляционистские позиции. Так, известный демократ Патрик Мойнихэн заявил, что ирако-кувейтский конфликт является примером ситуации, при которой «одна маленькая мерзкая страна (Ирак) вторглась в еще меньшую, но такую же мерзкую страну» [Senator Moynihan...: 286]. Другие сенаторы резко критиковали союзников по коалиции, которые, по их мнению, в решающий час собираются остаться в стороне. Председатель верхней палаты Конгресса Р. Берд обрушился с критикой на Японию и Германию, заявив, что хотя они гораздо больше зависят от ближневосточной нефти, эти государства не только не готовы принимать участие в боевых действиях, но даже отказываются помочь США финансами в покрытии расходов. «Я с трудом нахожу слова, чтобы выразить свои чувства... Это чудовищная низость и американский народ запомнит ее», — заявил он [Cooper, Higgot: 403].

В результате совместная резолюция Митчелла — Нанна от 12 января 1991 г., требовавшая продолжения использования экономических санкций и дипломатического давления против Ирака, была отвергнута лишь с незначительным перевесом голосов. За ее принятие выступило 46 членов Сената, против — 53 [Crabb, Holt: 159], [Briggs: 165]. Фактически верхняя палата Конгресса разделилась пополам между сторонниками и противниками войны на Ближнем Востоке.

В условиях разобщенных позиций внутри администрации, наличия многочисленных противников военных действий на Капитолийском холме, с точки зрения Белого дома, было бы крайне неразумно после освобождения Кувейта втягиваться в войну уже непосредственно на территории Ирака. Намерение войти в Багдад могло бы вызывать серьезный политический кризис в Вашингтоне. Не учитывать этот факт Дж. Буш не мог, что, по-видимому, дало дополнительные аргументы в пользу того, чтобы завершить военную операцию на границе Кувейта и Ирака, и даже восстания курдов на севере и шиитов на юге не привели к американскому вмешательству.

Внешнеполитические причины

С самого начала войны в Персидском заливе США подчеркивали, что это не односторонняя акция, а действие коалиции сил, где учитываются интересы всех участников. Не случайно даже формальное военное командование объединенной группировкой войск, противостоящих Саддаму, имело

двойное руководство. С одной стороны — американский генерал Норман Шварцкопф, с другой стороны — саудовский генерал-лейтенант Халед ибн-Султан. Причем последнему подчинялись не только арабские войска, но и французский военный контингент [Khalid bin Sultan, Seale]. С этой же целью Вашингтон заручился поддержкой Дамаска — основного антагониста Багдада в регионе из числа арабских государств. По итогам переговоров госсекретаря США с президентом Асадом было достигнуто соглашение об участии страны в многонациональной коалиции сил, что благодаря «репутации Асада как твердого арабского националиста» должно было, с одной стороны, придать коалиции «законный характер в глазах всего арабского мира», а с другой, благодаря тесным связям Сирии с Ираном, — обеспечить нейтралитет Тегерана [Там же: 180].

Таким образом, Вашингтон стремился подчеркнуть ограниченность своих действий, и остановка военных действий на границе с Ираком имела две главных цели. В региональном аспекте нужно было не вызвать разногласий с арабским миром, а в глобальном плане — не сорвать американо-советское сближение, определявшее ситуацию на мировой арене.

Дж. Буш отмечал, что «по мере затухания конфликта мы почувствовали, что арабские страны-участницы коалиции стремятся поскорее поставить на нем точку и вернуться к нормальной жизни. Это означало бы скорейший вывод американских сил и оставление минимального контингента. Ранее эти страны опасались, что стоит только пустить американские войска на Ближний Восток, то мы там останемся навсегда. Пропагандистская машина Садама раздувала эти опасения. Скорый вывод наших войск позволил укрепить наши позиции среди арабских союзников, которые теперь доверяли нам больше, чем когда-либо в прошлом. Мы пришли им на помощь, когда они в ней нуждались, ничего не прося взамен, и ушли, выполнив свою работу» [Буш, Скоукрофт: 435—436].

В сфере глобального американо-советского сближения, происходившего в 1990—1991 гг., сопровождавшего распад биполярной системы международных отношений, для Белого дома также было важно не переступить планку и сохранить отношения с Москвой. В этом с Вашингтоном были согласны многие американские эксперты. Так, профессор политологии Пенсильванского университета А. Рубинштейн утверждал, что отсутствие поддержки со стороны Советского союза негативно бы сказалось на достижении общенационального консенсуса в США и затруднило бы формирование международной коалиции. Кроме того, в отсутствие договоренностей с Москвой, Пентагон не смог бы сосредоточить в регионе Ближнего Востока достаточную для военных действий против Ирака военную группировку, так как более половины всех американских военнослужащих были переброшены из Европы, где они раньше готовились отражать возможное советское вторжение [Rubinstein: 56—57].

Подводя итоги, можно констатировать, что, несмотря на разгром иракских сил в ходе войны в Персидском заливе в 1991 г. и имевшуюся возможность добиться падения режима С. Хусейна, реальной заинтересованности Вашингтона в подобном развитии событий не было. Многочисленные социально-экономические проблемы внутри США, раскол мнений и межведомственная борьба в американском военно-политическом руководстве, стремительно изменяющееся внешнеполитическое положение, в рамках которого война в Персидском заливе выступала лишь частью глобальной трансформации биполярной системы международных отношений и переформатирования

ситуации на Ближнем Востоке, — все это привело к тому, что США, несмотря на публичную риторику, оказались заинтересованы в поддержании режима С. Хусейна у власти. Неслучайно Белый дом фактически проигнорировал жесткие действия Багдада по подавлению восстания шиитов на юге Ирака, в Басре, и курдов на севере весной 1991 г. Администрация США сделала ставку на Realpolitik, который позволил избежать дестабилизации ближневосточного региона и поддержать статус-кво. Особенно хорошо это видно в сравнении с ситуацией 2003 г., когда глубоко ошибочные действия команды Дж. Буша-младшего привели к коллапсу иракского государства, когда образовавшийся вакуум заполнили вооруженные герильи, террористические группы и военно-конфессиональные отряды. В этом отношении политика Вашингтона на Ближнем Востоке в период распада биполярной системы международных отношений заслуживает более высокой оценки, чем на современном этапе.

Список источников

- Буш Дж., Скоукрофт Б. Мир стал другим. М.: Международные отношения, 2004. 504 с.
- Белоногов А.М. МИД. Кремль. Кувейтский кризис. М.: ОЛМА-пресс, 2001. 414 с.
- Baker J. The Politics of Diplomacy: Revolution, War and Peace, 1989—1992, New York: G.P. Putnam's Sons, 1995, 687 p.
- Douhet G. The Command of the Air, Washington D.C.: Air Force History and Museums Program, 1998, 394 p.
- Khalid bin Sultan, Seale P. Desert Warrior: a personal view of the Gulf War by Joint Forces Commander, New York: Harper Collins Publishers, 1995, 492 p.
- Massa R. The Forgotten War, *The Gulf War Reader: History, Documents, Opinions*, New York: Times Books, 1991, pp. 323—325.
- Senator Moynihan Patric Daniel. A Return to Cold War Thinking. Speech of January 10, 1991, *The Gulf War Reader: History, Documents, Opinions*, New York: Times Books, 1991, pp. 284—286.
- Powell C. My American Journey, New York: Random House, 1995, 643 p.
- Schwarzkopf Norman H. It doesn't take a hero: The autobiography, New York: Bantam Books, 1992, 530 p.

Список литературы / References

- Христенко Д.Н. «Движение чаепития» и внешняя политика США при администрации Б. Обамы // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2012. № 2. С. 62—86.
- (Khristenko D.N. The Tea Party and the U.S. Foreign Policy Under the Obama Administration, *Moscow University Journal of World Politics*, 2012, № 2, pp. 62—86. — In Russ.)
- Briggs Philip J. Making American Foreign Policy: President-Congress Re-lations from the Second World War to the Post-Cold War Era, 2nd ed., Maryland: Rowman & Littlefield Publishers, 1994, 254 p.
- Cooper A.F., Higgot R.A., Nossal K.R. Bound to Follow? Leadership and Followership in the Gulf Conflict, *Political Science Quarterly*, vol. 106, no. 3, pp. 391—410.
- Crabb Cecil V., Holt Pat M. Invitation to Struggle: Congress, the President, and Foreign Policy, 4th ed., Washington, D.C.: Congressional Quarterly Press, 1992, 322 p.

- Gordon M. R., Trainor B.E. *The Generals' War*, New York: Back Bay Book, 1995, 551 p.
- Hess Gary R. *Presidential Decisions for War: Korea, Vietnam, the Persian Gulf and Iraq*, 2nd ed., Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2009, 328 p.
- Hilsman R. *George Bush vs. Saddam Hussein: Military Success! Political Failure?*, Novato: Lyford Books, 1992, 273 p.
- Record J. *Hollow Victory: A Contrary View of the Gulf War*, New York, 1993, 186 p.
- Rubinstein A.Z. *New World Order or Hollow Victory*, *Foreign Affairs*, 1991, vol. 70, no. 4, pp. 53—65.
- Sciolino E. *The Outlaw State. Saddam Hussein's Quest for Power and the Gulf Crisis*, New York, 1991, 320 p.
- Triumph Without Victory: the unreported history of the Persian Gulf War*, by the Staff of «U.S. News and World Report», 1st ed., New York: Times Books, 1992, 477 p.
- Walker M. *Dateline Washington: Victory and Delusion*, *Foreign Policy*, 1991, no. 83, pp. 160—172.
- Wiener J. *Domestic political incentives for the Gulf War*, *New left review*, 1991, no. 187, pp. 72—78.
- Woods K.M. *The Mother of All Battles. Saddam Hussein's Strategic Plan for the Persian Gulf War*, Annapolis: Naval Institute Press, 2008, 352 p.

Статья поступила в редакцию 03.04.2023; одобрена после рецензирования 26.04.2023; принята к публикации 03.05.2023.

The article was submitted 03.04.2023, approved after reviewing 26.04.2023, accepted for publication 03.05.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Христенко Дмитрий Николаевич — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и философии, Ярославский государственный медицинский университет, г. Ярославль, Россия, khristenko1983@mail.ru

Khristenko Dmitrii Nikolaevich — Candidate of Sciences (History), Associate Professor of History and Philosophy Department, Yaroslavl State Medical University, Yaroslavl, Russian Federation, khristenko1983@mail.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2. С. 132—138.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 2. P. 132—138.

Научная статья

УДК 271.2(091) (571.1)''16/19''

DOI: 10.46726/И.2023.2.14

РОЛЬ СИБИРСКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБЩИНЫ В ПРАВОСЛАВНОМ ПРИХОДЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Елена Александровна Шушканова

Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика
М.Ф. Решетнева, г. Красноярск, Россия, shushkanovae@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается взаимодействие института сельской общины и прихода Русской православной церкви на материалах Енисейской Сибири. Сибирская община в отличие от общины в европейской России в силу многих факторов сохранила базовые принципы самоуправления и хозяйственной инициативы. Изучение функционирования крестьянского общества в рамках православного прихода представляет большой интерес с позиции оценки ее как своеобразного института гражданского общества в российских условиях. Оценивается институциональный потенциал общины в широком смысле: как самоуправляющейся хозяйственной единицы в границах своей территории и как важного социокультурного и религиозного элемента сибирской деревни. Оценка жизнедеятельности общины и церковного прихода как неразрывного целого позволяет шире понять проблемы российской деревни и природу кардинальной трансформации сельской общины и православного прихода после революции 1917 г. Отмечаемый современниками кризис церковно-приходской жизни Российской империи оказывал разрушающее действие и на крестьянскую общину. При этом сибирская сельская община сохраняла высокий уровень самодеятельности в церковной жизни, который опирался на реально действующий принцип выборности при решении проблем текущей жизни прихода, наличие общественного бюджета на церковные нужды, взаимной ответственности прихожан, солидарности не только в хозяйственной практике, но и в проведении общих праздников.

Ключевые слова: Приенисейская Сибирь, сельская община, церковный приход Русской православной церкви, православные праздники

Для цитирования: Шушканова Е.А. Роль сибирской крестьянской общины в православном приходе Российской империи // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2. С. 132—138.

Original article

THE ROLE OF THE SIBERIAN PEASANT COMMUNITY IN THE ORTHODOX PARISH OF THE RUSSIAN EMPIRE

Elena A. Shushkanova

Reshetnev Siberian State University of Science and Technology,
Krasnoyarsk, Russian Federation, shushkanovae@yandex.ru

Abstract. The interaction of the institute of rural community and the parish of the Russian Orthodox Church is considered on the materials of Yenisei Siberia. The Siberian community, unlike the community in European Russia, has retained the basic principles of self-government and economic initiative due to many factors. The study of the functioning of peasant society within the Orthodox parish is of great interest from the standpoint of assessing it as a kind of institution of civil society in Russian conditions. The institutional potential of the community is assessed in a broad sense: as a self-governing economic unit within the boundaries of its territory and as an important socio-cultural and religious element of the Siberian village. The assessment of the vital activity of the community and the church parish as an inseparable whole makes it possible to better understand the problems of the Russian countryside and the nature of the cardinal transformation of the rural community and the Orthodox parish after the revolution of 1917. The crisis of the parish life of the Russian Empire, noted by contemporaries, had a destructive effect on the peasant community. At the same time, the Siberian rural community maintained a high level of amateur activity in church life, which was based on the real principle of electability in solving the current life of the parish, the availability of a public budget for church needs, mutual responsibility of parishioners, solidarity not only in economic practice, but in holding common holidays.

Keywords: Yenisei Siberia, rural community, church parish of the Russian Orthodox Church, Orthodox holidays

For citation: Shushkanova E.A. The role of the Siberian peasant community in the Orthodox parish of the Russian Empire, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 2, pp. 132—138.

Оценку роли сельской общины в жизни Русской православной церкви можно отнести к малоизученной проблеме. В отечественной историографии преимущественно исследовались вопросы генезиса крестьянской общины и ее общественной значимости с точки зрения экономической, социальной и политической. Хотя в реальной исторической практике российского государства сельский мир был нераздельно связан с православным миром. Изучение этого взаимодействия представляет интерес по нескольким причинам: для понимания границ общинного самоуправления в системе общественных связей (например, вероятности оценки сельского мира как специфического института гражданского общества) [Васев]; с точки зрения истории российского православия; наконец, для понимания природы общественных потрясений начала XX века, которые привели к разрушению как традиционной сельской общины, так и традиционной церковной организации. Изучение связей между церковно-приходской жизнью в самом широком смысле (как духовно-культурного пространства) и институциональным состоянием общины позволяет также дополнить весьма перспективную современную проблему культурных кодов российского общества [Аузан].

Глубокое изучение крестьянской общины славянофилами, в частности их крупнейшим представителем А.С. Хомяковым, еще в XIX в. показало, что она

была не только социально-экономическим институтом: «Я называю общинное товарищественным в его частном приложении к хозяйству; но не должно забывать, что по своей многосторонности и особенно по своей нравственной основе оно несравненно шире и плодотворнее» [Хомяков: 479]. А современный культуролог С.В. Лурье прямо связывала будущее организационное превращение крестьянской общины в колхоз с упадком духовной жизни, с потерей ею своего идеального смысла и статуса самоуправляющегося мира [Лурье].

Особый интерес представляет изучение данной проблемы на материалах сибирского региона, т. к. в отличие от европейской России сибирская община сохраняла свою практическую значимость и самодеятельность вплоть до начала советской коллективизации. Территориальная община изначально сыграла большую роль в процессе освоения территории Сибири и налаживания мирного взаимодействия с коренными народами. При этом немалая часть крестьянского миграционного потока в Сибирь была родом из русского севера, где уровень самодеятельности мира был очень высок. В трудах профессора С.В. Юшкова отмечается, что в виду удаленности новгородских земель от епархиальной и высшей церковной власти там оказался устойчивым древнерусский строй приходской церковной жизни. В частности, историк указывал на такие важные его характеристики, как, во-первых, наличие «земской церкви» (где самоуправление фактически осуществлялось без вмешательства в приходские дела епархиальной власти); во-вторых, особое отношение к церковной собственности, при которой кто строил церковь, тот ею и владел (в силу чего церковь была крупным деревенским владением в большинстве северных приходов вплоть до начала XVIII в.) [Юшков: 18]. Эти черты перенесли с собой новгородские переселенцы в уклад церковно-приходской жизни сибирской деревни. Примечательно, что в отличие от распространенной идеализации средневекового православного уклада Руси, автор обращал внимание и на негативные стороны подобной самоорганизации приходской жизни: «грубое» содержание порядных (договорных) отношений общины и клира, вследствие чего священнослужители были бедны, принижены и малообразованны [Там же: 42—43].

Говоря об особом статусе общинной жизни (а соответственно, и религиозной) в Сибири, следует отметить, что крестьянский мир существовал за Уралом в условиях отсутствия крепостничества, благодаря чему община сохраняла высочайший уровень самодеятельности и хозяйственной инициативы. Это сильно отличало сибирскую деревню от европейской России, где крепостное право обезличило не только сельскую общину, но и церковно-приходскую организацию. По оценке С.В. Лурье, «крепостное право полностью лишило приход всякой автономии», а «помещик смотрел на своего приходского священника как на собственного холопа» [Лурье].

Хронологические рамки данного исследования (2-ая пол. XIX в. — 1917 г.) выделены сообразно тому, что именно во второй половине XIX века после создания Енисейской епархии в Приенисейской Сибири происходило активное строительство сельских храмов и оживление приходской жизни. Целью исследования является рассмотрение взаимодействия сельских обществ с церковным клиром и определение базовых проблем общинно-приходской жизни сибирской деревни. Источниковую базу данной работы составили материалы Томского государственного архива (до открытия енисейской епископии Приенисейский край подчинялся томскому архиерейскому дому) и документы Государственного архива Красноярского края. Архивные документы, впервые

введенные в научный оборот, были опубликованы в монографии автора, посвященной типичному сельскому приходу Красноярского уезда, исследованному в контексте истории Енисейской губернии в целом [Шушканова 2019].

Сама организация сельского прихода и, как следствие, строительство храма инициировались «снизу»: Консистория епархии регистрировала приговор сельского общества, принятый на основе голосования всех домовладений, входящих в будущий приход (3—4 деревни). Общинный сход также определял доверенного из своего круга на строительные дела, получавшего приходно-расходную и сборную (по сбору пожертвований) книги от епархиальных властей. Еще одним важным документом для строительства храма было так называемое «показание», которое заверялось подписями присутствующих на сельском сходе и круглой печатью сельского старосты. В Показании подробно излагались обязанности, которые брало на себя сельское общество по строительству и содержанию будущего храма. Например, по вывозке леса для строительства, определению численности церковного причта (их содержание пропорционально раскладывалось на все домохозяйства), решению жилищной проблемы для церковнослужителей и т. д. [Там же: 12]. Таким образом, крестьянская община выступала прямым соучредителем нового прихода.

Свобода выбора предоставлялась общине даже в определении архитектурного проекта будущей постройки. Для этого существовали альбомы типовых проектов церквей: в 1853 г. Министерством государственных имуществ в Санкт-Петербурге был издан «Атлас проектов церквей сельских построек». Примечательно, что в Сибири долго игнорировали указание властей на предпочтение каменных храмов. И деревянное зодчество (в отличие от европейской России) оставалось актуальным здесь весь XIX век. Дерево являлось более дешевым и доступным материалом, к тому же такая постройка возводилась с широко известным у местных жителей знанием плотницкого мастерства, а потому достаточно быстро. Да и обогреть деревянный храм в длинные морозные сибирские зимы было легче.

Последующая текущая жизнь сельского прихода показывает, что община воспринимала церковную собственность как коллективное владение, которое требовало коллективного обслуживания. Храм было необходимо благоуукрашать, убирать, охранять, ремонтировать. Для этих целей на сельских сходах жители, имеющие право голоса, выбирали ответственных: церковного старосту и других помощников настоятеля (трапезников, караульщиков). Трапезниками называли низший чин служителей при церкви. В их задачи входила уборка храма и мелкий ремонт, изготовление иордани (проруби) на реке накануне праздника Крещения Господня, звон в колокол и прочее. Также выбирали караульщиков, в их функции входил периодический обход храмовой территории ночью с правилом звонить в колокол каждый час.

Главной выборной фигурой от общинников в приходе был церковный староста, статус которого утверждался, в том числе, официальной бумагой из МВД. Хотя самостоятельность приходов в российской империи в XVIII в. упала, церковный староста, тем более в Сибири, оставался фигурой далеко не номинальной. В его функции входил сбор денег в церковную кассу и прием различных сумм, вкладов и приношений; контроль за свечными доходами; приобретение всего необходимого для церкви; наблюдение за состоянием церковного здания и утвари; надзор за дисциплиной и порядком среди прихожан и ряд других забот. Можно сказать, что избранный сельчанами церковный староста занимал центральное место в системе храмопопечения.

Высока была роль сибирской общины в содержании церковного клира, начиная от обеспечения клириков жильем до выделения материальных средств на их содержание. Церковные расходы составляли значительный процент от всех коллективных расходов сельских жителей. В архивных фондах Красноярского окружного по крестьянским делам присутствия сохранились сметы общинных расходов, которые принимались на основе приговоров сельских сходов. Они показывают, что строчки расходов располагались, как правило, в следующей последовательности: на содержание волостного правления, на земские нужды, в частности на содержание гоньбы (дорожные расходы), и далее на содержание приходских храмов [ГАКК: ф. 12, оп. 1, д. 18, л. 246]. При этом можно утверждать, что шел процесс снижения интереса сельских обществ к этой стороне церковного попечения. Например, так и не решенной оставалась жилищная проблема для сельских пастырей. Церковные и гражданские документы пестрят свидетельствами крайней неустроенности священников, жилье которых было ветхим, холодным, ремонтировалось общинниками нерегулярно и неохотно. Благочинные в своих рапортах прямо писали, что безразличие крестьян к жилищным условиям причта превратилось в некую норму [Шушканова 2019: 74]. Эту и другие проблемы можно рассматривать в общем для России контексте упадка приходской жизни к началу XX в. [Белоногова: 134].

Например, одним из важных способов обеспечения жизнедеятельности церковного прихода было выделение общинной земли в пользование церковного клира. Это была не только прихрамовая, но и пахотная, а чаще всего сенокосная земля. Однако выделение общинной земли на клировые нужды являлось не вполне отрегулированной процедурой. Порою церкви отводилась земля далеко не лучшего качества. В ряде отчетов для епархиальных властей сельские священники писали, что земля дохода не приносит из-за дальности надела или из-за неудобства сенокоса. Встречаются документы о тяжбах между священнослужителями и жителями по поводу земли. Например, в 1868 г. в с. Коркино причту Вознесенской церкви землемер отмежевал луга, от коих причт решительно отказался, мотивируя тем, что «эти земли негодны». Конфликт дошел до того, что, когда причт церкви все же воспользовался покосами по своему выбору, коркинцы просто отобрали у него скошенное сено [Шушканова 2019: 31]. Или еще одним способом соучастия общины в жизни прихода было выделение хлеба из урожая (руги) в пользу церковного клира. Исследование практики ружной повинности показывает, что во второй половине XIX в. она уходила в прошлое. Например, документы по Барабановскому приходу Красноярского уезда показали, что в начале XX в. она и вовсе перестала выделяться [Там же: 33].

Доминирующая роль общины в функционировании прихода в немалой степени определялась низким уровнем развития инфраструктуры и коммуникаций в сибирском крае. Но не только: особый психокультурный склад сибиряков проявлял себя в практике проведения православных праздников. В архиве Енисейской епархии имеются уникальные свидетельства на этот счет, которые стали ответом на требование губернских властей в 1892 г. разобраться, отчего в дни празднеств народ предается «разгулу, пьянству, разврату и праздности» [ГАКК: ф. 674, оп. 1, д. 2636, л. 17]. Рапорты сельских пастырей действующему архиерею выявили много интересного. Кроме всего прочего в них отмечалось, что, во-первых, помимо двенадцатых праздников крестьяне отмечают «свои». Многие установились настолько давно, что жители уже и не могли толком объяснить, с чем связано особое почитание этих

памятных событий. Например, священник Ладейской церкви сообщал, что кроме общепринятых праздников в его приходе сугубо отмечается день в честь святого Варлаама Хутынского (новгородский святой). В многих селах особо почиталась девятая пятница по Пасхе. Настоятель с. Шарыповское докладывал, что ежегодно в этот день совершался крестный ход в д. Береш, где хранилась икона святой мученицы Параскевы. Причем народ съезжался на богомолье из других сел и деревень за 200 и более верст от местонахождения иконы. Во-вторых, наблюдалось удивительное разнообразие и неповторимость в выборе сугубо деревенских дней почитания святынь. Так, жители Частоостровской волости особо чтит день Михаила Архангела; в деревнях Додоновой и Карымской — дни Димитрия Солунского, в деревне Шиверской выделяли Знамение Богородицы и день святого пророка Илии и пр. [Шушканова 2020]. Эта самость крестьянских общин, в том числе в выборе праздников, представляется нам крайне важной.

Итак, высокий уровень самодеятельности сельской общины в церковной жизни опирался на реально действующий принцип выборности при решении проблем текущей жизни прихода, наличие общественного бюджета на церковные нужды, ответственности общины за содержание прихода, включая приходскую школу. Не случайно в период советской коллективизации, которую можно оценивать как конфликт власти с деревней, власть опасалась именно церковной организации, ибо системе надежнее всего может противостоять система. Единичные крестьянские семьи не представляли такой опасности для власти, как те же крестьяне, которые особенно в дни церковных праздников собирались вместе. И, что важно, делали это абсолютно добровольно. Масса людей, объединенная общим духом, общими нравственными установками, общей молитвой, становилась силой, способной отстаивать свои интересы [Там же].

Список источников

ГАКК (Государственный архив Красноярского края).
Енисейские епархиальные ведомости. Красноярск, 1916. № 7.

Список литературы / References

- Аузан А.А. Культурные коды экономики. Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа. М., 2022. 160 с.
(Auzan A.A. Cultural codes of economics. How values influence competition, democracy and the welfare of the people, Moscow, 2022, 160 p. — In Russ.)
- Белоногова Ю.И. Приходское духовенство и крестьянский мир в начале XX века (по материалам Московской епархии). М., 2010. 176 с.
(Belonogova Yu.I. Parish clergy and the peasant world at the beginning of the XX century (based on the materials of the Moscow Diocese), Moscow, 2010, 176 p. — In Russ.)
- Васев И.Н. Русская крестьянская община как альтернатива концепции гражданского общества // История государства и права. 2013. № 7. С. 35—38.
(Vasev I.N. The Russian peasant community as an alternative to the concept of civil society, *History of the state and law*, 2013, no. 7, pp. 35—38. — In Russ.)
- Лурье С.В. «Крестьянский мир» минус «церковный приход» равно «колхоз» (Как русская крестьянская община перестала быть миром). URL: <http://svlourie.ru/peasant%27s-communities-parishes-Russia> (дата обращения: 29.04.2023).

(Lurie S.V. “Peasant world” minus “church parish” equals “collective farm” (How the Russian peasant community ceased to be a world). — In Russ.)

Хомяков А.С. О сельской общине // Хомяков А.С. Полное собрание сочинений: в 8 т. М., 1900. Т. 3. С. 471—480.

(Khomayakov A.S. About a rural community, *Khomayakov A.S. Complete works: in 8 vols*, Moscow, 1900, vol. 3, pp. 471—480. — In Russ.)

Шушканова Е.А. Церковь Святой Параскевы села Барабановское Енисейской губернии в контексте сибирской истории (вторая половина XIX — XX в.). Красноярск, 2019. 140 с.

(Shushkanova E.A. The Church of St. Paraskeva of the village of Barabanovskoye of the Yenisei province in the context of Siberian history (the second half of the XIX — XX centuries), Krasnoyarsk, 2019, 140 p. — In Russ.)

Шушканова Е.А. Православные праздники в сибирской деревне XIX — нач. XX в. // Культурные и научно-образовательные стратегии по реализации национальных проектов — 2030: материалы II Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2020. С. 220—224.

(Shushkanova E.A. Orthodox holidays in the Siberian village of the XIX — early XX centuries, *Cultural and scientific and educational strategies for the implementation of national projects — 2030: materials of the II International Scientific and Practical Conference*, Krasnodar, 2020, pp. 220—224. — In Russ.)

Шушканова Е.А. Коллективизация и закрытие сельских храмов: неслучайное совпадение // Государство, общество, церковь в истории России XX—XXI вв.: материалы XVII Международной научной конференции. Иваново, 2020. С. 178—182.

(Shushkanova E.A. Collectivization and closure of rural churches: a non-accidental coincidence State, *Society, Church in the History of Russia of the XX—XXI centuries: proceedings of the XVII International Scientific Conference*, Ivanovo, 2020. pp. 178—182. — In Russ.)

Юшков С.В. Очерки из истории приходской жизни на Севере России в XV—XVII вв. СПб, 1913. 146 с.

(Yushkov S.V. Essays from the history of parish life in the North of Russia in the XV—XVII centuries, St. Petersburg, 1913, 146 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.02.2022; одобрена после рецензирования 22.02.2023; принята к публикации 28.02.2023.

The article was submitted 11.02.2023, approved after reviewing 22.02.2023, accepted for publication 28.02.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Шушканова Елена Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социальных наук, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, г. Красноярск, Россия, shushkanovae@yandex.ru

Shushkanova Elena Aleksandrovna — Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Krasnoyarsk, Russian Federation, shushkanovae@yandex.ru

ФИЛОСОФИЯ

PHILOSOPHY

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2. С. 139—148.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 2. P. 139—148.

Научная статья

УДК 111.1

DOI: 10.46726/И.2023.2.15

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ МИФОЛОГИИ, РЕЛИГИИ, ФИЛОСОФИИ, НАУКИ КАК СТУПЕНИ УНИВЕРСАЛИЗАЦИИ В ПОЗНАНИИ МИРА

Николай Николаевич Кожевников, Вера Софроновна Данилова

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск,
Республика Саха (Якутия), Россия, nikkoz@gmail.com, vs.danilova@s-vfu.ru

Аннотация. В статье последовательно рассмотрены онтологические основания мифологии, религии, философии, науки, используя которые мышление становилось все более универсальным, восходя от наиболее простых его форм ко все более сложным. Среди онтологических оснований выделяются: сведение их в четкие системы, восхождение к предельной полноте и уменьшение числа исходных оснований бытия. Зафиксировано, что религии существенно переосмыслили основные мифологические понятия, дальнейшее «развитие» религиозных текстов опирается на рационализм, получивший продолжение в философии. Выделены два основных направления — статическая и динамическая религии. Раскрыта динамика философской мысли через призму онтологического дискурса, аттрактором которой явился философский универсализм. Показано, что в науке опора на её онтологические основания особенно наглядна. Здесь все время происходило объединение отдельных научных направлений. Сделан вывод, что в современных условиях эвристичны попытки объединения науки, религии, философии в единое целое в рамках концепций «Большого Разума», планетарных оболочек, культурных, научных и образовательных сетей.

Ключевые слова: универсализм, рационализм, планетарные оболочки, сети, ступени познания

Для цитирования: Кожевников Н.Н., Данилова В.С. Онтологические структуры мифологии, религии, философии, науки как ступени универсализации в познании мира // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2. С. 139—148.

© Кожевников Н.Н., Данилова В.С., 2023

2023. Вып. 2 •

Original article

ONTOLOGICAL STRUCTURES OF MYTHOLOGY, RELIGION, PHILOSOPHY, SCIENCE AS STAGES OF UNIVERSALIZATION IN DEVELOPING THE WORLD KNOWLEDGE

Nikolai N. Kozhevnikov, Vera S. Danilova

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russian Federation, nikkozkh@gmail.com, vs.danilova@s-vfu.ru

Abstract. The article consistently considers the ontological foundations of mythology, religions, philosophy, science, using which thinking has become more and more universal, ascending from its most simple forms to more and more complex ones. Among the ontological foundations, the following stand out: their reduction into clear systems, the ascent to the ultimate completeness and the reduction in the number of initial foundations of being. It is recorded that religions have significantly rethought the basic mythological concepts, the further “development” of religious texts is based on rationalism, which has been developed in philosophy. Two main directions are singled out — static and dynamic religions. The dynamics of philosophical thought is revealed through the prism of ontological discourse, the attractor of which was philosophical universalism. It is shown that in science the reliance on its ontological foundations is especially evident. In this sphere there has always been an association of separate scientific directions. It is concluded that in modern conditions, attempts to combine science, religion, philosophy into a single whole within the framework of the concepts of “Big Mind”, planetary shells, cultural, scientific and educational networks are heuristic.

Keywords: universalism, rationalism, planetary shells, networks, levels of cognition

For citation: Kozhevnikov N.N., Danilova V.S. Ontological structures of mythology, religion, philosophy, science as stages of universalization in developing the world knowledge, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 2, pp. 139—148.

Введение. История освоения человеком окружающего мира сложна, но, если встать на точку зрения онтологических оснований её фундаментальных этапов, она значительно упрощается.

В настоящей работе можно опереться на широкий спектр методологических подходов исследования этих структур: феноменологический, системный, герменевтический, синергетический, семиотический. Согласно феноменологическому подходу структурную основу произведения образуют несколько уровней наглядных образов: фонетический (звучание), семантический (значение), предметный (содержание), что идеально подходит для исследования мифа, где ядро текста предполагает множественность его толкований. В культуре все может быть рассмотрено как знак, характеризующий материальную сторону сознания. Герменевтика нацелена на выявление тайного смысла в тексте, чему могут служить сопереживание, симпатическое проникновение во внутренний мир другого и т. п. Системный подход основывается на исследовании связей между элементами, их структурами и функциями. Синергетический метод имеет дело с самоорганизацией сложных систем, состоящих из многих подсистем самой различной природы, и ориентирован прежде всего на качественное описание исследуемых процессов.

• Серия «Гуманитарные науки»

Онтологические характеристики и основания мифологии. Миф является естественным продуктом антропогенеза, без которого эволюция человека была бы невозможна. Формирование сознания первобытного человека опиралось на миф и в то же время развивало его. Еще большее значение миф имел для антропосоциогенеза, где коллективная фантазия этноса, отдельного племени отражала реальность в виде «чувственно-конкретных персонификаций одушевленных существ» [Аверинцев: 876]. Это формировало первобытное сознание, развивало и совершенствовало миф.

А.Ф. Лосев отмечает, что миф и все его обобщения не выходят за пределы чувственных представлений. Тем не менее он обеспечивает совпадение общих идей и обыкновенных чувственных образов. Таким образом, мифология есть обобщённое отражение реальности «в виде чувств, представлений... тех или других одушевленных существ» [Лосев: 457]. «Через сказку и героический эпос с мифологией оказывается связанной литература» [Мелетинский 2001: 581]. Однако эта связь является достаточно сложной, поскольку в мифологии оказываются переплетенными близкие к ней жанры, прежде всего сказки, фольклор, легенды. Здесь же присутствуют исходные элементы исторических преданий, эпоса, предпосылки для формирования оснований религий, философии, политических теорий.

Живучесть мифологии обусловлена её ориентацией на метафизические и онтологические проблемы. Современная наука и философия очень скупо и односторонне трактуют понятия «Жизнь», «Судьба», «Смерть», «Рождение», тогда как в мифе они становятся центральными [Мелетинский 1976: 169]. Мифология разработала эффективные практики (медитация, самовнушение и т. п.) для трактовки непостижимого, трудноразрешимого, парадоксального, для обеспечения комфортного пребывания человека в окружающем его мире.

Мифы практически всех народов хорошо структурированы, образуют иерархическим образом организованные мифемы, которые следует рассматривать в качестве онтологических оснований мифологии. К традиционно выделяемым мифологическим сферам, а также связанным с ними структурам и мифемам относят прежде всего «Небо», «Звезды», «Солнце», «Воздушный промежуток», «Землю». Вокруг этих понятий возникло множество высокохудожественных и глубоких мифов. Небо способствовало возникновению религий (Тенгрианство, Зороастризм), стало ключевой структурой их дальнейшей трансформации¹. Богам воздушного промежутка отводилась, возможно, наиболее важная роль сил, порождающих небо, землю, громы, молнии. Они являлись как, например, Индра в древнеиндийской мифологии, главой всех богов. Причем эти мотивы присущи многим культурам. Образ Земли также универсален для мифов многих народов, он дополнял Небо в качестве его супруги.

¹ Более конкретными структурами Неба являются Астральные и Солярные мифы, которые не просто разбивают его на части, но имеют смыслы, объясняющие устройство душ человека и животных, а также его деятельности. То, что герои Древнего мира после их смерти попадают на Небо, объясняло место пребывания их душ, их трансформацию в загробном мире. То же можно сказать и о чертах, сходных с солнечными, но здесь имелись и другие смыслы. Эти мифы возникли в эпоху бронзового века «возможно потому, что солнце олицетворяло огонь, необходимый для металлообработки» [Филипп: 29].

Таким образом, 1) мифы оказываются сведенными в четкие системы, имеют явно выраженные элементы и структуры, которые затем получают дальнейшее развитие в религии и философии; 2) имеет место восхождение к полноте мифа, ярким представителем которого является древнегреческая культура², в которой миф стремится ко все более глубокому и рациональному объяснению событий; 3) уменьшается число исходных оснований мифа. «Миф — это всегда связь, стержень бесчисленных связей» [Борхес: 153], осмыслить которые можно только в рамках религии или философии. Шеллинг писал, что подлинное знание мифологии — это философия мифологии.

Онтологические основания религий. Нет никаких серьезных доказательств происхождения библейских и природных религий в результате Божественного откровения, хотя определенный «духовный взрыв» здесь имел место. Серьезные научные исследования Дж. Фрэзера, З. Косидовского, К. Каутского и многих других убедительно обосновывают, что источниками религий являются миф и фольклор. Дж. Фрэзер выявил, что многие библейские сказания имели место в десятках мифах, например, «великий потоп» встречается в фольклоре Азии, Африки, Америки, Полинезии, Микронезии, других островов Тихого океана, Австралии и т. п. Особое значение при этом имеет его идея, что источником мифологии является ритуал [Фрэзер] — инсценировка ожидаемого события, а когда он получает словесное закрепление, возникает миф. З. Косидовский выявил в главных книгах библейских религий многочисленные пласты, относящиеся к различным эпохам, этносам, культурам, традициям. К. Каутский рассмотрел социологические и экономические причины, которые способствовали происхождению христианства.

Еще большее значение имеет связь природы, мира, мыслящего человечества с ритмами мировой гармонии. Большинство мифологических понятий здесь становятся метафорическими, приобретая в то же время четкий семиотический и герменевтический смысл. Слово «религия» означает связь человека с Богом, синергию, когерентное взаимодействие, которое проявляется в молитве, образе жизни, соблюдении обрядов, ритуалов и т. п. Все, что связано с религией, является предельным опытом, иначе невозможно было бы обосновать существование трансцендентального Бога, что присуще большинству религий.

В религиях произошло существенное переосмысление основных мифологических понятий. Небо, означающее у греков «мир», «порядок», «государственный строй», любые вещи, которым присущи упорядоченность, даже женские наряды и украшения стали пониматься как «космос». В ряде философских систем (в пифагорействе, у Аристотеля) Небо, в отличие от всего

² В древнегреческих мифах отсутствует безудержная фантазия в отличие, например, от древнеиндийских мифов, где любые масштабы или размеры: пространственные, временные увеличиваются беспредельно. В них обычно говорят не сорок лет, а сорок тысяч лет, что существуют 3333 бога. Подобная фантазия встречается, например, в якутском мифе, где можно найти сюжеты, когда от Бога рождается лошадь, от неё полулошадь-получеловек и затем от последнего — человек. В древнегреческом мифе любому событию, поступку предшествует объяснение. Так, во время битвы Гектора и Ахиллеса, Зевса одолевают разные богини и боги. За Гектора просят представители троянской партии на Олимпе, за Ахиллеса — греческой и за Фетида — мать Ахиллеса.

земного сохраняло идеальный порядок практически вечно. Этот порядок был перенесен в литературу, живопись, театр, где являлся образцом для всего земного. «Земля» интерпретируется более сложно, поскольку включает в себя все геосферы, бариосферу (внутреннее устройство планеты), биосферу и мыслящее человечество. Однако их предельные «граничные» равновесия представлялись достаточно просто. В идеалах человечества и отдельного индивида Небо способно направить формирование личности к самым высоким началам, наиболее возвышенным целям, к Богу, «Миру горнему». Земля — все, что нас окружает, в религиозном смысле нечто низменное, «Мир дольний».

Религии начинаются с догматов, которые основываются на мистическом, иррациональном, однако дальнейшее развитие религиозных текстов опирается на вполне рационалистические подходы. Все религии так или иначе стремятся к единобожию или простоте. Опираясь сначала на миф, фольклор, эпос, религии постепенно переходят к монотеизму. Библейские религии (иудаизм, христианство, ислам) в своих священных книгах — Талмуде, Ветхом и Новом заветах, Коране — постепенно очищаются от фольклорно-мифического компонента. Природные религии (буддизм, дзэн-буддизм, конфуцианство, джайнизм и др.) могут совмещать свои фундаментальные идеи с мифом, что делает их более доступными.

В настоящее время религии столкнулись с огромными трудностями, которые они не в состоянии разрешить: догматизм столкнулся с реалиями динамично развивающегося мира. С одной стороны, появились религии синтетические, например, Бахаи. С другой стороны, практически во всех религиях и их конфессиях, как ответ на нарастающие противоречия, возникают фундаменталистские направления. Все это требует философской интерпретации их онтологических оснований.

Онтологические основания философии. Благодаря развитию рациональных подходов в религиях, их основные понятия становятся основанием философских структур. Многие философы, например, И. Кант, А. Бергсон рассматривали два типа религий: статический и динамический. Статическая — это прежде всего обряд, ритуал; динамическая соответствует мистическому опыту и сущности человека, например, его совести. Французский философ Г. Марсель говорил: «Подняться к Богу — это значит войти в самих себя, более того, в глубину самих себя, — и себя же самих превзойти» (цит. по [Мень 1: 51]).

Вышесказанное хорошо взаимодействует с основополагающей парой категорий китайской философии «Инь» и «Ян». Они выражают идею универсальной дуализированности мира в неограниченном ряду его оппозиций. Однако глубинное значение этих категорий, их сущность — взаимодействие хаоса и порядка мира и его вещей, тяготеющее к двум его полюсам. Небо и Земля также связаны с фундаментальной философской идеей даосизма — Дао. «Небо и Земля пребывают во взаимном согласии, потому что уступчивы и довольствуются тем, что происходит» [Дао дэ цзин: 66]. «С давних пор каждый стремится обрести что-то одно. Небо стремится к одному — быть чистым и ясным. Земля стремится к одному — пребывать в покое» [Там же: 75]. «Сети Неба раскинуты повсюду, и, хоть и имеют отверстия, сквозь них не проскочишь!» [Там же: 143—144]. «Действие Неба свободно от личных пристрастий, и оно всегда содействует истинному человеку... Действия Неба

несут в себе пользу, а не вред. Мудрый, следуя Пути, действует, но не ради наград» [Там же: 150—153].

Философский универсализм начинался с поиска основных стихий мира, но представители натурфилософского этапа Древней Греции опирались, как правило, на одно основание, у Платона их уже два, у Аристотеля стало четыре. Одно основание (архэ) выбиралось из набора: вода, воздух, земля, огонь (дерево, железо у китайцев). У Платона универсализм стал более абстрактным, опираясь на материю и идею, а у Аристотеля — на четыре первых причины: материальную, формальную, действующую, финальную. Затем то материя, то Дух претендовали на моно-универсальное начало.

В Эпоху Возрождения и в Новое время многими философами были предприняты попытки рационализации церковных догм. Научную критику Священного писания начал Эразм Роттердамский. Он не пытался свести религию к аристотелевско-схоластическому типу философии, сосредоточенной на проблемах диалектики, метафизики и физики, но рассматривал философию как мудрое понимание жизни. Он считал, что необходимо вернуться к истокам христианства, а практическое благоразумие христианской жизни сводил к истинной вере, милосердию и надежде. Б. Спиноза в своем Богословско-политическом трактате беспощадно критикует заблуждения, а также сознательные обманы, к которым прибегают религии, благодаря чему он был изгнан сначала из иудейской, а затем из христианской общин. Он даже предпринял попытку геометрического обоснования для выявления основ философско-религиозных концепций. Ф. Бэкон последовательно разбирал многие мифологические понятия, давая им совершенно рационалистические объяснения.

В философских системах Б. Спинозы, И. Канта, Г. Гегеля рационализм становился «стержнем», на который нанизывались понятия, концепции, методологические подходы. Кант и Гегель, пытаясь объединить идеи рационализма и эмпиризма, остались прежде всего рационалистами. Развитие рационализма наглядно было продолжено в феноменологии — подход был направлен на усмотрение сути, основных структур. Гегель приложил феноменологию к структурам формирования духа, Гуссерль — к формированию сознания, Шеллер — к проблемам жизни, Хайдеггер — к возрождению представлений о бытии.

Огромный вклад в развитие философского универсализма внесли контакты между восточной и западной философией. В западной философии их начал Шопенгауэр, однако в рамках классической философии осуществить их было невозможно, так же, как и для природных и библейских религий. Зато в настоящее время развитие таких контактов идет одновременно по самым различным направлениям. В Китае активно развиваются нео-конфуцианство и пост-конфуцианство, которые так же, как даосизм и чань-буддизм, пытаются активно взаимодействовать с современными западными методологическими подходами. Феноменология самым глубоким образом исследует ислам, герменевтика и семиотика создают наиболее эффективные подходы для подобных контактов. Японский дзэн-буддизм, даосизм, различные варианты буддизма активно институализируются в западной культуре.

Таким образом, философия начиналась с природных начал, но постепенно переходила ко все более абстрактным категориям в системах Парменида, Платона, Аристотеля. Затем начались попытки построить строгие научные системы. В них приняли участие Декарт, Спиноза, Кант, Гуссерль,

представители аналитической философии, философии и методологии науки и многих других направлений.

Онтологические основания науки были разработаны еще в античности, когда возникли методологические подходы, опирающиеся на системы постулатов и аксиом, что было характерно для математики, астрономии, философии. Большое значение было придано компендиумам, вобравшим в себя основные знания в математике, химии, биологии и т. п. Труды Евклида, Зосимы, Аристотеля представляют собой своды таких знаний для этих областей науки. Кроме воздействий на конкретные науки имели место и универсалистские концепции, на основе которых предпринимались попытки объяснить устройство мира, что было предпринято в системе Птолемея. На её основе возникло устройство мира Аристотеля-Птолемея, которое было незыблемым вплоть до середины второго тысячелетия.

Эта была первая мутация на теле традиционных культур, тесно связанная с осевым временем VIII—II вв. до нашей эры (осевое время К. Ясперса). «Второе осевое время» (XVI—XVII вв.) оказалось связанным с лавинообразным выявлением новых понятий, принципов, законов в естественнонаучной сфере и привело к первой научной революции XVII века. Это было время классического рационализма, формирование которого прошло под влиянием Кеплера, Галилея, Ньютона, Декарта. Ньютону удалось объединить небесную механику Кеплера и земную механику Галилея. Он сформировал парадигму из восьми фундаментальных понятий (абсолютные пространство и время, масса, принцип инерции, принцип «дальнодействия», закон Всемирного тяготения, законы классической механики), которая определяла развитие науки в течение, по крайней мере, трехсот лет.

Во второй половине XIX — начале XX столетия произошла вторая научная революция, онтологическими основаниями которой стали электромагнитное поле, принцип «близкодействия», теория эволюции Дарвина. Универсализм второй научной картины мира углубил онтологические основания науки, изменил представления о реальности. Его краеугольным камнем оказались уравнения классической электродинамики Максвелла, позволившие объяснить распространение электромагнитных волн в мире, выявить сходства и различия между электрическими и магнитными явлениями. Вторым важнейшим элементом универсализма неклассической картины мира является теория эволюции Дарвина, которая, несмотря на яростные споры вокруг неё в течение более полутора веков, объяснила связи между различными видами, значение мутаций и роль популяций в процессе эволюции. Триада Дарвина «изменчивость — наследственность — естественный отбор» вышла далеко за пределы биологии, став в настоящее время ключевым элементом эволюции Вселенной и в частности концепции глобального эволюционизма.

Великое универсалистское прозрение проявилось в строении атома. Три фундаментальные модели, следовавшие одна за другой, — Томсона (1904), Резерфорда (1912), Бора-Зоммерфельда (1925) — установили связь между различными структурными уровнями природы. Далее наука переходила ко все новым объединениям: сначала объединение слабого и электромагнитного взаимодействий (1960-е), затем к нему добавилось сильное взаимодействие, и этот процесс продолжается.

Третья научная революция ориентирована на еще более глубокий универсализм. Онтологическими основаниями этого объединения является концепция детерминистического хаоса, фрактальная математика, глобальный

эволюционизм, науки о сложности. В рамках последних была обоснована концепция единых алгоритмов на всех уровнях организации мира и в подавляющем большинстве специальных наук. В результате диссипативные системы, необратимость точки бифуркации, взаимодействия хаоса и порядка стали рассматриваться во многих социальных и гуманитарных науках.

Кроме того, удалось продемонстрировать глубину использования научных идей в религиях и философии, их инкорпорированность в мировую литературу, живопись, кино. Фундаментальные ритмы вещей, опирающиеся на ритуалы и обряды, являлись основанием культуры многих народов и цивилизаций. Вакуум, инерция, квазистатические процессы можно рассматривать как равновесные покрывала, сверху которых остаются фундаментальные идентификационные равновесия, а под ними обретает вся сложность определённого мета-уровня мира.

Объединение всех вышерассмотренных структур на основе единой платформы. Во-первых, это отмеченные выше две универсалистских «мутации» — Античности и эпохи Возрождения на её переходе в Новое время. Формальный, схоластический подход к исследованию универсалий имел место и в Средние века. Спор насчет таких логико-формализованных универсалий (всесторонний и последовательный) продолжался на протяжении тысячи лет. Здесь также были свои великие объединения — например, синтез, осуществленный Фомой Аквинским, дополнивший универсализмы христианства философской системой Аристотеля.

Огромное значение имеет объединение науки, религии, философии в единое целое, к чему стремились многие ученые, богословы и философы. Здесь имело место много различных попыток и подходов. Гегель, затем Маркс, Ясперс пытались обосновать единство исторического процесса. В середине XIX столетия Шопенгауэр пытался найти общее основание для западной и восточной философий. В XX столетии была создана концепция «Большого Разума», в рамках которой должны были объединиться религия, философия, наука. Аналогичный подход, но на несколько более узком основании был предпринят и В. Соловьевым в рамках концепции всеединства.

Многие выдающиеся ученые и богословы восхищались Большим Разумом. «Моя религия — это глубоко прочувствованная уверенность в существовании Высшего Разума, который открывается нам в доступном познанию мире» [Мень 2: 142]. «Плоды интеллекта будут тупыми и пустыми, незаконченными и отрывочными, если отсутствует помощь интуиции, в то время как интуитивные провидения будут слепы и немые, темны и странны, если не будут подтверждаться интеллектом» [Эйнштейн: 147]. Это и есть «Большой Разум, на котором должны строить свой фундамент реалистическая философия и богословская мысль» [Мень 1: 77].

Рассмотренные выше онтологические основания мифологии, религии, философии, науки являются ступеньками развития универсализма от наиболее простых его форм ко все более сложным. Особенно наглядно это проявляется в науке, где ярко выражены объединения различных её направлений, разделов, подходов на основе общих начал: Галилей, Кеплер, Ньютон, Ампер-Вебер, Фарадей-Максвелл, Дарвин, Эйнштейн, Вайнберг-Салам-Глэшоу. Подобную цепочку можно продолжать с многочисленными разветвлениями еще долго.

Универсалистские теории настоящего времени предполагают объединение различных сфер знания в «теорию всего». Яркие работы здесь принадлежат Ф. Капра [Капра]. Дальнейшее развитие затронутой в статье проблематики связано с расширением интернета и других компьютерных возможностей, освоением планетарных оболочек, культурных, научных и образовательных сетей.

Список литературы / References

- Аверинцев С.С. Мифы // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. / гл. ред. А.А. Сурков. М.: Советская энциклопедия, 1967. Т. 4. С. 876—881.
(Averintsev S.S. Myths, *Brief Literary Encyclopedia: in 9 vols.*, ed. by A.A. Surkov, Moscow, 1967, vol. 4, pp. 876—881. — In Russ.)
- Борхес Х.Л. Двойник Магомета: рассказы и эссе (1932—1970). СПб.: Кристалл, 2002. 191 с.
(Borges J.L. Mohammed's Double: Stories and Essays (1932—1970), St. Petersburg, 2002, 191 p. — In Russ.)
- Дао дэ цзин. Новосибирск, 1995. 153 с.
(Tao Te Ching, Novosibirsk, 1995, 153 p. — In Russ.)
- Капра Ф. Скрытые связи. М.: София, 2004. 336 с.
(Capra F. The Hidden Connections: A Science for Sustainable Living, Anchor, 2004, 320 p. — In Russ.)
- Лосев А.Ф. Мифология // Философская энциклопедия: в 5 т. М.: Советская энциклопедия, 1964. Т. 3. С. 457—467.
(Losev A.F. Mythology, *Philosophical Encyclopedia: in 5 vols.*, Moscow, 1964, vol. 3, pp. 457—467. — In Russ.)
- Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. 407 с.
(Meletinsky E.M. Poetics of myth, Moscow, 1976, 407 p. — In Russ.)
- Мелетинский Е.М. Мифология // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2001. Т. II. С. 581—583.
(Meletinsky E.M. Mythology, *New Philosophical Encyclopedia: in 4 vols.*, Moscow, 2001, vol. 2, pp. 581—583. — In Russ.)
- Мень А.В. История религии: В поисках Пути, Истины и Жизни: в 7 т. М.: Слово, 1991—1992.
(Men' A.V. *History of religion: In search of the Way, Truth and Life: in 7 vols.*, Moscow, 1991—1992. — In Russ.)
- Филип Н. Мифология. Энциклопедия. М.: РОСМЭН-ПРЕСС, 2005. 160 с.
(Philip N. Mythology. Encyclopedia, Moscow, 2005, 160 p. — In Russ.)
- Фрэзер Д. Фольклор в Ветхом завете. М.: Политиздат, 1989. 542 с.
(Frazer J.G. Folklore in the Old Testament, Moscow, 1989, 542 p. — In Russ.)
- Эйнштейн А. Собрание научных трудов в 4 т. М.: Наука, 1967. Т. IV. 600 с.
(Einstein A. *Collection of scientific papers in 4 vols.*, Moscow, 1967, vol. IV, 600 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 24.11.2022; одобрена после рецензирования 27.12.2022; принята к публикации 24.01.2023.

The article was submitted 24.11.2022; approved after reviewing 27.12.2022; accepted for publication 24.01.2023.

Информация об авторах / Information about authors

Кожевников Николай Николаевич — доктор философских наук, профессор кафедры философии Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова, г. Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия, nikkozh@gmail.com

Kozhevnikov Nikolai Nikolaevich — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor of the Department of Philosophy, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russian Federation, nikkozh@gmail.com

Данилова Вера Софроновна — доктор философских наук, профессор кафедры философии Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова, г. Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия, vs.danilova@s-vfu.ru

Danilova Vera Sofronovna — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor of the Department of Philosophy, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russian Federation, vs.danilova@s-vfu.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2. С. 149—162.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 2. P. 149—162.

Научная статья

УДК 1:316

DOI: 10.46726/И.2023.2.16

КОГНИТИВНЫЙ ИНФАНТИЛИЗМ В РЕФЛЕКСИИ НООСФЕРНОГО СОЗНАНИЯ

Рудольф Янович Подоль

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина,
г. Рязань, Россия, r.podol@365.rsu.edu.ru

Аннотация. В статье посредством транспарентного подхода выявляются доминирующие факторы, обуславливающие неуклонную эволюцию современной цивилизации в сферу цифровой культуры. Акцентируется внимание на важности формирования ноосферного сознания, способствующего гуманизации технико-технологического прогресса. Автор апеллирует к необходимости концептуального обоснования ноосферной безопасности в проблемном поле современной NBICS конвергенции. Значительное место уделено анализу процесса модернизации образовательного пространства в контексте бурного развития цифровых технологий и диджитал-маркетинга. Подчеркивается, что ускоряющийся процесс технологической сингулярности неизбежно влечет распространение репродуктивных образовательных платформ, позволяющих в режиме онлайн «скачивать» модулы готового информационного продукта без напряженного рефлексивного усвоения. Сформулировано представление о новом социальном феномене — «когнитивном инфантилизме», который культивирует социальную апатию и мотивацию эскапизма. Раскрыты негативные последствия манипуляции общественным сознанием посредством фейковой информации в контексте ноосферной безопасности.

Ключевые слова: цивилизационное развитие, цифровая культура, ноосферная безопасность, ноосферное сознание, технологическая сингулярность, гринфилд образования, буккроссинг, эскапизм, диджитал-маркетинг, фейковая информация, «легкое» знание, когнитивный инфантилизм

Для цитирования: Подоль Р.Я. Когнитивный инфантилизм в рефлексии ноосферного сознания // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2. С. 149—162.

Original article

COGNITIVE INFANTILISM IN THE REFLECTION OF NOOSPHERIC CONSCIOUSNESS

Podol R. Yanovich

Ryazan state University named after S. Yesenin,
Ryazan, Russian Federation, r.podol@365.rsu.edu.ru

Abstract. The article, through a transparent approach, identifies the dominant factors that determine the steady evolution of modern civilization into the sphere of digital culture. Attention is focused on the importance of noospheric consciousness formation, which contributes to the humanization of technical and technological progress. The author appeals to the need for a conceptual justification of noospheric security in the problematic field of modern NBICS convergence. A significant place is given to the analysis of the modernization process of the educational space in the context of the rapid development of digital technologies and digital marketing. It is emphasized that the accelerating process of technological singularity inevitably entails the spread of reproductive educational platforms that allow to “download” the modes of the finished informational product without intense reflective assimilation. An idea is formulated about a new social phenomenon — “cognitive infantilism”, which cultivates social apathy and the motivation of escapism. The negative consequences of the manipulation of public consciousness through fake information in the context of noospheric security are revealed.

Keywords: civilizational development, technological singularity, noospheric security, noospheric consciousness, digital culture, greenfield formations, bookcrossing, escapism, digital marketing, fakes, easily accessible information, cognitive infantilism, anthropology

For citation: Podol R.Ya. Cognitive infantilism in the reflection of noospheric consciousness, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 2, pp. 149—162.

Современное цивилизационное развитие происходит под воздействием кардинальной социокультурной трансформации всех сфер общественной жизни. Драйвером научно-технических достижений XXI века становится технологическая революция, прогнозируемая как предвестие наступления эпохи «цифровой культуры». Данный вектор развития обуславливает кардинальные синергичные антропологические изменения телесно-духовной природы человека. Игнорировать возможные гуманитарные издержки этого объективного процесса в рамках ноосферной парадигмы не допустимо, а препятствовать ему опрометчиво.

С учетом неизбежности цивилизационного устремления в мир цифровой реальности актуальную значимость обретает вопрос допустимого технологического воздействия на культурную эволюцию и природу человека. Важно избежать заманчивых иллюзий, что сами по себе цифровые технологии, находящиеся «по ту сторону добра и зла», обеспечат глобальную гармонию человеческого бытия. Подобные оптимистические заверения мы уже слышали от апологетов стихийной рыночной экономики. Именно этот недавний опыт требует рациональной сдержанности в футурологических прогнозах — «золотых снах», тем более что некоторые прежние концепции философии истории так и остались сценариями несостоявшегося будущего [Кутырев].

Современная цивилизация с ее мощным технико-технологическим потенциалом не может себе позволить, чтобы заманчивый «золотой сон» обернулся сном человеческого разума, обуреваемым инфантильным соблазном. Необходимо проблемное переосмысление идей ноосферологии с учетом трендов современного цивилизационного развития. Одной из таких проблемных идей является ноосферная безопасность, выходящая за рамки дифференцированных научных демаркаций, которая находит отражение в современной NBICS конвергенции. Экстраполяция этой парадигмы на базисные идеи ноосферологии представляется весьма плодотворной, поскольку «цифровая революция» провозглашает освобождение человека не только от физической рутинной деятельности, но и от напряженных интеллигентных усилий. Тут и возникает важная гуманитарная проблема выяснения допустимых границ научно-технического вторжения в «человеческое, слишком человеческое»¹.

Этологический парадокс нынешнего цивилизационного развития задается во многом творческими амбициями «несовершеннолетия сынов человеческих», не обремененных ноосферным сознанием [Смирнов 1998] и стремящихся посредством технического прогресса облегчить свое жизненное существование. Тяготение общества к техническим изобретениям столь же естественно, как и само человеческое бытие, но в нынешних условиях человек покусился на тот древесный сук эволюции, где он позиционирует себя как *homo sapiens*. Во имя своего безмятежного сибаритства современное человечество намерено добровольно передать свой рефлексивный креатив искусственному интеллекту, для чего в общественном сознании целенаправленно культивируется идеал робофилии.

Действительно, с незапамятных времен научно-технический прогресс, последовательно высвобождая человека от рутинного физического труда, существенным образом расширял креативную сферу его интеллектуальной деятельности. Вследствие этой объективной динамики эволюционного развития произошла трансформация биосферы в ноосферу. Основоположники теории ноосферного развития цивилизации были убеждены в том, что на этом эволюционном этапе произойдет расширение гуманитарного воздействия науки на все сферы жизнедеятельности людей². Но, вопреки первоначальным прогнозам, в современном цивилизационном развитии усилился социальный запрос на замену производительного человека робототехникой, а его духовного демиурга — мыслительной деятельности — искусственным интеллектом, что ставит под угрозу сохранение его природной идентичности и развитие когнитивных способностей. Оказалось, что «...сознание современной молодежи отнюдь не гуманизировано, оно техницизировано. Такое сознание обрекает личность на отчуждение от собственной духовной сущности» [Смирнов 2017: 35].

В силу чрезвычайной актуальности эта проблема была доминирующей на XXIV Всемирном Философском конгрессе «Учиться быть человеком». Действительно, сбережение и развитие интеллигентных способностей человека является важнейшей актуальной проблемой ноосферной безопасности

¹ Актуальность этой проблемы осознается на самом высоком международном уровне, поэтому по решению ЮНЕСКО образован Глобальный совет по цифровой грамотности (GDLC) и Коалиция за цифровой интеллект (CDI).

² Грандиозным по замыслу исследованием о планетной роли человеческого разума для общественного прогресса стал фундаментальный труд В.И. Вернадского «Научная мысль как планетное явление» [Вернадский].

[Смирнов Г., Смирнов Д.]. Слишком долгим и трудным был эволюционный путь, на котором разошлись природные пути «человека разумного» и «братьев наших меньших», чтобы легковесно уступить выстраданную планетарную мысль техническому анклаву мыслящих аватаров. И это не иллюзии в свете того, как цифровые трансформации общественного бытия и конвергенция наук в матрице NBICS-технологий достигли искусственного воспроизводства синтетической клетки как основы органической материи. Далее, открываются еще более потрясающие технологические перспективы беспрецедентного инновационного прорыва, когда они достигнут способности трансформировать сознание человека и подвергать мутации его интеллигибельные способности [Kurzweil 1992].

Научно-технический и технологический прогресс в случае существенного выхода за гуманитарные ориентиры ноосферной эволюции неизбежно будет вторгаться в генетику человеческой природы, в рефлексивные коды мыслительной деятельности и обусловит кардинальную трансформацию социокультурных оснований цивилизационного развития. Здесь уместно сослаться на известную поэтическую метафору А. Вознесенского: «Все прогрессы реакционны, если рушится человек». Обрушение человеческого в угоду техническому ставит перед гуманитарной наукой проблему выяснения границ своеобразной «красной черты», за пределами которой, по прогнозам Ф. Фукуямы, начинается эпоха «постчеловеческого будущего» [Фукуяма].

Если применять этот прогностический критерий к сфере образования, то заслуживают внимания несколько аспектов. Во-первых, осознание допустимых пределов цифровой модернизации этой важнейшей сферы общественной жизни, чтобы понять: «от какого наследства мы отказываемся?». А во-вторых, в какой степени любопытствующий человеческий интеллект, вечно стремящийся к таинствам познания мира, посредством стремительно прогрессирующих цифровых технологий «подвергается» *когнитивному инфантилизму*?

Современная массовая культура способствует формированию потребительской психологии, являющейся основой для всех форм *социального инфантилизма*. Как чрезвычайно многогранный психофизиологический феномен, он зарождается в сфере подсознания, в тех сложных 15-миллиардных сетевых лабиринтах нейронов человеческого мозга. Нейрофизиологи утверждают, что вряд ли когда-либо науке удастся проникнуть в тайную завесу их заповедной жизни, чтобы смоделировать ее с помощью искусственного интеллекта. Зарождение человеческой мысли в хитросплетениях интеллигибельных комбинаций клеток головного мозга, по всей видимости, навсегда останется «*Terra incognita*». Вместе с тем специалисты в этой научной области полагают, что *инфантилизм* в той или иной степени присущ всем разумным существам, он позволяет любой высокоразвитой особи экономить психофизиологическую энергию. Однако видные этологи (особая заслуга здесь принадлежит К. Лоренцу, открывшему в XX веке мотивированный *импринтинг*, корректирующий врожденные поведенческие действия животных) уверены, что вряд ли они могут сравниться с *homo sapiens* в способностях к симуляции своих рефлексивных усилий. А это означает, как отмечал еще И. Кант в «Критике чистого разума», что человеческий разум постоянно находится не в ладах с хитроумной симуляцией рассудка.

Усматривая эту объективную тенденцию, Жан Бодрийяр сформулировал концепцию «социальных симулякров» [Бодрийяр] как основу вымышленной гиперреальности, в которой человеческий рассудок маскируется от трудностей реального бытия. Поддерживая эти идеи, многие современные

социологи предсказывают усиливающуюся тенденцию симуляции человеком своей рефлексивной деятельности под воздействием цифровых носителей информации. В частности, именно склонность к когнитивному инфантилизму и к рефлексивным симулякрам вызывает желание делегировать свою уникальную мыслительную способность искусственному интеллекту [Kurzweil 1999]. А в образовательном пространстве это побуждает довольствоваться суррогатом «легкого» знания, полученного без должных интеллигентных усилий на цифровых образовательных платформах.

Когнитивный инфантилизм столь же многолик, как и его психологический прародитель, побуждающий человека к вечному поиску «земли обетованной». Но если раньше ее тщетно искали в природной пустыне, то ныне поиски ведутся в безбрежных просторах интернета, изобилующих заманчивыми сайтами, в которых, словно виртуальной манной небесной, соблазняют аудионаркотиками [Андреев, Есаков, Назарова]. Соответствующая статистика подтверждает, что в подавляющем большинстве наркозависимость превращается в физический недуг под воздействием психологических мотиваций ухода от реальности. Аудионаркотики³ вызывают желание отправиться в возделенную гиперреальность, отгородившись от мира посредством определенных звуковых волн. Виртуальные технологии разлагают мелодию на разные звуковые диапазоны, после чего звуковой сигнал подается через стереонаушники на правое и левое ухо с бинауральными различиями по частоте, т. е. асинхронно. В процессе антропосоциогенеза человеческий мозг, словно камертон, выработал способность улавливать гармонию природного звучания, а потому тщетно пытается синхронизировать бинауральные звуковые волны низкой частоты. Но навязываемая биполярная звуковая атака приводит к тому, что мозговая нейросистема под воздействием фонового дисбаланса приходит в состояние когнитивной турбулентности.

Гуманитарные издержки массовой культуры, усиленные процессами глобализации, покушаются также и на общественное сознание, затрагивая потаенные глубины ментальности. В странах Западной Европы информационное воздействие цифровой культуры приводит к стиранию гендерных различий в обществе, разрушению института семьи и брачных отношений. В связи с этим в социологической науке появились новые понятия: «цифровое гражданство», «цифровые аборигены» и «цифровые иммигранты», используемые для определения степени адаптации сообществ обезличенных

³ Этот когнитивный дурман значительно моложе своих химических собратьев, но он быстро технологически мутирует. Впервые аудионаркотики появились в 2006 году, когда была создана программа I-Doser, воспроизводящая специальные музыкальные файлы, способные вызвать психофизиологическую эйфорию. Суть бинаурального эффекта сводится к тому, что аудионаркотики атакуют мозг человека, нарушая его нейрофизиологические ритмы. При этом серьезно меняется электроэнцефалограмма, фиксирующая нейронную активность, которая становится идентичной мозговой аномалии человека, страдающего эпилепсией. Технологическая интервенция чужеродных звуковых волн подавляет когнитивные способности, снижает память, нарушает рефлексивную функцию мышления и, как следствие, ведет к деградации личности. Именно в этом их главная социальная опасность, однако согласно законам рынка создатели цифровых наркотиков быстро поняли, что их можно выгодно продавать, ассоциируя свои звуковые файлы с брендами химических наркотиков. В силу неисчерпаемых возможностей интернет-пространства торговцев виртуальным мозговым дурманом обезвредить значительно труднее, чем банальных наркокурьеров.

людей к цифровой культуре. Поскольку эти трансформации будут усиливаться, то нетрудно предположить, что придет время, когда начнут утрачивать свою аксиологическую значимость социальные феномены: «патриотизм», «гражданская ответственность», а тонко выраженная А.С. Пушкиным «любовь к родному пепелищу» рискует остаться в памяти будущих поколений как поэтическая метафора.

Гуманитарная сфера, вынужденная поспешать за стремительным научно-техническим прогрессом, в большей степени характеризуется как эпоха потребительской культуры, в которой каждый произведенный продукт и даже важнейшие сферы социальной деятельности обретают свойства товарной стоимости. Бурное развитие современных технологий мобильной связи и компьютерной техники привели к созданию интернет-ресурсов глобального масштаба, обладающих многомиллиардной рыночной капитализацией. Они изменили традиционные форматы коммуникационного общения и социального взаимодействия в мировом сообществе.

Напомним, что расширенная капитализация общественной жизни началась во времена Великих географических открытий вследствие нарастающей гегемонии торгового капитала в мировой экономике [Перес]. Постепенно в кумулятивную воронку торговой прибыли стали втягиваться не только натуральные товары, но и отдельные сферы деятельности, воздействующие на расширение рыночного спроса. Такова была диалектика гуманитарного и технического прогресса: возрастающий спрос на товары способствовал, к примеру, бурному развитию фламандской живописи, музыкальных и литературных произведений. Подметив эту тенденцию, А.С. Пушкин написал: «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать». В любом случае расширение мирового производства вовлекало в него все большую часть трудоспособного человечества.

Под воздействием этого цивилизационного фактора формировалась классическая модель образования как система креативной социализации личности, изложенная выдающимся чешским педагогом Яном Коменским в его труде «Великая дидактика». Для осуществления этой общественно значимой цели на теоретическую основу была поставлена неразрывная духовная триада, в которой *познавательные, просветительские и воспитательные* функции стали важнейшими элементами классической образовательной системы. Будучи культурным отражением креативных идеалов Возрождения, она была призвана формировать гармонически развитую личность, ориентированную на созидательную деятельность во всех сферах духовной и материальной культуры. Классическая образовательная система эффективно обеспечивала ретрансляцию гуманитарного когнитивного кода для интеллектуального усвоения культурных достижений предшествующих поколений, благодаря чему являлась на протяжении многих веков магистральным трендом общественного прогресса.

Однако многовековая история интенсивного промышленного производства, вовлекавшего во все экономические сферы подавляющую часть трудоспособного населения планеты, подходит к завершению, уступая место «шестому технологическому укладу» [Каблуков]. Именно он становится доминирующим фактором дальнейшего цивилизационного развития. А его характерной особенностью становится бурное развитие нанотехнологий и роботизированной техники, которые полностью вытеснят человека из производственной сферы. По имеющимся прогнозам, уже в ближайшие десятилетия произойдет исчезновение многих традиционных общественно

значимых производственных профессий, и *человек созидающий* все больше будет погружаться в лоно потребительской культуры [Меньшиков, Клименко]. Таким образом, произойдет своего рода цивилизационная «смена вех», в результате которой на смену общественному идеалу «человека-созидателя» грядет постмодернистский тип «человека-потребителя»⁴.

Капитализация общественных отношений покусилась на недоступную до недавнего времени сферу образования, напрямую связанную с несметными интеллектуальными богатствами человечества. В сфере образования *знания* являются самым дорогим общественным достоянием, которое посредством маркетинговых технологий XXI века стало обретать свойства своеобразного продукта, активно востребованного на рынке образовательных услуг. Вместе с этим классические образовательные учреждения, меняя свое общественное предназначение, стали активно встраиваться в шкалу экономической рентабельности, дабы занять наиболее престижную нишу на рынке образовательных услуг. К этому тренду их подталкивает цифровая модернизация глобального образовательного пространства, ориентированная на потребительскую презентабельность цифрового ресурса узкопрофильного знания в матрице компетентностной парадигмы. И если с позиций рыночных отношений оценить ее когнитивную значимость, то она идеально вписывается в шестой экономический уклад цивилизационного развития. Осваиваемый в процессе образования набор компетенций также хорошо встраивается в систему диджитал-маркетинга рыночных критериев оценки образовательных услуг. При этом получаемые в процессе образования знания калькулируются как рыночный продукт, обладающий определенной потребительской стоимостью.

Тотальная цифровизация образовательных компетенций как продуктового набора знаний в последующем будет лишь обуславливать их экономическую востребованность на конкурентном рынке узкопрофильных специалистов. Классические *просветительские* и *воспитательные* модули образования пока никак не поддаются цифровизации, а потому их экономическая рентабельность крайне сомнительна для потенциальных работодателей. С учетом капитализации образовательных услуг, по мнению экспертов, грядущая инновационная лавина кардинально изменит глобальный образовательный ландшафт, который, образно говоря, из блекло-коричневого превратится в ярко-зеленый⁵.

⁴ Процесс этот уже начался, и он многое меняет в нашей жизни, но самое главное заключается в том, что происходит усугубление диспропорции между технико-технологическим прогрессом и духовно-нравственным развитием общества. Социологи и культурологи давно мониторили, сколько в единицу эфирного TV времени на сознание современного человека обрушивается информации, ориентированной на культивирование агрессии, цинизма, пошлости и прочего духовного дурмана. Все это ведет к снижению рефлексивного отторжения этих антигуманных проявлений, чему способствует когнитивный инфантилизм. Назойливая телевизионная реклама способствует тиражированию потребительской психологии, этой движущей силы торгового капитала, который посредством компьютерных технологий расширяет социальные сферы своего влияния.

⁵ Этот заманчивый колер связывают с приближающейся эпохой «Гринфилда». Под этим полагается создание принципиально новых проектов образования, соответствующих социокультурным трансформациям эпохи. Гринфилд, по мысли его адептов, предполагает создание новых форматов высшего образования, что называется «с нуля», не аффилированных с прежними классическими стандартами и учебными

В глобализации образовательного пространства широкое распространение получили технологии МООС (massive open on-line courses). Одним из пионеров в этой области является Гарвардский университет, а наиболее показательным воплощением образовательного гринфилда в России считается Школа перспективных исследований (SAS), открывшаяся 3 года назад в Тюменском государственном университете. По мнению сторонников технологии МООС, современное образование вступило в стадию «инфляции квалификаций», когда актуальные для нынешнего профессионального рынка компетенции, осваиваемые в классических университетах, завтра могут стать невостребованными для избирательного диджитал-маркетинга. Подобные идеи изложены в эссе «Лавина приближается: высшее образование и революция впереди» [Барбер, Доннелли, Ризви].

Расширение глобального интернет-пространства порождает многообразие средств коммуникативного воздействия на людей через информационные порталы. На этой базе возникла новая форма межличностного общения — «цифровая риторика». Она значительно упрощает лингвистические требования классической «словесной риторики», основы которой зарождались в античной философии. Когда вместо традиционных словесных обращений друг к другу пользователи смартфонов отправляют адресату «словесные огрызки» или ограничиваются набором жестикулирующих виньеток, то подобная «цифровая риторика» тоже является проявлением *когнитивного инфантилизма*. На наш взгляд, между традиционной словесной риторикой и «цифровой риторикой» такая же эстетическая разница, как между исконно русским коллективным хоровым пением, идущим от сердца каждого исполнителя, и безликим заокеанским флешмобом, занесенным на отечественную культурную почву массовой западной культурой⁶.

Инфантильная психология обесценивает не только классическую музыкальную культуру, но и приводит к обесцениванию печатных носителей слова, каковыми традиционно являлись классические учебники. На наших глазах происходит их вытеснение из образовательной среды цифровыми серверами электронных библиотек. Как технологический инструментальный дистанционных образовательных платформ они вытесняют печатный текст из образовательного пространства не только посредством всемирной интернет-паутины, но и с помощью планшетных компьютеров и всевозможных «умных» устройств мобильных гаджетов.

программами. В этом плане показательна статья сотрудника Центра исследовательских разработок «Сколково» Дениса Конанчука «Зеленые против коричневых». По мнению автора, в настоящее время в мире насчитывается более 19 тысяч вузов, которым в XXI веке предстоит осуществить беспрецедентную по масштабам и сложности цифровую трансформацию образовательных услуг. Согласно экспертным оценкам, рыночная стоимость этих услуг в странах, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), составляет более 2,3 триллиона долларов [Конанчук, Волков: 12].

⁶ В этой культуре зародился музыкальный импровизатор как альтернатива партитурного исполнения классических музыкальных произведений, который с английского переводится как «джем-сейшн» (англ. *jam session* — приятное времяпрепровождение). Подобными музыкальными пассажами завершаются массовые концерты любителей джазовой музыки, когда музыканты спонтанно импровизируют, более того, каждый из присутствующих, что называется «ради хохмы», может принять в этом участие. В результате возникает эклектический музыкальный кайф, что-то вроде аудионаркотиков, воспринимаемых вживую и порождающих общую психологическую эйфорию.

С появлением электронных библиотечных систем (ЭБС) значительно ускорился процесс дистанционного потребления информации без сложных коммуникативных накладок, что является безусловным позитивом. Также следует признать, что цифровая трансформация печатного слова значительно продлевает книжную жизнь, которая, к сожалению, всегда была столь же уязвимой, как и зыбкое человеческое бытие. Литературный классик, придумавший замечательный афоризм «рукописи не горят», скорее всего выразил сокровенную мечту надежного сохранения рукописных и печатных интеллектуальных творений. История, в том числе и новейшая, помнит, как в огне пожаров безвозвратно исчезали не только ценные рукописи, но и знаменитые библиотеки. И благодаря цифровым технологиям появилась реальная возможность надежного сохранения накопленных человечеством литературных творений путем переноса их на цифровые носители, в чем выразилось их бесспорное преимущество перед книгопечатанием.

Но поскольку социокультурные и технико-технологические трансформации образования взаимно обуславливают друг друга, постольку мы наблюдаем, как на смену сложившегося веками трепетного отношения к книге пришел утилитарный феномен, именуемый *буккроссингом*. По мере возрастания компьютерной зависимости постепенно идет процесс социального расставания с книгами, которые становятся культурными беспризорниками и нередко оказываются в мусорных контейнерах. Вынужденно осиротевшие книги зачастую не находят дальнейшего домашнего или библиотечного приюта, и потому буккроссинг⁷ является своеобразной культурной альтернативой для продления их общественной востребованности. Человек, оставляющий книгу как ненужную вещь в любом людном месте — на скамейке сквера, на столике в кафе, в вагоне электрички или метро, поступает более цивилизованно, чем духовный Маугли, выбрасывающий книги на помойку.

Современный смартфон, планшет и то, что, бурно прогрессируя, придет им на смену, намного компактнее книги, да и к тому же они позволяют потребителям информации иметь в своей сумочке или кармане целую энциклопедию знаний. При этом мобильная доступность к этим знаниям не требует наличия читательского билета в публичные библиотеки, для посещения которых еще надо затратить определенное время. А обстоятельство дефицита времени является одним из важных признаков современного цивилизационного развития. Цифровые информационные технологии облегчают каждому обучающемуся поход за «легкими» знаниями, что способствует развитию *когнитивного инфантилизма*. На цифровых платформах нужная информация располагается компактными контентными в максимально конкретной и легко доступной умственно необременительной форме.

Как минимизировать эти общественные устремления, если дистанционные информационные порталы в перспективе по своему объемному наполнению

⁷ Считается, что эту идею предложил в 2001 году интернет-технолог Рон Хорнбекер, после чего она была активно подхвачена многочисленными пользователями социальных сетей. Статистика утверждает, что в настоящее время сторонников этого массового явления во всем мире насчитывается уже несколько миллионов, что превращает его в мощное общественное движение, разделяющее мировоззренческую позицию эскапизма. Известно, что потребительская психология как разновидность массовой культуры подвержена влиянию изменчивой моды, а изменчивая мода, как и социальный эскапизм, всегда выступала антиподом культурных традиций.

будут способны даже заменить учителя как ведущего субъекта образовательного процесса? Думается, ответ очевиден, их технологические возможности не должны противопоставляться воспитательному наставничеству педагога, возвышенное одухотворенное слово которого никогда не заменит самый совершенный искусственный интеллект. В перспективе вряд ли смогут цифровые образовательные порталы всем своим информационным объемом оказать подобное духовное воздействие на культурное становление человека.

Однако цифровизация образовательных технологий представляется неизбежной реальностью футурологического вектора цивилизационного развития. Поэтому сегодня встает вопрос не о том, чтобы отвергать или противопоставлять их традициям вербального классического образования. Речь может идти об их гармоническом взаимодействии.

В интересах этого была создана отечественная образовательная платформа «Юрайт», рекомендованная Центром развития профессионального образования Минобрнауки РФ в качестве информационного сервера для среднего и высшего профессионального образования. Как свидетельствует информационный портал этой платформы, она призвана обеспечить повышение качества и доступности дистанционных форм образования для массового перехода к ним студентов, преподавателей, библиотекарей и других участников образовательного процесса. Данная образовательная платформа к настоящему времени располагает необходимыми технологическими ресурсами, обеспечивающими чтение и реферирование текстов, обсуждение учебных материалов, прослушивание аудиодорожек, прохождение адаптивного формирующего тестирования и многими другими. За несколько месяцев 2022 года аналитики «Юрайт» проанализировали темпы цифровизации отечественного профессионального образования на основе изучения цифровых следов более 150 тысяч студентов и 27 тысяч преподавателей, использовавших их информационный сервер. В результате этого исследования был сделан вывод, что профессиональное образование России стремительно движется по пути уверенной диджитал-трансформации. Как говорится, тут нечего комментировать, а нужно анализировать будущие социокультурные последствия этой трансформации. Не следует сомневаться в том, что дистанционные формы обучения при их дальнейшем технологическом развитии будут лишь усиливать свое доминирование в образовательном пространстве.

Уместно предположить, что стремительное диджитал-маркетинговое развитие образовательных услуг с большой долей вероятности будет способствовать возрастанию симптомов *когнитивного инфантилизма*. Проникая в образовательную среду, он становится серьезным препятствием для формирования ноосферного сознания, социализации личности и ее общественной активности [Меликян]. На почве когнитивного инфантилизма и потребительской психологии формируется корпоративная этика, отличительным признаком которой является превалирование *культы услуг* перед осознанием гражданской значимости *общественного служения*. Аксиологическая значимость ноосферного сознания проявляется в рефлексии непреодолимой нравственной пропасти, пролегающей между гражданским служением и этикой корпоративных услуг. Мировоззрение потребительского общества нивелирует значимость гражданского служения во всех видах человеческой деятельности в угоду *культы услуг*, становящегося своеобразным фетишем в шкале утилитарных ценностей.

Этическая биполярность культа социальных услуг, противопоставленных мотивации служения общественному благу, вполне очевидна. С позиции ноосферного сознания можно обозначить некоторые их амбивалентные признаки. Услуга как социальный феномен прежде всего прагматична, тогда как общественно значимое служение — бескорыстно. Услуге свойственна меркантильность: «ты — мне, я — тебе», а служение исповедует нравственный принцип самопожертвования, что всегда отличало гражданский подвиг учителя, воспетого в Некрасовском сеятеле «разумного, доброго, вечного». Наконец, услуга предполагает неустойчивость социальных отношений, выстроенных на принципах временного партнерства, а учительское служение питается творческим единением с учениками, в котором учитель дарует им свое душевное тепло. Также культу услуг не присущи моральные императивы, регулирующие общественные отношения, напротив, их нравственным регулятором становится т. н. «корпоративная этика». С учетом потребительской психологии есть все основания предполагать, что когнитивный инфантилизм естественным образом будет способствовать дальнейшему общественному утверждению культа услуг во многих сферах социальных коммуникаций, проявляя свою коммерческую направленность и в образовательном пространстве.

Важной гуманитарной проблемой, порождаемой цифровой революцией, становится сохранение *информационной экологии*. Виртуальное информационное пространство в наше время все больше загрязняется фейковой продукцией. Социологи и культурологи, осуществляющие мониторинг информационных сетей, отмечают усиливающуюся интервенцию ложного знания на духовный мир человека. Фейк как современный тренд подачи информации не апеллирует к рефлексивной избирательности и подрывает рефлекторную силу познания реальной действительности. Фейк с полным основанием можно отнести к разряду информационных наркотиков, поскольку в массовом сознании существует запрос на сенсацию, некую банальную интригу. Информация без интриги для СМИ становится экономически нерентабельной, востребованность подобного рода информации постоянно отслеживается посредством всевозможных рейтингов как маркеров торговой прибыли.

Фейки не только отравляют рефлексивное восприятие реального знания, они также дискредитируют критерий его истинности. Знания как интеллектуальный капитал человечества становятся производительной силой тогда, когда они соотносятся с верой в истину общественного блага, т. е. развивают стремление к добродетели, а не способствуют культивированию зла. Поэтому фейки не просто загрязняют информационную среду, а по своему социокультурному воздействию на сознание людей они потворствуют распространению лжи и тем самым порождают злодеяния. Социологи в контексте анализа инновационных тенденций технологического развития отмечают, что современный человек, живущий в реальном мире, всё более становится зависимым от виртуальных коммуникаций, получивших широкое развитие в социальных сетях интернета. Таким образом, фейковая информационная среда, отравляющая рефлексивные способности человека, является навязчивым сталкером в ноосферную эпоху.

Мотивированный уход в иллюзорное информационное пространство можно соотнести с социальным явлением, получившим название «эскапизм». Считается, что впервые этот термин (от англ. *escape* — сбежать, спастись) использовал английский писатель Дж. Толкиен в своем фантазийном эссе «О волшебных сказках», где он подразумевал под этим социальным явлением

виртуальное бегство человека из реального бытия в фантастический мир [Толкиен: 412]. В этом плане также заслуживает внимания работа Эндрю Эванса, где эскапизм рассматривается в ракурсе деятельностного подхода, но автор понимает под ним прежде всего обыденное бытие субъекта в отрыве от общественной значимости, которое обеспечивает ему состояние внутренней свободы [Evans].

Подобная утилитарная логика мало общего имеет с современной антропологической проблематикой, ориентированной на формирование ноосферной рефлексивности сознания. Проводимые социологические исследования в области когнитологии показывают снижение уровня интеллектуального развития современной молодежи в сравнении с биологическим возрастом. Возможно, не все выводы могут быть признаны с точки зрения их истинной безупречности, но такая статистика, основанная на расчетах индекса IQ, находит апробацию в научной литературе. В частности, встретилось утверждение, что IQ современного человека упал на 14 пунктов со времени начала его измерений⁸.

Итак, современная цивилизация выводит homo sapiens на принципиально новые рубежи технико-технологического прогресса, заманчиво испытывая его инфантильную склонность, когнитивно не усердствуя, сохранить свои интеллигентные способности. Задаю себе вопрос: «где она, “красная черта”, за которой нет места “человеческому, слишком человеческому”»? Но вопрос этот, без активного обсуждения в научном сообществе, остается для меня открытым. Зато в социальных сетях один за другим появляются экстравагантные футурологические сюжеты, щекоцущие воображение. Сошлюсь лишь на один из них, сравнительно недавно вышел голливудский фильм «Я создан для тебя» (2021), в котором суперсовременный робот, воплощенный в образе brutального молодого человека, пытается очаровать девушку феноменальными математическими способностями (он мгновенно в уме оперирует огромными цифрами), без запинки цитирует В. Шекспира и И. Гете, блистательно знает живопись и музыку, в общем, блещет суперобразованностью. Хорошо, что поначалу восхищенная необычайным юношей девушка вовремя догадалась, что это не интеллектуальный вундеркинд, а искусственный интеллект, воплощенный в человеческий облик. Задумавшись над заманчивым сюжетом, я предположил, что логическим продолжением этого блокбастера может стать фильм «Я создан вместо тебя». И тогда не ждет ли «человека разумного» участь быть унесенным ветром технологической революции в сомнительное «цифровое будущее», где его природное естество, убаюканное инфантилизмом, заменят синтетические клетки, а его сознание будет сканировать «искусственный интеллект»? И как же это заманчиво, ведь человек будет жить долго, почти как «Кошей Бессмертный», но в «цифровом

⁸ Уместно напомнить, что концепцию проверки интеллектуального коэффициента в 1912 году предложил видный немецкий психолог и философ Уильям Штерн. В начале XX века этой проблемой также активно занимался французский психолог Альфред Бине, идеи которого легли в основу известного интеллектуального теста IQ, разработанного в 1916 году в США. В наше время существует много различных тестов IQ для разных возрастных групп, позволяющих проверять объем интеллектуальной памяти, способность к самостоятельному логическому мышлению, умение сопоставлять, обобщать и анализировать известные исторические факты и т. д. Как бы ни воспринимались научным сообществом результаты интеллектуальных тестов IQ, они все же являются своеобразным индикатором негативного воздействия виртуальной зависимости на формирование ноосферного сознания.

царстве», и, постоянно вглядываясь в «черное зеркало» смартфона, он не заметит, как и когда исчезли человеческое сострадание, человеческая любовь к ближнему, исчезла знакомая дорога к Храму Божьему.

К счастью, это всего лишь навязчивые сновидения пытливого разума, но ясно одно — реальный образ будущего не должен быть фантазией кинематографистов, мечтой поэтов, домыслами прорицателей «Гайной доктрины», пусть они и дальше обогащают сферу иррационального творчества. А рационально осмысленный дерзновенный проект, разработанный творцами ноосферной теории, как и любая научная парадигма, нуждается в плодотворном осмыслении с учетом доминирующих трендов современного цивилизационного развития.

Список литературы / References

- Андреев И.Л., Есаков В.А., Назарова Л.Н. Аудионаркотики: звук вместо «химии» // Человек. 2014. № 3. С. 66—76.
(Andreev I.L., Esakov V.A., Nazarova L.N. Audio drugs: sound instead of “chemistry”, *Human*, 2014, no. 3, pp. 66—76. — In Russ.)
- Барбер М., Доннелли К., Ризви С. Накануне схода лавины. Высшее образование и грядущая революция // Вопросы образования. 2013. № 3. С. 152—229.
(Barber M., Donnelly K., Rizvi S. On the eve of the avalanche. Higher education and the coming revolution, *Questions of education*, 2013, no. 3, pp. 152—229. — In Russ.)
- Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. с фр. А. Качалова. М.: Издательский дом ПОСТУМ, 2015. 240 с.
(Baudrillard J. Simulacra and simulation, Moscow, 2015, 240 p. — In Russ.)
- Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
(Vernadsky V.I. Scientific thought as a planetary phenomenon, Moscow, 1991, 271 p. — In Russ.)
- Каблуков Е. Шестой технологический уклад // Наука и жизнь. 2010. № 4. С. 2—7.
(Kablukov E. Sixth technological order, *Science and life*, 2010, no. 4 pp. 2—7. — In Russ.)
- Конанчук Д., Волков А. Эпоха «Гринфилда» в образовании. М.: Сколково, 2013. 52 с.
(Konanchuk D., Volkov A. The era of “Greenfield” in education, Moscow, 2013, 52 p. — In Russ.)
- Кутырев В.А. Унесенные прогрессом: эсхатология жизни в техногенном мире. СПб: Алетейя, 2016. 300 с.
(Kutyrev V.A. Carried away by progress: eschatology of life in the technogenic world, St. Petersburg, 2016, 300 p. — In Russ.)
- Меликян М.А. Ноосферность и информационность человека: философско-антропологическое осмысление нового человеческого качества // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 2. С. 68—78.
(Melikyan M.A. Noospheric and informational nature of a person: philosophical and anthropological understanding of a new human quality, *Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2018, no. 2, pp. 68—78. — In Russ.)
- Меньшиков С.М., Клименко Л.А. Длинные волны в экономике. Когда общество меняет кожу. М.: Ленанд, 2014. 288 с.
(Menshikov S.M., Klimenko L.A. Long waves in the economy. When society changes its skin, Moscow, 2014, 288 p. — In Russ.)

Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. М.: Дело, 2011. 232 с.

(Perez K. Technological Revolution and Financial Capital. The Dynamics of Bubbles and Golden Ages, Moscow, 2011, 232 p. — In Russ.)

Смирнов Г.С. Ноосферное сознание и ноосферная реальность: философские проблемы ноосферного универсума. Иваново: ИвГУ, 1998. 244 с.

(Smirnov G.S. Noospheric consciousness and noospheric reality: philosophical problems of the noospheric universe, Ivanovo, 1998, 244 p. — In Russ.)

Смирнов Г.С. Образование ноосферы: локальное мёбиус глобальное. Иваново: ИвГУ, 2017. 415 с.

(Smirnov G.S. Formation of the noosphere: local möbius global, Ivanovo, 2017. 415 p. — In Russ.)

Смирнов Г.С., Смирнов Д.Г. Летаргический сон разума: техносферно-ноосферные раздумья в эпоху деглобализации [обзор национальной научной конференции «Глобальный мир и ноосферная безопасность России»] // Интеллигенция и мир. 2021. № 4. С. 150—160.

(Smirnov G.S., Smirnov D.G. Lethargy of the mind: technospheric-noospheric reflections in the era of deglobalization [review of the national scientific conference “Global Peace and Noospheric Security of Russia”], *Intelligentsia and the world*, 2021, no. 4, pp. 150—160. — In Russ.)

Толкиен Дж.Р.Р. Чудовища и критики и другие статьи. О волшебных сказках: М.: Elsewhere, 2006. 328 с.

(Tolkien J. R. R. Monsters and critics and other articles. About fairy tales, Moscow, 2006, 328 p. — In Russ.)

Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 84—118.

(Fukuyama F. The end of history?, *Questions of Philosophy*, 1990, no. 3, pp. 84—118. — In Russ.)

Evans A. This virtual life: escapism and simulation in our media world, London: Fusion press, 2001, 275 p.

Kurzweil R. The age of intelligent machines, Cambridge: MIT Press, 1992, 580 p.

Kurzweil R. The age of spiritual machines: when computers exceed human intelligence, London: Penguin books, 1999, 388 p.

Статья поступила в редакцию 24.11.2022; одобрена после рецензирования 24.01.2023; принята к публикации 27.03.2023.

The article was submitted 24.11.2022; approved after reviewing 24.01.2023; accepted for publication 27.03.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Подоль Рудольф Янович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, г. Рязань, Россия, r.podol@365.rsu.edu.ru

Podol Rudolf Yanovich — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Head of Philosophy and Methodology of Science Department, Ryazan State University named after S. Yesenin, Ryazan, Russian Federation, r.podol@365.rsu.edu.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2. С. 163—173.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 2. P. 163—173.

Научная статья

УДК 17

DOI: 10.46726/И.2023.2.17

ЭТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСАЛИЗМ В ФИЛОСОФИИ МОРАЛИ: ДИНАМИКА ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОГО

Ксения Леонидовна Ерофеева

Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина,
г. Иваново, Россия, xenia.erofeeva@mail.ru

Марина Григорьевна Зеленцова

Ивановский государственный химико-технологический университет,
г. Иваново, Россия, marigumm@gmail.com

Аннотация. В статье обосновывается наличие общечеловеческого содержания морали, уточняется понятие «общечеловеческое» в этическом контексте. Дается анализ некоторых современных подходов к проблеме общечеловеческого в теории морали; актуализируются те достижения этической мысли, которые не получили достаточно широкого распространения в отечественной философии. Обосновывается объективный характер моральных норм, предлагаются ясные критерии морально-положительного и морально-отрицательного поведения в свете понимания универсального содержания морали. Отмечается практическая и теоретическая значимость предложенной авторами концепции этического универсализма, позволяющей выстраивать стратегии морального воспитания, а также осуществлять этическую экспертизу социально значимых преобразований разного уровня в сфере политики, экономики, культуры.

Ключевые слова: этика, мораль, общечеловеческое содержание морали, этический релятивизм, этический универсализм, основное моральное отношение

Для цитирования: Ерофеева К.Л., Зеленцова М.Г. Этический универсализм в философии морали: динамика общечеловеческого // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2. С. 163—173.

Original article

ETHICAL UNIVERSALISM IN THE PHILOSOPHY OF MORALITY: DYNAMICS OF THE GENERALLY-HUMAN

Kseniya L. Erofeeva

Ivanovo State Power Engineering University named after V.I. Lenin,
Ivanovo, Russian Federation, xenia.erofeeva@mail.ru

Marina G. Zelentsova

Ivanovo State University of Chemical Technology,
Ivanovo, Russian Federation, marigumm@gmail.com

Abstract. The article substantiates the presence of the universal content of morality, clarifies the concept of “universal” in the ethical context. An analysis is given of some modern approaches to the problem of the universal in the theory of morality; those achievements of ethical thought that have not received a sufficiently wide distribution in Russian philosophy are updated. The objective nature of moral norms is substantiated, clear criteria for morally positive and morally negative behavior are proposed in the light of understanding the universal content of morality. The practical and theoretical significance of the concept of ethical universalism proposed by the authors, which makes it possible to build strategies for moral education, as well as to carry out ethical examination of socially significant transformations of various levels in politics, economics, and culture, is noted.

Keywords: ethics, morality, universal content of morality, ethical relativism, ethical universalism, basic moral relation

For citation: Erofeeva K.L., Zelentsova M.G. Ethical universalism in the philosophy of morality: dynamics of the generally-human, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 2, pp. 163—173.

Проблема общечеловеческого содержания морали значима всегда. Ее актуальность усиливается в периоды кризисов общественных нравов, возникающих в моменты радикальных качественных изменений общества. Именно такой период переживает современная цивилизация, вступившая в эпоху глобализации и цифровизации. Эти процессы сопровождаются трансформациями общественного сознания, в частности, усилением и широким распространением гносеологического и ценностного релятивизма. При этом ситуация, складывающаяся в культуре, довольно парадоксальна. Как отмечает, например, М. Блюменкранц, «с одной стороны, мы живем во времена тотального релятивизма, когда общепринятым считается, что “сколько людей, столько и истин”, с другой — можно слышать постоянные призывы современных политиков и известных общественных деятелей отстаивать общечеловеческие ценности и руководствоваться принципами морали и справедливости» [Блюменкранц: 166].

Позиция крайнего релятивизма при рассмотрении проблем аксиологии была отчетливо выражена постмодернистами. «...И вновь мы сталкиваемся с ситуацией, — писал Ж. Бодрийяр, — аналогичной той, что имеет место в физике микромира: провести расчеты в терминах прекрасного или безобразного, истинного или ложного, доброго или злого так же невозможно, как вычислить одновременно скорость частицы и ее

положение в пространстве. Добро не располагается больше по ту сторону зла, ничто не имеет больше определенного положения в системе абсцисс и ординат» [Бодрийяр: 11].

В современных этико-философских исследованиях представлены как релятивистская, так и универсалистская концепции моральных ценностей. Так, академик А.А. Гусейнов утверждает, с одной стороны, что «мораль связана с представлением об абсолютных ценностях...» [Гусейнов 2008: 261], а с другой — что «мораль не поддается определению...» [Там же] и что до сих пор философами не найден «единый всеобщий принцип (закон) морали» [Там же: 250]. Но в таком случае этика не может считаться наукой, а мораль оказывается лишенной своего общечеловеческого содержания. В другой своей работе А.А. Гусейнов, по существу, отказывает этике в праве на формулирование положительных императивов. «Философская этика, — пишет автор, — окажется более удачливой и обретет новое дыхание в негативном варианте, если откажется от анализа норм, оставив такой анализ другим областям знания и практикам, и перейдет к анализу запретов, вместо вопроса “Что я должен делать?” сосредоточится на вопросе “Что я должен не делать?”» [Гусейнов 2014: 25]. Но если этика как философия морали «откажется от анализа норм», какие личности или институты будут осуществлять этот анализ? В новейшей истории мы знаем ужасающие примеры подобного положения вещей. Когда этически значимые явления оцениваются властью, отдельными «вождями», представителями экономической верхушки и т. п., общество погружается в бездну произвола и разнообразных форм морального зла.

В современной отечественной философии представлена и другая точка зрения, согласно которой мораль носит универсальный, общечеловеческий характер. Так, А.В. Прокофьев, признавая универсальность морали, рассматривает различные аспекты этой универсальности — общеадресованность, беспристрастность, абсолютность моральных суждений и норм. «В качестве характеристики наиболее общего ценностно-нормативного содержания морали, — пишет автор, — универсальность соединяется с абсолютностью. В качестве характеристики отдельных моральных ценностей и требований она проявляет себя в виде общеадресованности и выражает две стороны морального равенства: равенство всех перед моральным законом и равенство изначального природного достоинства индивидов. В качестве свойства отдельных моральных суждений она представлена в виде их универсализуемости и соединяется с такой их характеристикой, как беспристрастность» [Прокофьев: 47—48]. Однако, анализируя форму моральных суждений, раскрывая формальные критерии моральных оценок и норм, автор оставляет за скобками их общее ценностное содержание, содержание самого морального закона, перед которым должны быть равны все индивиды.

Формальный подход получил широкое распространение в современной западной этике, прежде всего в исследованиях представителей аналитической философии морали. Ярким примером могут служить работы известного британского специалиста в этой области Ричарда Хэара. Он считает мораль вполне объективной и рациональной, могущей быть предметом научного обсуждения, с чем нельзя не согласиться. В одной из своих работ автор справедливо критикует ошибку, характерную для философии морали XX века, а именно, утверждение, будто разум проявляет себя только через познание, то есть установление фактов или открытие истины [Хэар]. Это утверждение логически приводит к выводу, согласно которому мораль должна представлять

собой систему дескриптивных высказываний, описывающих некие моральные факты, подлежащие познанию. Хэар считает, что этический дескриптивизм ведет к релятивизму и предлагает рассматривать моральные суждения не как фактуальные предложения, а как предписания, прескрипции. Любые предписания предполагают наличие общих правил («Не кури, т. к. здесь дети»), что открывает возможность для их рационального обсуждения. Моральный выбор требует работы разума человека, чтобы поступать наилучшим для всех образом. Согласно автору, это и есть путь рационального разрешения всех моральных вопросов [Там же].

Далее логично было бы, на наш взгляд, обсудить вопрос, каковы эти общие моральные правила и что является нравственно наилучшим. Универсальное содержание моральных предписаний, то есть всеми признанное ценностное значение какого-либо феномена морали, Хэар считает закрытым для разума. Когнитивный подход уступает место утилитаристскому расчету и дополняющему его интуитивному принятию решения: «Когда мы сомневаемся в своей ситуации (из-за того, например, что в каком-то случае интуитивно принятые решения противоречат друг другу, и мы не в состоянии установить, какое из них правильное), нам следует выбрать лучшее из того, чем мы располагаем» [Там же: 21]. Таким образом, автор оказывается на тех же позициях утилитаризма и интуитивизма, которые он сам критикует в своей работе. И хотя он признает, ссылаясь при этом на Канта и Аристотеля, существование практического разума наряду с теоретическим, ему не удается дать рациональное обоснование универсальных прескрипций. Вслед за И. Кантом Хэар, по-видимому, считает их априорными, не имеющими оснований в эмпирическом мире, в фактах человеческого бытия. Тем самым моральные ценности как объект исследования выводятся за границы научно-философского знания, вопрос о последних основаниях морали остается нерешенным.

На наш взгляд, моральные нормы необходимо рассматривать как дескриптивно-прескриптивные высказывания [Зеленцова 2011]. Полный отказ от дескриптивного компонента нравственности приводит к ценностной дезориентации человека в сфере моральных проблем. Необходимо признать, что ценности, в том числе моральные, имеют отношение к жизненным фактам, а не только к сфере должного. Ценностное отношение к миру, наряду с его познанием и практическим освоением, является важнейшей характеристикой человеческой жизнедеятельности. Человек, будучи существом сознательным, осваивает мир целенаправленно и избирательно, т. е. он ставит цели и соответственно выбирает средства для достижения этих целей. И средства, и сами цели являются для человека ценностями. Человек вступает в многообразные отношения с другими людьми, которые (отношения) тоже являются ценностью. Любая вещь, любое свойство вещи, любое отношение может представлять для человека определенную ценность. Ценности вытекают из целей, цели, в свою очередь, вытекают из потребностей, а потребности — из общей природы человека [Там же]. Общая природа (родовая идентичность) человека и выступает тем «абсолютом», тем последним, вполне объективным и рационально постигаемым основанием морали, которое отвергают субъективисты.

Исследование человеческих потребностей и человеческой идентичности, позволяющее дать содержательную характеристику морального сознания, было предпринято, в частности, в современной гуманистической психологии. В результате этого исследования были выявлены объективные психологические необходимости человеческого существования («базовые

потребности»), представленные в известной «пирамиде потребностей» А. Маслоу. Одной из них является потребность в любви и привязанности, в единстве с другими людьми. Эту потребность как основную рассматривает Э. Фромм в своей гуманистической этике. Согласно Фромму, человек может меняться в связи с изменением экономической и социальной структуры общества, но его приспособляемость не безгранична. Существуют неотъемлемые психологические свойства человека (такие же императивные, как и физиологические потребности), которые нуждаются в удовлетворении [Фромм]. Важнейшее из них — стремление к единству с миром и с другими людьми, вытекающее из осознания индивидом своего одиночества и смертности. Существуют и другие универсальные тенденции, например, тенденция к росту, развитию, реализации способностей, возникших у человека в ходе истории: способности к творческому и критическому мышлению, «тонким» эмоциональным и чувственным переживаниям и др. Базовые потребности приводят к формированию таких идеалов, как добро, истина, справедливость и свобода. Эти идеалы, согласно Фромму, носят не метафизический (трансцендентный) характер, а коренятся в объективных условиях человеческой жизни, с одной стороны, и в общей природе человека, с другой стороны [Там же]. Таким образом, универсальный характер человеческих ценностей, в том числе моральных, получает в гуманистической психологии убедительное обоснование. В то же время становится очевидным, что моральные нормы имеют отношение к жизненным фактам, следовательно, носят дескриптивно-прескриптивный характер: они характеризуют объективные необходимости человеческой жизнедеятельности (взаимопомощь, сотрудничество, уважение и т. п.) и одновременно предписывают поступки, отвечающие этим потребностям.

Анализируя идеи Фромма, известные отечественные этики А.А. Гусейнов и Р.Г. Апресян* (признан в РФ иностранным агентом) отмечают, что именно потребность человека в единстве с другими людьми свидетельствует об укорененности морали в природе человека [Гусейнов, Апресян]. Авторы ставят вопрос об универсальном критерии морального поступка, критерии различения добра и зла, и в качестве такого критерия рассматривает идеал единства [Там же: 183—184]. «Нравственный идеал как образ совершенства заключается во всеобщем духовном единении людей, и в этом состоит абсолютное добро», — отмечают они [Там же: 191]. Конкретизируя понятия добра и зла, авторы определяют добро как преодоление обособленности, разобщенности, отчуждения между людьми, а также как доброту, милосердие и любовь, а зло — как враждебность, насилие и т. п. [Там же]. В качестве специфических особенностей морали авторы называют императивность и универсальность [Там же: 198—199], с чем нельзя не согласиться.

Однако понимание нравственного идеала как духовного единства людей требует дальнейшего уточнения. Какова цель этого единства? Ведь единство обнаруживает себя и в преступных сообществах, и в террористических организациях, и в религиозных сектах и т. п. Конечно, можно сказать, что объединение ради добра и будет нравственным. Но что такое добро? Если добро определять через понятие единства, мы получаем круг в определении. Не решает проблему и обращение к таким понятиям, как долг, милосердие и любовь, поскольку сами они нуждаются в определении, если мы рассматриваем их как категории этики, а не как интуитивные представления. Необходимо дать содержательное определение морали, ее специфической цели, сформулировать основной моральный закон (императив), универсальный

по своему характеру. Если какая-либо область знания не формулирует хотя бы одного универсального (в собственных границах) закона, она не может считаться научной.

Проблема специфической цели нравственности была основной в истории этики. Первым, кто ее сформулировал, был, по-видимому, Аристотель. Он указал две цели морали — благо личности и благо общества — и поставил вопрос об их соотношении, заметив, что более предпочтительным следовало бы считать благо общества. Стоицизм единственной подлинной целью считал исполнение долга, то есть служение обществу, эпикуреизм же на первое место ставил достижение личного счастья. В Новое время также сохранялись две точки зрения: альтруизм (теория нравственного чувства А. Смита) и эгоизм (теория «разумного эгоизма», утилитаризм). «Синтез противоположностей» был произведен И. Кантом, который был и, наверное, остается мыслителем, наиболее глубоко проникшим в «тайну» нравственного феномена.

Из этических идей Канта наиболее известен его «категорический императив». Первая его формулировка гласит: «поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» [Кант: 260]. Таким образом, на первое место Кант ставит требование поступать в соответствии с «всеобщим законом», выражающим, очевидно, интересы общества в целом (общечеловеческие интересы), общее благо. Вторая формулировка категорического императива такова: «поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого также как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству» [Там же: 270]. Как видим, на второе место философ ставит требование уважать личное благо, ценность и достоинство единичного человека. Единство этих двух целей еще не подчеркивается, но явно подразумевается их включением в одну формулу. По сути, развивая идею категорического императива, Кант дает определение высшего блага как единства долга и счастья и уточняет понимание личности как цели, определяя последнюю как конечную цель.

Этическая теория Канта получила развитие в современной отечественной этике, в частности, в работах Г.Н. Гумницкого. Автор дает глубокий, содержательный анализ морали, формулирует основной моральный закон и предлагает определения основных моральных понятий. Так как в качестве субъекта, исполняющего основной моральный закон, полагается личность, он формулируется как отношение (сумма отношений) личности к определенным целям, а именно: к общему благу как к исходной и ведущей цели, к личному благу как к конечной цели и к их единству (гармонии) как к высшей цели, высшему благу. Если представить основное моральное отношение (ОМО) как требование (императив), оно будет звучать следующим образом: всегда относись к благу общества как к первичной цели, к благу личности — как конечной цели, а к их единству — как к высшей цели [Гумницкий: 21].

Отношение личности к благу общества как к своему главному, первичному благу является исходным моральным отношением. Оно выражает принцип коллективизма — основной принцип морали. Следование этому принципу необходимо для сохранения социальной системы, в которой только и может существовать индивид. Однако общее благо не является самоцелью, оно служит лишь средством удовлетворения индивидуальных потребностей членов общества. Общество существует в конечном счете для людей, их благо — его конечная цель. Поэтому и для отдельного человека благо другого должно быть

конечной целью. (Это не означает, что мораль требует от человека меньше заботиться о себе, чем о других. Она лишь требует не ставить других ниже себя, не считать их только средствами для реализации собственных интересов.) Отношение индивида к благу личности как к конечной цели — второе фундаментальное моральное отношение. Оно выражает принцип гуманности, не менее важный с точки зрения нравственности, чем принцип коллективизма.

Единство коллективизма и гуманности дает полное представление о специфике морали. Невозможна подлинная забота о благе общества, если она не имеет в виду благо его членов. Забота же о благе индивида, если она подрывает общее благосостояние, не имеет морального характера, отрицает сама себя как моральное явление. Поэтому высшей целью морали и моральным идеалом является приведение в гармонию интересов отдельной личности и интересов социального целого. Этот моральный идеал и выражен в сформулированном Г.Н. Гумницким основным моральном законе (ОМЗ), приведенном выше. Основным моральным законом — закон гармонизации интересов общества и личности (целого и части) — является не только собственно моральным, но и фундаментальным общесоциологическим законом.

Выявив специфическую сущность морали, можно дать ее четкое и логически обоснованное определение: мораль — *это регулятивная форма общественного сознания, т. е. совокупность знаний, оценок, чувствований человека, а также норм поведения человека в обществе, содержанием которых является ОМЗ*. На основе этого определения можно дать и определения основных форм морали [Там же: 48]. Например, добро можно определить как цель ОМО, долг — как необходимость ОМО, форму обеспечения блага общества, гуманность — как форму обеспечения блага личности (конечной цели ОМО), справедливость — как конкретизацию гуманности, ее меру при соблюдении правильного соотношения равенства и неравенства членов общности и т. д. Так можно представить систему наиболее общих этических категорий. Эти категории — понятия самой морали, выражающие ее сущность как формы общественного сознания, которая регулирует отношения между общностью и составляющими ее индивидами.

На чем основано утвердившееся в этике понимание сущности морали как способа гармонизации социальных отношений? Очевидно, на анализе социальных потребностей человеческой жизнедеятельности, общей природы человека [Ерофеева]. Человек по своей общей природе — существо социальное, т. е. живущее и способное выживать только в сообществах. Социальность присуща всему живому, человек унаследовал ее от своих животных предков. Человеческие гены передаются из поколения в поколение, пока люди остаются людьми. Наследуются и свойства социальности, потребности в сообществе. И свое духовное воплощение эти потребности получают в морали. Кроме социальных, человек характеризуется и индивидуальными, узколичными потребностями, а значит, в его поведении проявляются две противоположные объективные необходимости: одна в обеспечении общего, другая — личного блага. На основе их взаимодействия, в частности противодействия друг другу, возникает необходимость их уравнивания, гармонизации. Осуществление этой необходимости полезно для социума, а нарушение вредно и опасно как для общности в целом, так и для каждого ее члена. Именно она служит основанием морали, которая является духовным

средством ее реализации. Из этой необходимости и вытекает сущность морали, ее специфика как особой формы общественного сознания.

Конечно, моральный идеал — это абстрактный идеал, но от этого он не теряет своей значимости. В реальной жизни абстрактное, общее всегда «модифицировано», конкретизировано в зависимости от своеобразия исторических условий, национальных, культурных и других особенностей того или иного общества. В классовом обществе мораль носит классовый характер, накладывающий ограничения на действие таких моральных феноменов, как долг, солидарность (национальное единство), гуманность, справедливость и др., но это не значит, что к числу моральных можно отнести любые правила и принципы поведения, например, те, целью которых является исключительно личная выгода. Мораль всегда сохраняет в себе общее, инвариантное, а именно, она по своей сути антиэгоистична, и в тех случаях, когда мотивом поведения служит личный интерес, требует его согласования с общим, исключения возможности нанесения ущерба другим — группе, классу или обществу в целом.

Наличие инвариантного, общего и абсолютного начала в морали свидетельствует о том, что моральные нормы — не просто чьи-то субъективные пожелания; они имеют реальную почву в эмпирическом мире и отражают объективные законы человеческой жизнедеятельности. Эта идея ясно прозвучала, в частности, в выступлении ректора Бостонского университета Дж. Силбера на XX Всемирном философском конгрессе. «Нравственность, — отмечал он, — сложилась в течение веков как отражение человеческой борьбы за существование, которая делает нравственные законы столь же предсказуемыми и достоверными, как и законы естественных наук» [Силбер: 71]. И далее: «Релятивность моральной практики (или того, что видится как релятивность) на самом деле является отражением объективных и универсальных моральных принципов в определенном культурно-социальном контексте» [Там же: 74]. Автор приводит следующий пример: предположим, некто является правителем, который обязан гарантировать спасение народа в кризисной ситуации. Объективно существующая необходимость обеспечить выживание людей сама будет диктовать этому лидеру, какие принципы поведения он с неизбежностью должен будет установить: не убий, не укради, не нарушай обещаний, помогай ближнему и т. п. [Там же: 75]. Что касается эгоистических правил достижения личного успеха в ущерб социальной общности, к которой личность принадлежит, то они не могут быть отнесены ни к какой системе морали.

Положение о единстве относительного и абсолютного, многообразного и единого во всех сферах социальной жизни, в культуре в целом получило обоснование, в частности, в работе А.В. Смирнова «Всечеловеческое vs. общечеловеческое». Автор рассматривает проблемы логики мышления и отношения к миру в различных культурных системах с точки зрения диалектики всеобщего, особенного и единичного. Он приходит к выводу о ценности разнообразия таких культурно-исторических «логик». «Мир становится глобальным в смысле своей все-связанности, и это невозможно отменить, — отмечает автор. — Но кто сказал, что он должен непременно стать моно-логичным? Всечеловеческий проект мирового устройства — это проект сохранения всего многообразия, всего богатства проявлений человеческого духа, открывшего себя в многообразии логик, развернутых как многообразие культур» [Смирнов: 204].

Разумеется, и в этической теории представления об общечеловеческом компоненте морали менялись с углублением знаний о закономерностях

общественной жизни и о сущности человека. Исторически изменчивый характер понимания общечеловеческих ценностей подчеркивает, в частности, Л.Н. Егорова в своей диссертационной работе «Общечеловеческие ценности как объект философского анализа» [Егорова]. Но это обстоятельство не дает оснований сомневаться в наличии общечеловеческого содержания морали. Более того, можно надеяться, что развитие этической теории как важнейшей части обществензнания, будет способствовать прогрессу во всех областях моральной практики.

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Моральность представляет собой атрибутивное качество родового человека. Будучи существом социальным, человек с необходимостью вступает в отношения с другими людьми и сообществами людей. Эти отношения невозможны без определенных норм (запретов и предписаний), которые и составляют мораль на уровне обыденного сознания, рефлексии реальных нравов и поведенческих стереотипов. Назначение морали в обществе состоит в гармонизации интересов всех индивидуальных и коллективных субъектов поведения.

Общечеловеческим содержанием морали (моральным добром, морально-положительным поведением) является все, что способствует этой гармонизации интересов, следовательно, соответствует социальности как сущностной черте родового человека. Моральным злом, морально-отрицательным поведением, соответственно, оказываются мотивы и поступки, нарушающие гармонию интересов и тем самым наносящие вред как общественному целому, так и отдельным его представителям, индивидам.

Этика как теория морали вычленяет законы существования моральной сферы и формирует идеал в данной области как абстрактный предел всех моральных усилий и устремлений субъектов. Критерий этической оценки морально значимых норм, бытующих в том или ином типе общества, коренится в самой сущности морали, в ее общечеловеческом содержании.

Многообразие конкретных форм моральных требований, как и многообразие этических подходов к проблеме общечеловеческого, не отменяет инвариантного содержания морали. Как в отдельном представителе человеческого рода сочетаются общие для всех людей и уникальные черты, так каждый морально значимый поступок сочетает в себе элементы общечеловеческого содержания морали и уникального выражения этого содержания.

Наличие общего ценностного содержания в понятии морали, сама возможность дать определение морали вообще свидетельствует о том, что мораль не субъективна, она носит универсальный характер, имеет объективные основания в природе человека и в природе его отношений с миром. Мораль выражает объективные закономерности общественной (коллективной) жизни. Мораль объективна и универсальна также и потому, что она имеет глубокие основания в биологии и психологии человека.

Научно-теоретический подход к проблеме сущности морали, рациональное определение морали и основных моральных понятий имеют важное практическое значение, поскольку они способствуют пониманию универсального и объективного характера моральных ценностей, выработке общезначимых моральных норм, без чего невозможна нормальная социальная жизнь, единство человечества.

Список литературы / References

- Блюменкранц М. В поисках этики, или Археология Зазеркалья. Письмо к немецкому другу // Вопросы философии. 2014. № 1. С. 166—170.
(Blumenkrantz M. In search of ethics, or Archeology through the looking-glass. Letter to a german friend, *Questions of Philosophy*, 2014, no. 1, pp. 166—170. — In Russ.)
- Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2007. 244 с.
(Baudrillard J. Transparency of evil, Moscow, 2007, 244 p. — In Russ.)
- Гумницкий Г.Н. Основы этики: монография. Изд. 2, испр., доп. Иваново, 2016. 132 с.
(Gumnitsky G.N. Fundamentals of ethics, ed. 2, Ivanovo, 2016, 132 p. — In Russ.)
- Гусейнов А.А. Без этики нет философии (Ответы на вопросы журнала «Логос») // Логос. 2008. № 1. С. 239—262.
(Guseynov A.A. There is no philosophy without ethics (Answers to the questions of the Logos magazine), *Logos*, 2008, no. 1, pp. 239—262. — In Russ.)
- Гусейнов А.А. Философия как этический проект // Вопросы философии. 2014. № 5. С. 16—26.
(Guseynov A.A. Philosophy as an ethical project, *Questions of Philosophy*, 2014, no. 5, pp. 16—26. — In Russ.)
- Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика. М.: Гардарики, 2000. 472 с.
(Guseynov A.A., Apresyan R.G. Ethics, Moscow, 2000, 472 p. — In Russ.)
- Егорова Л.Н. Общечеловеческие ценности как объект философского анализа: дис. ... канд. филос. наук. М., 1992. 131 с.
(Egorova L.N. Universal values as an object of philosophical analysis: dissertation ... Cand. of Sciences (Philosophy), Moscow, 1992, 131 p. — In Russ.)
- Ерофеева К.Л. Человек в информационном обществе: сущность и существование. Иваново, 2007. 408 с.
(Erofeeva K.L. Man in the information society: essence and existence, Ivanovo, 2007, 408 p. — In Russ.)
- Зеленцова М.Г. Монистическая парадигма философского понимания мира и человека. Иваново, 2001. 248 с.
(Zelentsova M.G. Monistic paradigm of philosophical understanding of the world and man, Ivanovo, 2001, 248 p. — In Russ.)
- Зеленцова М.Г. К проблеме истинности моральных суждений // Вестник Российского философского общества. 2011. № 1. С. 101—107.
(Zelentsova M.G. On the problem of the truth of moral judgments, *Bulletin of the Russian Philosophical Society*, 2011, no. 1, pp. 101—107. — In Russ.)
- Кант И. Критика практического разума // Кант И. Сочинения в 6-ти томах. М.: «Мысль», 1965. Т. 4. Ч. 1. 544 с.
(Kant I. Critique of Practical Reason, *Kant I. Compositions in 6 vols*, Moscow, 1965, vol. 4, pt. 1, 544 p. — In Russ.)
- Прокофьев А.В. Универсальность как свойство моральных явлений // Вопросы философии. 2018. № 11. С. 47—56.
(Prokofiev A.V. Universality as a property of moral phenomena, *Questions of Philosophy*, 2018, no. 11, pp. 47—56. — In Russ.)
- Силбер Дж. Философия и будущее образования // Вестник Российского философского общества. 2001. № 2. С. 64—81.
(Silber J. Philosophy and the future of education, *Bulletin of the Russian Philosophical Society*, 2001, no. 2, pp. 64—81. — In Russ.)

Смирнов А.В. Всечеловеческое vs. общечеловеческое. М.: Садра: Издательский Дом ЯСК, 2019. 216 с.

(Smirnov A.V. The all-human vs. the generally-human, Moscow, 2019, 216 p. — In Russ.)

Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1990. 256 с.

(Fromm E. Escape from freedom, Moscow, 1990, 256 p. — In Russ.)

Хэар Р. Как же решать моральные вопросы рационально? // Мораль и рациональность. М.: ИФРАН, 1995. С. 9—21.

(Hare R. How to solve moral questions rationally?, *Morality and rationality*, Moscow, 1995, pp. 9—21. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 24.11.2022; одобрена после рецензирования 24.01.2023; принята к публикации 27.03.2023.

The article was submitted 24.11.2022; approved after reviewing 24.01.2023; accepted for publication 27.03.2023.

Информация об авторах / Information about authors

Ерофеева Ксения Леонидовна — доктор философских наук, профессор кафедры истории, философии и права, Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина, г. Иваново, Россия, xenia.erofeeva@mail.ru

Erofeeva Kseniya Leonidovna — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor of History, Philosophy and Law Department, Ivanovo State Power Engineering University named after V.I. Lenin, Ivanovo, Russian Federation, xenia.erofeeva@mail.ru

Зеленцова Марина Григорьевна — доктор философских наук, профессор кафедры философии, Ивановский государственный химико-технологический университет, г. Иваново, Россия, marigumm@gmail.com

Zelentsova Marina Grigorievna — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor of Philosophy Department, Ivanovo State University of Chemical Technology, Ivanovo, Russian Federation, marigumm@gmail.com

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2. С. 174—182.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 2. P. 174—182.

Научная статья

УДК 1:316.422

DOI: 10.46726/И.2023.2.18

ФИЛОСОФИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАЧЕСТВА: ИСКУШЕНИЕ HI-TECH И HI-HUME ИСКУПЛЕНИЕ

Мерине Акоповна Меликян, Дмитрий Григорьевич Смирнов

Ивановский государственный университет,
г. Иваново, Россия, merimelikyana@mail.ru, smirnovdg@ivanovo.ac.ru

Аннотация. В центре внимания авторов — философия человеческого качества в эпоху шестого технологического уклада. Предложена система координат единой теории человека. Очерчен ее культурный дискурс в контексте ноосферной проблематики. Обоснована адекватность комплексного деонтологического подхода к феномену человеческого качества. Hi-tech и hi-hume сферы проанализированы с точки зрения их детерминативного и логического соотношения. Раскрыты риски и угрозы hi-tech парадигмы цивилизационного развития. Показано, что hi-hume сфера задается тремя номотетическими законами и четырьмя принципами. Зафиксированы этологические максимы духовного производства через призму личностно-персоналистического подхода. Сделан вывод о комплементарности hi-tech и hi-hume сфер и о когнитивной специфике последней в условиях техногенного развития.

Ключевые слова: человеческая революция, человеческое качество, единая теория человека, hi-tech, hi-hume, духовное производство, ноосферная история

Для цитирования: Меликян М.А., Смирнов Д.Г. Философия человеческого качества: искушение hi-tech и hi-hume искупление // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2. С. 174—182.

Original article

PHILOSOPHY OF HUMAN QUALITY: HI-TECH TEMPTATION AND HI-HUME REDEMPTION

Merine A. Melikyan, Dmitry G. Smirnov

Ivanovo State University, Ivanovo,
Russian Federation, merimelikyana@mail.ru, smirnovdg@ivanovo.ac.ru

Abstract. The authors focus on the philosophy of human quality in the era of the sixth technological order. A system of coordinates for a human unified theory is proposed. Its cultural discourse is outlined in the context of noospheric problems. The adequacy of the complex deontological approach to the phenomenon of human quality is substantiated.

© Меликян М.А., Смирнов Д.Г., 2023

• Серия «Гуманитарные науки»

Hi-tech and hi-hume spheres are analyzed from the point of view of their determinative and logical relationship. The risks and threats of the hi-tech paradigm of civilizational development are revealed. It is shown that the hi-hume sphere is defined by three nomothetic laws and four principles. The ethological maxims of spiritual production are fixed through the prism of the personal-personalistic approach. The conclusion is made about the complementarity of hi-tech and hi-hume spheres and about the cognitive specificity of the latter in the conditions of technogenic development.

Keywords: human revolution, human quality, human unified theory, hi-tech, hi-hume, spiritual (inner) production, noospheric history

For citation: Melikyan M.A., Smirnov D.G. Philosophy of human quality: hi-tech temptation and hi-hume redemption, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 2, pp. 174—182.

Концепты человеческой революции, понимаемой как «качественный скачок в человеческом мышлении и поведении» [Печчеи: 36], и человеческого качества («среднего индивидуума») как «всего лучшего, что есть в нас» [Печчеи: 86]¹ заняли определяющее место в общей картине мира с легкой руки искателя «глобальной истины» (как называет его академик Д.М. Гвишиани) Аурелио Печчеи. Сам вопрос о феномене человека и роли субъективного фактора в ноосферной истории [Смирнов Г., Смирнов Д.] стал краеугольным для современной философии благодаря М. Шелеру, системообразующей идеей антропологии которого становится «единая теория человека». Антропологические репрезентации человеческой революции образно располагаются между двумя точками своеобразной системы координат, на одном конце оси которой находится «единая теория человека», а на другом — «одномерный человек». В этом пространстве обнаруживают себя «особые люди» — символический, информационный, играющий, читающий, техносферный и многие другие как концепты, тяготеющие к одному из указанных «полюсов».

Очевидно, что «проблема пределов человеческого роста и человеческого развития является по сути своей проблемой главным образом культурной» [Печчеи: 159]. «Культурный» дискурс обнаруживает себя многим раньше. Наиболее отчетливо он выкристаллизовывается у П.А. Флоренского в учении о пневмосфере [Переписка...], у В.И. Вернадского в представлении о «культурной биогеохимической энергии» [Вернадский], у Г. Бейтсона в его императиве единства разума и природы [Бейтсон], у Н.Н. Моисеева в его идее «коллективного разума» [Моисеев], равно как у Ю.М. Лотмана в его концепции семиосферы [Лотман] и Вяч.Вс. Иванова в его семиотическом принципе [Иванов]. Он выгодно отличает антропологические штудии Э. Кассирера, А. Гелена, Х. Плеснера, культурологические труды Х. Ортега-и-Гассета, публицистические работы У. Эко.

Очередной — уже шестой — технологический уклад неизбежно предполагает определенную антропологическую динамику, которая касается не только биологических, психологических моментов, но и человеческого качества в единстве его когнитивного, ценностного и профессионального измерений.

¹ А. Печчеи, главная книга которого увидела свет в 1977 году, уже в самом названии «The Human Quality», которое равнозначно переводится и как «человеческое качество» и как «человеческие качества», поставил фундаментальный для всего XX века философский вопрос об «антропологической множественности» человека и человеческого.

Новая реальность заставляет современного человека сменить «культурологическую линзу», при помощи которой он на протяжении XX века наблюдал за большой и малой социокультурной динамикой. С философской точки зрения причина такого гносеологического поворота заключена в «вульгарном (новом) пифагореизме», который ограничивает интенцию «описывать не наше мышление, а свойства реального мира» [Косилова: 538] исключительно «числовым» измерением человеческого качества.

Парадигма качественного понимания вещей, когда последние представляются как овеществленные свойства и отношения, позволяет преодолеть формализацию человеческого качества². Предметом нашего исследовательского внимания в эпоху господства высоких технологий и компетентностного подхода является классификация, согласно которой выделяют hi-tech компетенции, восходящие к high-technologies (высоким технологиям) и hi-hume компетенции, являющиеся основой high human technologies (высоких гуманитарных технологий). Цель статьи — обосновать значимость hi-hume измерения человеческого качества техногенного homo sapiens.

Монистичность современного техномышления постепенно уступает место «классической» дуалистичности, которая в рамках нашего предпосылочного знания раскрывается в рядоположенности материального и духовного производства, техносферы и ноосферы, техносферного человека и ноосферного человека. Монистичность в рамках философского дискурса предполагает акцентуацию на каком-то одном основании бытия. В качестве последнего для современного сетевого человека выступает цифровое, компьютерное бытие, получившее обобщенное имя hi-tech. «Врожденная» дуальность человеческого мышления рядопологает hi-tech сфере область hi-hume.

Детерминантивное соотношение феноменов hi-tech и hi-hume неоднозначно. Логика подсказывает, что оно должно быть описано через призму принципа дополнительности. Вместе с тем в современных условиях hi-hume рассматривается чаще всего как следствие, или, точнее, как логическое продолжение hi-tech [Жукова 2007: 30—31]. В том же духе смотрит на взаимосвязь hi-hume и hi-tech технологий И. Лысак, которая отмечает, что задача hi-tech заключается в производстве, а задача hi-hume заключается в том, чтобы «создать миф о необходимости продуктов Hi-Tech» [Лысак: 261]. Подчиненная (второстепенная, ведомая) позиция hi-hume, которая постулируется выше, на наш взгляд, обедняет содержание этого феномена.

В настоящий момент в исследовательской литературе доминирует технологический тезаурус анализа феноменов hi-tech и hi-hume, который концентрирует внимание на hi-tech и hi-hume технологиях. Так, hi-hume технологии «предназначены для целенаправленного изменения человеческого сознания, как индивидуального, так и массового» [Жукова 2007: 30], воздействуют «на сознание индивидов или групп с целью изменения их поведения и взаимоотношений», позволяют «эффективно управлять поведением других людей» [Лысак: 260, 262], «ориентируют людей на быстро сменяющуюся

² Примечателен в этом контексте подход, в рамках которого выделяют soft skills, включающие в себя навыки индивидуального (личностного) характера, hard skills — навыки, напрямую связанные с профессиональной деятельностью, и self skills, «означающие навыки построения себя и заботы о себе» [Селф-компетенции...]. Обратим внимание, что есть тенденция дополнения этой тернарной классификации за счет диджитал скиллз (digital skills), или цифровых навыков, не сводимых к уже наличествующим.

и постоянную потребность в приобретении новых товаров...» [Шелковая: 39]. Более эвристичной представляется позиция В.Д. Курганской и В.Ю. Дунаева, которые рассматривают шестой технологический уклад через призму конвергенции естественнонаучных hi-tech технологий (технологий преобразования природных материалов) и социогуманитарных hi-hume технологий (технологий самопреобразования человека) [Курганская, Дунаев: 371].

Переход из сугубо технологического тезауруса в комплексный позволяет вести речь, наряду с hi-tech производством [Жукова 2007: 30], и о hi-hume производстве, которое следует понимать как (вос)производство человеческого качества (в первую очередь, в когнитивно-семиотическом плане). С нашей точки зрения, главной теоретической проблемой hi-hume производства является проблема эталона, а главным методологическим вопросом оказывается выбор между онтологическим и деонтологическим регулятивами.

Причинно-следственная зависимость hi-hume от hi-tech создает опасную антропологическую ситуацию, когда производство человеческого качества ставится в прямую зависимость от особенностей и предметных результатов hi-tech производства. Так, роботофилия [Лем] провоцирует рассмотрение в качестве антропологического образца «нечеловека». Образцом мышления становятся когнитивные алгоритмы компьютерных программ и сервисов. Этология человека выстраивается по образу и подобию поведения в социальных сетях и симуляторах.

Бытие в VUCA и BANI мирах — нестабильном и хрупком — предполагает, на наш взгляд, отказ от «онтологической» ориентации hi-hume производства. С точки зрения ноосферной безопасности оно не может быть ориентировано на ситуацию здесь-и-сейчас. Человеческое качество в подобной ситуации должно иметь своеобразный «запас прочности», производиться на перспективу, быть результатом опережающего отражения. В этом смысле деонтологический посыл более адекватен hi-hume производству, ибо задает определенные категорические антропологические регулятивы.

Обратимся к дискурсу философской антропологии, которая на протяжении всего XX века пыталась предотвратить потерю «человечеством человека». Эвристичными представляются идеи М. Шелера, который рассматривал человека как существо, обладающее уникальной способностью погружаться в сферу абсолютно сущего и высшего добра. По мнению М. Шелера, «человек способен к *трем видам знания*: к знанию ради *господства*, или ради достижений, к *сущностному*, или образовательному знанию, и к *метафизическому* знанию, или знанию ради спасения» [Шелер 1994а: 5].

Знание ради господства — это «знание *специальных позитивных наук*, на которых держится вся наша западная цивилизация» [Там же: 5]. Это знание необходимо человеку для того, чтобы обрести власть над природой и другими людьми: «ради нашего господства над миром и нами самими» [Там же: 6]. Знание ради господства зависит от пространства и времени, оно бытийствует здесь-и-сейчас, будучи во многом основано на чувственном восприятии предметной действительности. Сущностное знание является фундаментальным знанием «о способах бытия и сущностной структуре всего, что есть» [Там же: 7], оно ориентировано на разум, который стремится к постижению сути вещей. В итоге «появляется *любящее*, нацеленное на поиск первофеноменов и идей мира поведение» [Там же: 8]. Это знание не столько о предметах, сколько о свойствах и отношениях, которые «скрываются» за предметным миром, данным нам в ощущении. Оно не зависит

от пространства-времени, бытийствуя в везде-вечности. Синтез знания ради господства и сущностного знания порождает третий вид знания — метафизическое знание [Там же: 11]. Метафизическое знание — это высшая форма знания, которая ведет к пониманию абсолютного, к постижению Бога.

С нашей точки зрения, М. Шелер (на своем философском языке) раскрыл смысл соотнесения hi-tech производства (добывающего знания ради господства) и hi-hume производства (открывающего сущностное знание). Он также весьма точно выразил итог целеполагания духовного и материального производства в целом — знание ради спасения — спасение человеческого в человеке.

XX век наглядно продемонстрировал, что происходит с цивилизацией, когда на смену «думающему-обо-всем и всё-чувствующему *мудрому сердцу*» приходит «сама-о-себе-думающая *умная голова*» [Шелковая: 47]. (Вос)производство потребительской рациональности привело к тому, что человек «всё более стал превращаться в биоробота» [Там же], подстраиваясь под реалии техногенной цивилизации. Деонтологическая позиция, ориентирующая на сферу должного, предполагает философское определение координат hi-hume сферы, неразрывно связанной с аксиологической и, соответственно, этологической проблематикой.

Hi-hume сфера задается рядом номотетических законов, среди которых основными являются *основной ноосферный закон, основной семиотический закон, основной моральный закон* (основное моральное отношение)³. Основной ноосферный закон раскрывает механизм взаимодействия вещества, энергии и информации в ноосфере. Человек (человечество) как субъективный фактор ноосферы осуществляет отбор определенной информации, которая порождает релевантную (информации) энергию, а последняя генерирует вещество (в том числе и качественно новые его формы) — информация генерирует энергию, энергия структурирует вещество [Дмитревская, Портнов, Смирнов: 44]. Основной семиотический закон через призму представлений о распределении раскрывает логику порождения информации, которая впоследствии сознает новый предметный мир — вещество разворачивается в энергию, энергия распаковывается в информацию [Смирнов Д. 2008: 103]. Основной моральный закон устанавливает формы соотнесенности личности, общества и государства через «отношение личности к благу общества и к личному благу как к первичной и конечной целям и к их единству как к высшей цели» [Гумницкий: 26—27]. Рассмотренные законы соответственно «покрывают» фундаментальные срезы философского видения мира — онтологический, гносеологический и аксио-праксиологический.

С позиции ноосферологии разворачивание этих законов в цивилизационной плоскости позволяет зафиксировать диалектические принципы развития культуры — *принцип сложности сознания* П. Тейяра де Шардена, *принцип примитивности мышления* Г. Бейтсона, *семиотический принцип* Вяч.Вс. Иванова, *инвайронментальный принцип*. Закон сложности сознания устанавливает, что эволюция происходит в направлении увеличивающейся сложности, сопровождаясь при этом соответствующим ростом сознания, достигающего высшей точки в человеческой духовности [Тейяр: 132],

³ Перечень этих законов может быть расширен, например, за счет включения в него закона «естественной искусственности» и «опосредованной непосредственности» [Плеснер].

в ноосфере. Принцип примитивности мышления гласит, что «примитивные идеи будут вытеснять сложные, а вульгарное и отвратительное всегда будет вытеснять красивое» [Бейтсон: 19]. Семиотический принцип, согласно которому «в истории культуры отбираются те именно знаковые системы и тексты, которыми развитие человечества направляется в сторону ноосферы» [Иванов: 27], во многом снимает противоречие первых двух принципов, раскрывая телеологичность эволюции глобальной (всечеловеческой) культуры. Указанные принципы следует рассматривать в контексте диалектической триады Гегеля — как тезис, антитезис, синтез. Инвайронментальный принцип объясняет «средовую» логику развития культуры, утверждая, что «чем совершеннее материальная организация внешней среды организма», и чем, соответственно «меньше вызовов, расширяющих сознание, необходимых для его прогрессии», тем «более медленными темпами идет развитие организованности сознания и ... мышления» [Смирнов Д. 2012: 229]⁴.

Разворачивание феномена hi-hume в этологическую плоскость позволяет зафиксировать определенные максимы. Особенно отчетливо они видны через призму личностно-персоналистического подхода. Так, для натуралиста В.И. Вернадского такими максимами являются истина, сомнение, свобода, альтруизм [Смирнов Г. 1998]. Для гуманитариста Д.С. Лихачева таковыми выступают доброта, интуиция, эстетическая открытость, интеллигентность.

Подводя итог сказанному выше, отметим, что сфера hi-tech — это производство вещей, предметного образа будущего, его материального измерения. В свою очередь, hi-hume сфера — это обеспечение (вос)производства, оптимизации свойств и отношений, этологических моделей. Очевидно, что hi-hume гораздо сложнее в рамках производственного цикла. Предметы гораздо быстрее обнаруживают изъяны конструкции и алгоритма производства. Девиации свойств и отношений проверяются громадными промежутками времени. Вместе с тем ошибки материального производства, вызванные недоформированностью hi-tech компетенций, неизмеримо более мелки по сравнению с ошибками hi-hume производства, ибо они влекут за собой изменение картины мира.

Hi-hume сфера как область духовного производства «подчиняется» основному ноосферному закону, основному семиотическому закону, основному моральному закону. В ней «работает» бинарная пара — принцип сложности сознания и принцип примитивности мышления, а также семиотический и инвайронментальный принципы. Разворачивание данных принципов на субстрате человека (человечества) «порождает» релевантные всечеловеческие максимы, рядоположенность которых задается личностно-персоналистическим измерением бытия.

Акцентуация hi-hume среза человеческого качества, с нашей точки зрения, позволит преодолеть ситуацию, зафиксированную М. Шелером: «за последние десять тысяч лет истории мы — первая эпоха, когда человек стал совершенно “проблематичен”; когда он больше не *знает, что* он такое» [Шелер 1994b: 70]. Единая теория человека в пространстве «ограниченных» сфер (социосферы, антропосферы, техносферы, инфосферы) начинает разрушаться в силу отсутствия всеединства и целостности, что является лишь отражением

⁴ Здесь стоит обратить внимание на релевантный принцип, выведенный академиком Д.С. Лихачёвым — «чем сложнее среда, тем проще внутренний мир человека; и наоборот, чем среда проще, тем богаче он может быть».

утверждения расколотой реальности. Идея «единой теории человека» в контексте современного технологического уклада должна развиваться на основе признания дополнительности hi-tech производства и hi-hume производства и, как следствие, hi-tech и hi-hume компетенций, лежащих в основании нового (ноосферного) человеческого качества.

Список литературы / References

- Бейтсон Г. Разум и природа: неизбежное единство. М.: КомКнига, 2007. 248 с.
(Bateson G. *Mind and Nature: A Necessary Unity*, Moscow, 2007, 248 p. — In Russ.)
- Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
(Vernadsky V.I. *Scientific thought as a planetary phenomenon*, Moscow, 1991, 271 p. — In Russ.)
- Гумницкий Г.Н. Основы этики. Иваново: ИвГПУ, 2016. 132 с.
(Gumnitsky G.N. *Fundamentals of ethics*, Ivanovo, 2016, 132 p. — In Russ.)
- Дмитревская И.В., Портнов А.Н., Смирнов Г.С. Ноосферная динамика России: философские и культурологические проблемы // Ноосферные исследования. 2002. Вып. 1. 154 с.
(Dmitrevskaya I.V., Portnov A.N., Smirnov G.S. *Noospheric dynamics of Russia: philosophical and cultural problems*, *Noospheric Studies*, 2002, no. 1, 154 p. — In Russ.)
- Жукова Е.А. Человек в плену Hi-Hume // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (Философия). 2007. Вып. 11 (74). С. 29—35.
(Zhukova E.A. *Man in the captivity of Hi-Hume*, *Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University. Series: Humanities (Philosophy)*, 2007, no. 11 (74), pp. 29—35. — In Russ.)
- Иванов Вяч.Вс. О выборе веры в Восточной Европе // Природа. 1988. № 12. С. 26—38.
(Ivanov V.Vs. *On the choice of faith in Eastern Europe*, *Nature*, 1988, no. 12, pp. 26—38. — In Russ.)
- Косилова Е.В. Пифагореизм в современной философии математики // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. № 4. С. 528—540.
(Kosilova E.V. *Pythagoreanism in modern philosophy of mathematics*, *Bulletin of the Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*, 2021, no. 4, pp. 528—540. — In Russ.)
- Курганская В.Д., Дунаев В.Ю. Парадигма трансдисциплинарной конвергенции Hi-Tech и Hi-Hume технологий в герметической традиции // Россия: тенденции и перспективы развития. 2020. Вып. 15. Ч. 2. С. 371—376.
(Kurganskaya V.D., Dunaev V.Yu. *The paradigm of transdisciplinary convergence of Hi-Tech and Hi-Hume technologies in the hermetic tradition*, *Russia: trends and development prospects*, 2020, iss. 15, no. 2, pp. 371—376. — In Russ.)
- Лем С. Роботофилия // Лем С. Дилеммы XXI века. М.: АСТ, 2021. С. 361—363.
(Lem S. *Robotophilia*, in Lem S. *Dilemmas of the 21st century*, Moscow, 2021, pp. 361—363. — In Russ.)
- Селф-компетенции как «философский камень». URL: <https://news.tsu.ru/projects/word-to-the-rector/self-kompetentsii-kak-filosofskiy-kamen/> (дата обращения: 10.03.2023)
(Self-competence as a “philosopher’s stone”. — In Russ.)

- Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство — СПб, 2010. 704 с.
(Lotman Yu.M. Semiosphere, St. Petersburg, 2010, 704 p. — In Russ.)
- Лысак И.В. Hi-hume технологии и последствия их применения // Современные исследования социальных проблем. 2010. № 4 (04). С. 259—263.
(Lysak I.V. Hi-hume technologies and consequences of their application, *Modern research of social problems*, 2010, no. 4 (04), pp. 259—263. — In Russ.)
- Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. М.: Мол. гвардия, 1990. 351 с.
(Moiseev N.N. Man and the noosphere, Moscow, 1990, 351 p. — In Russ.)
- Переписка В.И. Вернадского и П.А. Флоренского // Новый мир. 1989. № 2. С. 194—203.
(Correspondence of V.I. Vernadsky and P.A. Florensky, *Novyi Mir*, 1989, no. 2, pp. 194—203. — In Russ.)
- Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1980. 312 с.
(Peccei A. Human quality, Moscow, 1980, 312 p. — In Russ.)
- Плеснер Х. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 368 с.
(Plessner H. Stages of the Organic and Man: An Introduction to Philosophical Anthropology, Moscow, 2004, 368 p. — In Russ.)
- Смирнов Г.С. Ноосферное сознание и ноосферная реальность: философские проблемы ноосферного универсума. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1998. 244 с.
(Smirnov G.S. Noospheric consciousness and noospheric reality: philosophical problems of the noospheric universe, Ivanovo, 1998, 244 p. — In Russ.)
- Смирнов Г.С., Смирнов Д.Г. Ипостаси ноосферной истории // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Т. 3. № 1. С. 21—28.
(Smirnov G.S., Smirnov D.G. Hypostases of noospheric history, *News of higher educational institutions. Series: Humanities*, 2012, vol. 3, no. 1, pp. 21—28. — In Russ.)
- Смирнов Д.Г. Семиософия ноосферного универсума: ноосфера и семиосфера в глобальном дискурсе Иваново: ИвГУ, 2008. 370 с.
(Smirnov D.G. Semiosophy of the noospheric universe: noosphere and semiosphere in the global discourse, Ivanovo, 2008, 370 p. — In Russ.)
- Смирнов Д.Г. Ноосферная идея и ноосферная история: введение в универсумную клиософию. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012. 250 с.
(Smirnov D.G. Noospheric idea and noospheric history: an introduction to universum cliosophy, Ivanovo, 2012, 250 p. — In Russ.)
- Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: Наука, 1997. 240 с.
(Teilhard de Chardin P. *The Phenomenon of Man*, Moscow, 1997, 240 p. — In Russ.)
- Шелер М. Философское мировоззрение // Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994а. С. 3—14.
(Scheler M. Philosophical outlook, *Scheler M. Selected works*, Moscow, 1994a, pp. 3—14. — In Russ.)
- Шелер М. Человек и история // Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994б. С. 70—97.
(Scheler M. Man and history, *Scheler M. Selected works*, Moscow, 1994b, pp. 70—97. — In Russ.)
- Шелковая Н.В. От Homo sacralis к Hi-tech homo // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». 2012. Т. 24 (65). № 1—2. С. 18—27.

(Shelkovaya N.V. From Homo sacralis to Hi-tech homo, *Uchenye zapiski Taurida National University im. V.I. Vernadsky. Series: Philosophy. Culture. Political science. Sociology*, 2012, vol. 24 (65), no. 1—2, pp. 18—27. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 24.11.2022; одобрена после рецензирования 24.01.2023; принята к публикации 27.03.2023.

The article was submitted 24.11.2022; approved after reviewing 24.01.2023; accepted for publication 27.03.2023.

Информация об авторах / Information about authors

Меликян Мерине Акоповна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, melikyanma@ivanovo.ac.ru

Melikyan Merine Akopovna — Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor of the Philosophy Department, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, melikyanma@ivanovo.ac.ru

Смирнов Дмитрий Григорьевич — доктор философских наук, заведующий кафедрой философии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, smirnovdg@ivanovo.ac.ru

Smirnov Dmitry Grigorievich — Doctor of Sciences (Philosophy), Head of the Philosophy Department, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, smirnovdg@ivanovo.ac.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2. С. 183—189.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 2. P. 183—189.

Научная статья

УДК 165

DOI: 10.46726/И.2023.2.19

ОТКРЫТОСТЬ КАК КОГНИТИВНАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ

Александра Асановна Элбакян

Институт философии, РАН, Москва, Россия, alexandra@dns.cymru

Аннотация. В фокусе внимания автора — феномен открытости в дискурсе теории ценностей. Показано, что проблема открытого доступа к научным знаниям является одной из самых обсуждаемых за последние двадцать лет. Постулирована недостаточность ее осмысления с точки зрения эпистемологии и философии науки. Раскрыта взаимосвязь феномена открытости знания и истории движения открытого доступа. Установлено, что классический подход к пониманию открытости в философии науки, связанный с именем К. Поппера и концепцией критического рационализма, не является адекватным инструментом для анализа феномена открытой науки в отличие от концепции А. Штейнзальца, которая рассматривает открытое знание как коллективное в своей сути. Обосновано, что открытость является необходимой предпосылкой рациональности и может рассматриваться как одна из ценностей современной науки. Сделан вывод, что она выступает одновременно как когнитивная, или эпистемическая, так и социально-политическая ценность.

Ключевые слова: открытый доступ, открытая наука, рациональность, эпистемическая ценность, Карл Поппер, Владимир Швырёв

Для цитирования: Элбакян А.А. Открытость как когнитивная и социальная ценность // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2. С. 183—189.

Original article

OPENNESS AS A COGNITIVE AND SOCIAL VALUE

Alexandra A. Elbakyan

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, alexandra@dns.cymru

Abstract. The author focuses on the phenomenon of openness in the discourse of the theory of values. It is shown that the problem of open access to scientific knowledge is one of the most discussed over the past twenty years. The insufficiency of its comprehension from the point of view of epistemology and philosophy of science is postulated.

© Элбакян А.А., 2023

2023. Вып. 2 •

The relationship between the phenomenon of the openness of knowledge and the history of the open access movement is revealed. It has been established that the classical approach to understanding openness in the philosophy of science, associated with the name of K. Popper and the concept of critical rationalism, is not an adequate tool for analyzing the phenomenon of open science, in contrast to the concept of A. Steinsaltz, which considers open knowledge as collective in its essence. It is substantiated that openness is a necessary prerequisite for rationality and can be considered as one of the values of modern science. It is concluded that it acts simultaneously as a cognitive, or epistemic, and socio-political value.

Keywords: open access, open science, rationality, epistemic value, Karl Popper, Vladimir Shvyrev

For citation: Elbakyan A.A. Openness as a cognitive and social value, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 2, pp. 183—189.

Введение. В современной науке в последние двадцать лет активно обсуждается тема открытого доступа к научным знаниям [Московкин]. Речь идет о том, что любой человек должен получить возможность бесплатно читать научные журналы. Открытый доступ следует понимать как отсутствие финансовых барьеров, которые могут препятствовать свободному получению и распространению научных знаний.

Отправной точкой дискуссии об открытом доступе в науке стал так называемый «кризис журналов», который случился в 1980-х годах и был связан с резким ростом цен на научные журналы: его почувствовали библиотеки даже самых обеспеченных университетов [Guédon]. Кризис привел к появлению движения за открытую науку, которое охватило десятки тысяч исследователей: среди наиболее известных представителей можно назвать медика и нобелевского лауреата Вармуса [Marshall] или физика Гинспарга¹ [Ginsparg].

Активисты движения стали рассматривать ограниченный доступ к научным знаниям не просто как экономическую проблему, а как противоречие основным принципам научной этики, которое препятствует научному прогрессу. В целом движение за открытый доступ является одним из самых ярких феноменов современной науки, который вместе с тем не получает достаточного осмысления с точки зрения философии познания. Настоящая работа призвана восполнить данный пробел, исследовать эпистемологический смысл понятия «открытости».

Открытость: классический подход. В философии понятие «открытости» традиционно ассоциируется с именем Карла Поппера, который является одной из самых влиятельных фигур в философии науки XX в. и создателем концепции критического рационализма. Согласно Попперу, научный прогресс совершается путем непрерывного процесса критики существующих теорий, в результате чего ошибочные представления отбрасываются, а вместо них выдвигаются новые гипотезы. Таким образом, критика является ключевым компонентом научного познания. На основе этой идеи Поппер создал социально-политическую концепцию, которую изложил в работе «Открытое общество и его враги». Ключевой особенностью закрытого, или традиционного, общества является то, что его законы и нормы абсолютны: они не подлежат критике, их нельзя отбросить или изменить. В таком обществе принципиально возможна только одна верная точка зрения и отсутствует свобода мысли.

¹ Пол Гинспарг — бывший сотрудник Лос-Аламосской национальной лаборатории США, которая занимается разработкой ядерного оружия.

Открытые общества, в отличие от закрытых, исходят из того, что любая общественная норма, закон или табу здесь могут подвергаться критике, возможен плюрализм мнений. Такие общества меняются и развиваются.

Таким образом, открытость у Поппера понимается как *возможность критики и изменения взглядов, точек зрения, теорий под воздействием этой критики*. Такое понимание открытости является очень распространенным — например, в современной психологии открытость рассматривается как черта характера и означает восприимчивость личности к новым идеям, особенно противоположным [McCrae].

На классическую концепцию открытости опирается и отечественный философ Владимир Швырев в своей работе «Рациональность как ценность культуры» [Швырев; Элбакян 2022]. Согласно Швыреву, существуют два типа рациональности: открытая и закрытая. В науке чаще всего действует закрытая рациональность: она подразумевает мышление в рамках определенной картины мира, теории или концепции. Исходные предпосылки мышления в этом случае не подвергаются критической рефлексии. Разрушение рационального начала происходит, когда они начинают рассматриваться как безусловные истины. Открытая же рациональность, или рациональность «на высоте её возможностей», предполагает установку на критическую рефлексию над любыми теориями, парадигмами и картинами мира, их совершенствование и развитие вплоть до отказа от одних предпосылок и замены другими. Только в этом случае возможно непрерывное развитие и расширение горизонтов постижения реальности. Дух критицизма и открытости — это то, что отличает науку и рациональное мышление от других форм сознания [Швырев: 51].

Несмотря на это, классическая концепция открытости Поппера не подходит для анализа феномена открытого доступа в современной науке, поскольку, как легко заметить, имеет совершенно другой смысл. Этот второй смысл открытости будет рассмотрен далее.

Открытость и коллективизм. В 2001 г. профессор Ханкенской Школы Экономики в Финляндии Бьорк Бо-Кристер опубликовал работу с названием «Открытый код, открытая наука и открытые курсы», речь в которой шла о том, что революционная технология Интернета позволяет обмениваться информацией с минимальными затратами [Björk]. Говоря об *открытой науке*, Бьорк отмечает, что на протяжении нескольких веков в основе научного процесса была открытая публикация новых результатов с последующей их критикой и цитированием. Однако к концу XX в. научные публикации стали контролировать крупные коммерческие издательства, и цена подписки очень сильно выросла. В результате появилось некое движение в науке, которое на момент написания статьи еще не имело названия или ярко выраженного лидера. Участники этого движения — это ученые-идеалисты, к которым автор статьи относит и самого себя. Их задача — использовать Интернет для того, чтобы вернуться к изначальной, свободной модели научных публикаций, а не коммерческой. «Все могут согласиться, что бесплатный доступ к научным публикациям в Интернете был бы идеален для ученых» [Там же: 15], — утверждает Бьорк. Здесь термином «открытая наука» автор обозначает *свободный, бесплатный доступ к информации, опубликованной в научных журналах*. А движение, о котором писал Бьорк, позже получило название «движение открытого доступа»².

² Одним из наиболее важных событий в истории движения открытого доступа стала конференция в Будапеште (2001), организованная фондом «Открытое

Открытость здесь означает доступность научного знания для всех, и никак не связана с теорией критического рационализма Поппера. Однако и в этом случае открытость является необходимым компонентом научного знания и рациональности в целом, как показывает в своей работе «Социология невежества» Адин Штейнзальц. Она посвящена диалектике открытого и закрытого знания в истории. Переставая быть открытым, знание перестает быть и рациональным, так как, по Штейнзальцу, рационализм есть не более чем форма существования идеала открытого знания. Этот идеал нашел свое выражение в древнегреческой и древнееврейской культуре.

Штейнзальц отталкивается от постулата о намеренном невежестве, которое создается искусственно и, будучи укоренено в социальной и культурной структуре общества, заставляет исключить определенные области и объекты знания из числа того, что может быть известно каждому. Напротив, «открытое знание — это не только такое знание, доступ к которому открыт для всех членов общества. Открытое знание отличается тем, что критерии суждения (то есть те критерии, посредством которых мы устанавливаем, что одна информация находится в границах приемлемого знания, а другая выходит за эти границы или же не заслуживает внимания) общедоступны, известны всем и открыты для критики тех, кто этим знанием обладает» [Штейнзальц, Функенштейн: 29]³.

Таким образом, открытому доступу в науке соответствует социальное или коллективистское определение открытости, которое не просто отличается от классического определения Поппера, но и противоречит ему — как известно, английский философ считал коллективистские общества закрытыми. Более того, исследователи отождествляют открытый доступ с мертоновской нормой «коммунизма» [Triggle]. Но и в этом случае открытость является необходимым условием рациональности.

Открытость как ценность науки. Безотносительно к тому, как мы определяем открытость, её можно рассматривать как одну из ценностей современной науки. На сегодняшний день опубликовано большое количество работ на тему ценностей в науке. Из наиболее авторитетных авторов тематикой ценностей занимались Томас Кун, Ларри Лаудан. При этом многие авторы проводят различие между когнитивными или эпистемическими / эпистемологическими ценностями, с одной стороны, и социально-политическими или идеологическими — с другой [Radder], хотя это разделение и является довольно спорным [Elliott]. К социально-политическим ценностям можно причислить экономическое развитие, социальную справедливость, защиту окружающей среды. Кун к эпистемическим ценностям относил простоту и элегантность научной теории.

К какой категории ценностей можно отнести открытость? Свободный доступ к научным знаниям для всех людей можно рассматривать как выражение социальной справедливости; кроме того, одним из аргументов для обоснования открытого доступа является ускоренное экономическое развитие [Элбакян 2021]. Поэтому открытость, безусловно, относится к социально-политическим

общество» (признан в России нежелательной организацией) Джорджа Сороса, который был учеником и последователем Поппера [Kaesler].

³ Надо отметить, что Штейнзальц был не профессиональным философом, а еврейским раввином, поэтому его концепция в целом неизвестна для современных специалистов в философии науки — хотя она представляется верной.

ценностям. В то же время открытость, понимаемая как основа рациональности, относится одновременно и к когнитивным ценностям.

Специалист по теории коммуникации Скотт Джейкобс определяет открытость как одну из главных ценностей в теории аргументации [Jacobs]. Однако само понятие открытости неоднозначно: в литературе оно употребляется в двух разных смыслах. В первом случае открытость «подразумевает готовность рассматривать альтернативные точки зрения, <...> готовность принимать критику, тщательно рассматривать предмет со всех сторон, поощрять усилия по фальсификации <...> — это свобода мысли» [Jacobs: 149]. Во втором случае открытость «означает что-то вроде открытого доступа к процессу принятия решений в обществе, <...> готовность включить в процесс все заинтересованные стороны, <...> терпимость к социальным различиям, установку на приятие и поощрения социального разнообразия <...> — это свобода участия» [Там же]. Несмотря на то, что автор рассматривает открытость не в масштабах науки в целом, а только лишь в рамках теории аргументации, а под «открытым доступом» имеет в виду не свободный доступ к научным журналам, а привлечение как можно большего числа участников к обсуждению какой-либо проблемы — в целом различие двух смыслов открытости полностью соответствует тому, что приводится в данной статье.

Согласно Джейкобсу, в первом случае открытость является эпистемической ценностью, поскольку направлена на то, чтобы найти как можно больше новых истинных убеждений и уменьшить количество убеждений ложных. Во втором случае не поиск истины, а социальная справедливость является главным приоритетом, поэтому открытость становится социально-политической ценностью. Проводимое автором различие хоть и не лишено смысла, но все же представляется фундаментально неверным хотя бы потому, что критическая открытость Поппера несет довольно сильную социально-политическую нагрузку, и в большинстве случаев понимается как право свободно критиковать государственные и политические институты.

В свою очередь, открытость доступа также имеет эпистемическую значимость. Так, она является необходимой предпосылкой рациональности, как показывает Штейнзальц. Но с этим согласен и Джейкобс, отмечая, что аргументация имеет социальную природу: «если аргумент звучит убедительно для одного человека, он должен быть таким для всех». Более того, открытость доступа подразумевает критическую открытость: «открывая обсуждение для как можно большего числа людей, мы увеличиваем разнообразие точек зрения, получаем более широкий спектр возражений, критики, опровержений, и в целом увеличиваем шансы на то, чтобы найти как ошибку, так и лучшее решение» [Там же: 151]. Несмотря на это, автор отказывается этому варианту открытости в статусе эпистемической ценности; судя по всему, он обосновывает это тем, что хотя открытость в данном случае и имеет эпистемические последствия, они не являются главным мотивом. Иными словами, согласно Джейкобсу, стремление включить в обсуждение какого-либо вопроса как можно большее число людей никак не связано со стремлением установить истину в данном вопросе. Очевидно, что это будет верно далеко не во всех случаях. Если же говорить об открытом доступе к научной литературе, то получение нового научного знания связано с ним напрямую, поскольку новые научные достижения всегда делаются с опорой на предыдущие, то есть «стоя на плечах гигантов».

Заключение. Можно говорить о двух смыслах открытости в современной науке. В то время как классическое определение связано с теорией критического рационализма Поппера, современное движение открытого доступа очевидно опирается на иное понимание открытости, которое не только отличается, но и в определенном смысле противоречит идеям Поппера. Если концепция Поппера связана с либеральной политической идеей, то идеалы движения открытого доступа гораздо больше близки к социалистическим. Несмотря на это, и в том и в другом случае открытость отождествляется с рациональностью. Открытость является одной из главных ценностей современной науки, причем она выступает одновременно и социальной, и когнитивной ценностью, то есть является универсальной: это ценность, которая может стать основой для построения разумного и справедливого общества.

Список литературы / References

- Московкин В.М. Развитие формальных научных коммуникаций в условиях экспоненциального роста знаний и цифровой революции // Международный форум по информации. 2008. Т. 33. № 2. С. 6—11.
(Moscowkin V.M. Development of formal scientific communications in the context of exponential growth of knowledge and digital revolution, *International Forum on Information*, 2008, vol. 33, no. 2, pp. 6—11. — In Russ.)
- Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры. М.: Прогресс-традиция, 2003. 173 с.
(Shvyrev V. S. Rationality as the value of culture, Moscow, 2003, 173 p. — In Russ.)
- Штейнзальц А., Функенштейн А. Социология невежества. М.: Институт изучения иудаизма в СНГ, 1997. 166 с.
(Steinsaltz A., Funkenstein A. The sociology of ignorance, Moscow, 1997, 166 p. — In Russ.)
- Элбакян А.А. Две концепции открытой рациональности // Идеи и идеалы. 2022. Т. 14, № 1, ч. 1. С. 117—129.
(Elbakyan A.A. Two conceptions of open rationality, *Ideas & Ideals*, 2022, vol. 14, no. 1, pt. 1, pp. 117—129. — In Russ.)
- Элбакян А.А. Открытый доступ к результатам научных исследований как драйвер инновационного развития // Человек и его время: Проблемы междисциплинарности социальных и гуманитарных наук. М.: Культурная революция, 2021. С. 301—318.
(Elbakyan A.A. Open access to the results of scientific research as a driver behind innovation growth, *Man and his time: Issues of interdisciplinarity in social sciences and humanities*, Moscow, 2021, pp. 301—318. — In Russ.)
- Elliott K.C. *Values in Science*, New York: Cambridge University Press, 2022, 75 p.
- Jacobs S. Two conceptions of openness in argumentation theory, ed. by Eemeren F.H., J. Blair A., Willard Ch. A., etc. *Anyone who has a view*, Dordrecht: Springer, 2003, pp. 147—155.
- Radder H. Rethinking science and values, *International Studies in the Philosophy of Science*, 2010, vol. 24, no. 1, pp. 107—114.
- Björk B. Open Source, Open Science, OpenCourseWare, *Architectural Information Management (19th eCAADe Conference Proceedings)*, Helsinki, 2001, pp. 13—17.

- Ginsparg P. Open Access: From Myth to Paradox: a public lecture. Bern, November 11, 2008.
- Guédon J. Open Access Archives: from scientific plutocracy to the republic of science, *IFLA Journal*, 2003, vol. 29, no. 2, pp. 129-140.
- Kaesler D. Sir Karl Popper and George Soros: Way Stations and Mirror Images of a Relationship, *Society*, 2021, vol. 58, no. 6, pp. 478—482.
- Marshall E. Varmus defends E-biomed proposal, prepares to push ahead, *Science*, 1999, vol. 284, no. 5423, pp. 2062—2063.
- McCrae R.R. Openness to experience as a basic dimension of personality, *Imagination, Cognition and Personality*, 1993, vol. 13, no. 1, pp. 39—55.
- Triggle C.R., Triggle D.J. From Gutenberg to open science: An unfulfilled odyssey, *Drug development research*, 2017, vol. 78, no. 1, pp. 3—23.

Статья поступила в редакцию 24.11.2022; одобрена после рецензирования 24.01.2023; принята к публикации 27.03.2023.

The article was submitted 24.11.2022; approved after reviewing 24.01.2023; accepted for publication 27.03.2023.

Информация об авторе / Information about the author

Элбакян Александра Асановна — аспирант, Институт философии Российской академии наук, г. Москва, Россия, alexandra@dns.cymru

Elbakyan Alexandra Asanovna — Postgraduate student, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, alexandra@dns.cymru

РЕЦЕНЗИЯ

REVIEW

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2. С. 190—197.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 2. P. 190—197.

Рецензия

УДК 81'27

DOI: 10.46726/И.2023.2.20

ГАБИТУС КАК ОСНОВА КУЛЬТУРНОГО, НАУЧНОГО И СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Рец. на кн.: Лингвокультурное и коммуникационное пространство человека: (к юбилею профессора Фаины Иосифовны Карташковой): коллектив. моногр. / отв. ред. Е.А. Вансяцкая. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2022. 256 с.

Константин Михайлович Денисов

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
г. Москва, Россия, megy-go-round71@mail.ru

Ольга Михайловна Карпова

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,
olga.m.karпова@mail.ru

Аннотация. Вниманию читателей предлагается рецензия на коллективную монографию «Лингвокультурное и коммуникационное пространство человека (к юбилею профессора Фаины Иосифовны Карташковой)». В рецензии подчеркнут многоплановый характер работы, включающей исследования авторов из различных вузов России, в том числе работы членов НОЦ «Лаборатория коммуникативного поведения человека» при Ивановском государственном университете, посвящённые теоретическим и экспериментальным исследованиям в области актуальных проблем современной лингвистики. Отмечено, что коммуникативное поведение человека рассматривается в монографии на материале различных лингвокультур с учетом гендерных и коммуникативно-прагматических факторов.

Ключевые слова: коммуникативное поведение, косвенная номинация, социокультурный феномен, гендер, лингвокультурный, дискурс

Для цитирования: Денисов К.М., Карпова О.М. Габитус как основа культурного, научного и социального взаимодействия // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 2. С. 190—197. *Рец. на кн.: Лингвокультурное и коммуникационное пространство человека: (к юбилею профессора Фаины Иосифовны Карташковой): коллектив. моногр. / отв. ред. Е.А. Вансяцкая. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2022. 256 с.*

© Денисов К.М., Карпова О.М., 2023

2023. Вып. 2 •

Review

HABITUS AS A BASIS OF CULTURAL, SCIENTIFIC AND SOCIAL INTERACTION

Book review: Linguocultural and communicative space of a person: (Devoted to Professor F.I. Kartashkova's jubilee),

ed. by E.A. Vansjatskaya, Ivanovo: Ivanovo State University, 2022, 256 p.

Konstantin M. Denisov

Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russian Federation, merry-go-round71@mail.ru

Olga M. Karpova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, olga.m.karpova@mail.ru

Abstract. The readers are presented with a review of the collective monograph “Linguocultural and communicative space of a person (devoted to Professor F.I. Kartashkova’s jubilee)”. The review underlines the diversity of the covered topics, which includes research results, carried by scholars from different Russian higher educational institutions, as well as “Laboratory of Person’s Communicative Behavior” from Ivanovo State University, devoted to theoretical and experimental studies of modern linguistics. Communicative person’s behaviours is seen through different linguocultures, gender and communicative-pragmatic factors.

Keywords: communicative behaviour, indirect naming, sociocultural phenomenon, gender, linguocultural, discourse

For citation: Denisov K.M., Karpova O.M. Habitus as a basis of cultural, scientific and social interaction. *Book review: Linguocultural and communicative space of a person: (Devoted to Professor F.I. Kartashkova’s jubilee)*, ed. by E.A. Vansjatskaya, Ivanovo: Ivanovo State University, 2022, 256 p., *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 2, pp. 190—197.

Рецензируемая коллективная монография «Лингвокультурное и коммуникационное пространство человека» посвящена юбилею профессора Ф.И. Карташковой — организатора и бессменного руководителя Лаборатории коммуникативного поведения человека при Ивановском государственном университете. Огромный опыт научной, педагогической и просветительской работы (персональный габитус) и организаторская энергия Фаины Иосифовны снискали ей глубокое уважение многих коллег в разных уголках нашей страны и мира. Авторы данной рецензии знают Фаину Иосифовну уже много лет и присоединяются к выражению восхищения ее подвижническому служению науке.

Издание подготовлено коллективом из 24 авторов — сотрудников научно-образовательного центра «Лаборатория коммуникативного поведения человека» ИвГУ, а также их коллег — ведущих ученых из Владимира, Иванова, Москвы, Санкт-Петербурга, Твери и Тулы и включает три самостоятельных раздела.

Монография открывается Предисловием, написанным Ф.И. Карташковой. В нем профессор Карташкова заостряет внимание читателя на проблемах речевой и невербальной форм деятельности человека в ракурсе его взаимодействия с другими людьми в социокультурном пространстве. Концептуальная целостность данного научного издания обеспечивается единым методологическим подходом к описанию различных форм и формул взаимодействия членов того или иного этноса в лингвокультурном и коммуникационном пространстве.

Первый раздел «Лингвокультурное пространство человека» открывается главой Г.Е. Крейдлина и Е.С. Листратовой «Общие и национально-специфические черты телесных объектов (по данным фразеологии двух языков: испанского и русского)». В работе на примере испанских и русских фразеологизмов (фразеологических соматизмов) со словами “corazón” и «сердце» рассматриваются некоторые особенности семантической концептуализации сердца, то есть характерологические черты образа этого объекта у обычных носителей данных языков. Исследование структурных признаков различных телесных объектов, сопряженных с сердцем, в разных языках и культурах вскрывает новые и оригинальные вербальные и невербальные аспекты поведения этих объектов, что авторы и установили, проиллюстрировав данное положение многочисленными примерами из русского и испанского языков.

Вторая глава первого раздела «Прагматическое коммуникативное поведение: механизмы, приемы, оценка (на материале комедии А.Н. Островского “На всякого мудреца довольно простоты”)». По мнению автора, профессора Д.А. Романова, коммуникативные модели, воплощенные в художественном тексте, эквивалент действительных коммуникативных моделей, компрессионных в речи героев и авторском нарративе. Реалистическая драматургия А.Н. Островского содержит богатейший материал для наблюдений за коммуникативным поведением представителей русского общества. Анализируя комедию «На всякого мудреца довольно простоты», Д.А. Романов подчеркивает, что главный герой пьесы Глузов выстраивает свою коммуникативную стратегию по бинарному принципу взаимодействия (в форме диалога с каждым отдельным персонажем), что приводит его к неудаче. Сама стратегия лишена возможности успеха, грозит разоблачением и приводит к крушению, когда сведения из парного общения становятся достоянием других коммуникантов. Далее автор главы рассматривает приемы, которые использует Глузов для достижения прагматических целей: подобострастие, самоуничижение, притворство, потворство и непротиворечие другим, желание казаться честным и бескорыстным, театральность, мимикрия, манипулирование мнением людей, умение склонять коммуникантов к выгодному для него поведению. Основами коммуникативного провала Глузова являются: безнравственность, нарушения принципа объективной меры прагматизма в поведении, отсутствие непрагматических ценностей. Коммуникативное поведение Глузова, заключает Д.А. Романов, может служить антипримером и предостережением для участников реальной коммуникации с элементами прагматической мотивации.

В третьей главе под заглавием «Символ как отражение быта и нравов народа носителя языка (на примере английского языка)» И.В. Куражова приводит толкование понятия «символ» ведущими отечественными философами и семиологами (А.Ф. Лосев, Ю.М. Лотман, А.Н. Портнов и др.). Символ трактуется как своеобразный медиатор между семиотической и внесемиотической реальностью. На примере зоонимов автор раскрывает появление эффекта стереотипности, связанного с тремя уровнями значения символа: обыденным, мифологическим и метафорическим (стереотипным). Наличие соответствующих метафорических выражений в той или иной лингвокультуре является дополнительным доказательством феноменологии того или иного символа. Человек строит свое мировосприятие и коммуникацию на основании культурных кодов, моделирующих этноцентрическую систему идей и ценностей и являющихся символическими по своей природе.

Четвертая глава «Семантические сближения в диахронии и косвенные номинации» (автор М.В. Пименова) повествует о сложности трактовки понятия косвенной номинации в диахронии. Профессор Пименова, отталкиваясь от трактовки косвенной номинации в диссертационном исследовании Ф.И. Карташковой, рассматривает дифференциальные признаки древнейших видов семантических сближений в диахронии (метонимии, эпитета, символа, сравнения, уподобления, перифраза, металепсиса и др.). Результатом действия этих значимых сближений является перенос наименований, предшествующих современным косвенным номинациям на основе метафоры и иронии. Анализ видов семантических сближений в диахронии представляет эволюцию выражения образности современных косвенных номинаций в связи со сменой концептуальных форм русской ментальности.

Пятая глава «Риторика коронавируса как социокультурный феномен» (авторы Ф.И. Карташкова, Е.А. Кольцова и А.О. Моравидзе) посвящена анализу лексического неопласта и установлению степени влияния коронавирусной пандемии на жизнь общества. Среди анализируемых на основе словарных толкований неологизмов этого периода авторы выделяют шесть тематических групп: 1) неологизмы, отражающие физиологические изменения человека; 2) имена лиц, у которых обнаружена болезнь; 3) неологизмы, обозначающие социальные явления; 4) неологизмы, отражающие психологическое состояние людей во время пандемии; 5) неологизмы, имплицитно связывающие инфекцию с политикой; 6) номинации в духе черного юмора и иронии. К семантическим особенностям коронавирусных неологизмов относят многозначность и наличие переносного значения. В главе содержится описание различных форм речевых актов, содержащих семантику оценки социального эффекта пандемии, а также некоторые невербальные символы и речевые жесты передачи эмотивного содержания. Подчеркивается весомый социальный и коммуникативный эффект переживаемого общественного потрясения.

Е.А. Шилова представляет шестую главу под названием «Волонтерский лексикографический мейнстрим: словари, онлайн справочники и медиабанки культурного наследия». Словарь рассматривается как хранитель языкового и культурного наследия нации. Отмечается роль интернета в популяризации лингвокультурологического материала. Автор рассказывает об истории создания мультимедийного толково-энциклопедического англоязычного словаря ассоциативного типа для гидов и туристов “Florence in the Works of World Famous People”, реализуемого с 2008 года в Ивановском госуниверситете как международный проект студенческой интеграции. В этом словаре, создаваемом студентами 14-ти российских и 5-ти зарубежных вузов, представлена уникальная информация. Словарь включает 200 статей о персоналиях, связанных с историей и культурой Флоренции, из 15 стран мира, в том числе и России. Базовая интегральная модель флорентийского словаря, описываемая в работе, легла в основу составления подобных справочников о локациях в России и за рубежом. Автор также описывает медиабанк культурного наследия России, содержащий видеоролики на английском языке, созданный в рамках Всероссийского проекта “iTravel: Russia”, реализуемого по инициативе НАПАЯЗ (Национальной ассоциации преподавателей английского языка) с 2018-го года для участия в нем школьной и студенческой молодежи. Цель этих и некоторых других инициатив — необходимость популяризации и сохранения культурных традиций, этнокультурного многообразия и самобытности народов.

Второй раздел рецензируемой монографии «Стратегии и тактики коммуникативной деятельности человека» открывается главой А.А. Романова и Л.А. Романовой «Габитус в коммуникативных практиках дискурсивной интеракции». Исследование посвящено описанию габитуса как когнитивно-дискурсивного феномена, играющего важную роль в процессе интерактивного обмена вербальными и невербальными действиями-практиками. Габитусные практики рассматриваются в соотношении с категориальными понятиями социального опыта и коммуникативной интенциональности. Оценивается значимость телесности и ментальности «другого» как участника дискурсивной интеракции. Термины: габитус, тезаурус и коммуникативная практика трактуются как основные компоненты дискурсивной интеракции по схеме: от социального, онтологического и ценностного опыта к коммуникативному действию посредством вербального и невербального каналов в соответствии с продуцируемой паттернальной картиной мира. Проведенный эксперимент по оценке телесных конфигураций показывает, что эта оценка обусловлена наличием архитектоники ментальных репрезентаций у испытуемых с различным возрастом и опытом.

Вторая глава второго раздела «Коммуникативные стратегии американских политических деятелей в интервью, посвященном украинскому вопросу» (авторы С.А. Маник и Ю.С. Якимук) посвящена проблеме формирования общественного мнения на Западе по столь актуальному вопросу, как украинский кризис, посредством явных и завуалированных коммуникативных стратегий и тактик высших представителей власти в центре принятия антироссийских решений — в США. Авторы подробно разбирают лингвистические реализации подобных коммуникативных стратегий и резонирующий ответ (“garpport”) средств массовой информации и пропаганды на эти провокационные шаги. Изучение современных стратегий политической коммуникации и способов их реализации дает возможность вскрыть наиболее эффективные рычаги оказания воздействия на массовую аудиторию в эпоху гибридных войн через цифровые информационные каналы.

Т.П. Третьякова и В.А. Спиридонова представляют третью главу с темой «Ироническая модальность в Интернет-коммуникации». В работе представлен функционально-семантический анализ примеров иронической модальности в современном новостном онлайн-комментарии, посвященном политической тематике. Под иронической модальностью понимается субъективная оценка, связанная с ценностной картиной участников коммуникации. Иронические высказывания — это стереотипные означающие или национальные эталоны иронических идеологем, способных либо разделять, либо объединять коммуникантов. Ироническая модальность Интернет-коммуникации получает следующие терминологические варианты: преирония — обычный мем, шутка; ирония — высмеивание обычных шуток; постирония — скрытая шутка с перевернутым смыслом; метаирония — ирония над постиронией или абсурд-ирония. Авторы демонстрируют процесс становления иронического содержания (ироникона) в рамках постиронии в результате интеграции эмоционально-оценочных и экспрессивных элементов в интродукции речевых актов советов, пожеланий и псевдо-похвалы.

В четвертой главе «Видовременная система английского глагола (коммуникативный аспект)» А.А. Григорян и А.Ю. Григорян на новом уровне продолжают дискуссию о видовременных особенностях английского глагола, начатую в отечественной англистике еще А.И. Смирницким и И.П. Ивановой.

В процессе анализа авторы предлагают разделить все множество английских глаголов на три категории: 1) «чистые» временные фактивные формы; 2) аспектуальные формы, связанные с развитием действия в высказывании; 3) модальные формы оценочного свойства. В связи с этим делением, в контексте предложения формы глагола выступают в виде коммуникативно-семантических доминант, предполагающих вынесение на первый план одной из категориальных сем, при периферийном обозначении иных, остающихся как бы на заднем плане. Следует подчеркнуть, что данный подход, на наш взгляд, является весьма продуктивным, приближающим нас к более точному пониманию специфики английской вербоцентрической модели на фоне универсальной («единой») грамматики индоевропейских языков.

Третий раздел монографии «Специфика невербального поведения человека» открывается главой Н.Б. Цибули «Роль интонации и невербальных средств в театральной концепции Е.Б. Вахтангова (когнитивный аспект)». В работе рассматривается театральная система Е.Б. Вахтангова, его концептуализация хронотопа, интонации и телесности. Следует заметить, что паравербальный потенциал интонации весьма богат. Недаром еще А.М. Пешковский как-то назвал ее звучащим жестом. Автор главы приходит к выводу о существовании особой театральной концептосферы, обладающей особым синкретизмом форм образного воплощения (кинесика, мимика, проксемика, костюм, голосовые модуляции и т. д.). Преобразующей силой сценической коммуникации являются когнитивные установки режиссеров, чутко реагирующих на изменение общей концептосферы в конкретный период времени.

Вторая глава Е.В. Малышевой «Полоролевой аспект реализации вербально-тактильных действий в контексте социальной интеракции». Исследование показывает, что посредством вербальных и невербальных (в частности, тактильных) средств диалогического общения выражается отношение не только к участникам данного процесса, но и маркируются определенные рамки социального и полоролевого поведения. Отмечается, что в англоязычном диалоге мужчина по отношению к женщине использует прикосновение чаще, чем женщина по отношению к мужчине. На основании анализа 1258 диалогических единств в сопровождении 1667 тактильных единиц, полученных методом сплошной выборки из произведений англоязычной литературы, выявлены следующие пропорции вербально-тактильных действий: мужчина-мужчина — 24 %; мужчина-женщина — 44 %; женщина-женщина — 7 %; женщина-мужчина — 25 %. Автор приходит к выводу, что на использование вербально-тактильных единиц в типовых речевых актах влияет не только определенный контекст эмоционально-обусловленных ситуаций диалогического общения, но и осознанный выбор партнером по общению вербально-тактильного действия, которое уместно в определенной ситуации диалогического взаимодействия.

Глава третья «Особенности невербальных компонентов коммуникации участников футбольного матча» (автор А.О. Моравидж) приурочена к прошедшему в Катаре чемпионату мира по футболу. В ней исследователь рассматривает наиболее распространенные невербальные компоненты коммуникации участников футбольного матча. Анализируются номинации фонационных (звукоизобразительных), тактильных, а также кинетических действий игроков в специфической ситуации спортивно-игрового дискурса. Приводятся примеры наиболее частотных языковых коррелятов невербальных действий футболистов, встречающихся в текстах спортивной тематики,

выводятся закономерности их выбора и использования. Динамический характер игры ставит глагольные имена в положении ядерного компонента. Другие компоненты расчлененной номинации дополняют акциональное значение глагола и передают нюансы эмоционального состояния действия в момент его выполнения, раскрывая модальность номинации, отношение номинанта к игроку и невербальному действию в целом.

А.А. Князева представляет результаты своего исследования в четвертой главе «Невербальное поведение человека в ситуациях флирта». На основе анализа англоязычных литературных текстов автор описывает ситуации флирта, разбивая их на стадии или этапы от целеполагания через коммуникативные действия (этап завязывания отношений, этап сближения) к результату, подробно рассматривая и трактуя лексико-синтаксические маркеры каждого из этапов. Материал исследования показал, что поведение инициатора флирта (мужчины) разнообразно выражается различными НВК. Поведение адресата (женщины) менее разнообразно и сводится, в основном, к эмоциональным реакциям смущения и волнения, которые, впрочем, меняются под влиянием инициатора мужчины.

Пятая глава третьего раздела «Особенности языковой репрезентации психофизиологической реакции дрожи в русском художественном тексте и его переводе на английский язык» (автор В.В. Ганина) посвящена одному из видов неконтролируемого невербального поведения человека. Автор выявляет наиболее распространенные номинации психофизиологической реакции дрожи в русском тексте романа Ф.М. Достоевского «Идиот» и устанавливает видовое разнообразие подобных реакций. Известно, что наиболее сложным моментом в переводе русского психологического романа (Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев и др.) на английский язык является момент душевного состояния героев. Хрестоматийным является пример непереводаемого русского концепта «душа болит». Тем более интересен сопоставительный анализ языковых репрезентаций дрожи в некоторых версиях перевода романа на английский язык с его русским текстом.

Шестая глава К.А. Врыгановой «Маскировка эмоций в художественном тексте (особенности языковой репрезентации)» повествует о языковой репрезентации эмоций, которые могут подвергаться маскировке. Рассматриваются ситуации успешной маскировки и ситуации дешифровки эмоций реципиентом. По данным исследователя, наиболее часто маскировке подвергаются: гнев, ярость, ненависть, раздражение, волнение, страх, ужас, грусть, отчаяние, огорчение и смущение (в порядке убывания). Как видно, это в основном отрицательные и некоторые амбивалентные эмоции. Доминирующим видом маскировочного НВК является фонационный, а также его сочетания с мимическим, миремическим, респираторным и пантомимическим НВК. Языковые способы описания фонационного НВК — это глаголы, часто в сочетании с наречиями, а также словосочетания с существительными “voice” или “tone”.

Седьмая глава Е.А. Ваняцкой «Особенности неконструктивного коммуникативного поведения младшего школьника (на материале англоязычной художественной литературы для детей)» посвящена рассмотрению основных способов репрезентации агрессивного поведения младших школьников с помощью невербальных компонентов в коммуникации различных видов. Автор обращается к теме речевой агрессии, которая трактуется как использование языковых средств выражения неприязни, враждебности, а также как манера речи, оскорбляющая чье-либо самолюбие, достоинство. В исследовании

проводится четкая причинно-следственная связь, которая приводит к некооперативному поведению. Основной вывод заключается в том, что ребенок младшего школьного возраста в ситуациях конфликта не обладает достаточным опытом в нахождении конструктивных способов его разрешения. Эти неудачи затрудняют коммуникативные практики и отражаются в симптоматичных речевых и невербальных формулах.

Завершает третий раздел и всю монографию глава молодого исследователя Н.А. Савиной «Невербальные знаки в англоязычной печатной рекламе и способы их воздействия (гендерный аспект)». Автор рассматривает невербальные знаки, характерные для англоязычной печатной рекламы, с точки зрения их структуры и коммуникативной направленности, а также создание ими ответственного эффекта совместно с вербальной составляющей, усиливающей манипулятивное воздействие на потребителя. В работе рассматривается вопрос распределения данных видов рекламы между гендерными группами, которое зависит от так называемых знаков-манекенов феминного и маскулинного свойства, а также от их сочетаний со знаками-предметами, поскольку они содержат конкретный (мужской либо женский) образ, дополняющий изображение рекламируемого продукта.

В заключение необходимо отметить, что в коллективной монографии «Лингвокультурное и коммуникационное пространство человека» представлена лишь небольшая часть творческих личностей, составляющих круг научного и человеческого общения профессора Ф.И. Карташковой. Если бы можно было, отбросив сослагательность наклонения, представить всех коллег — как ныне здравствующих, так и ушедших от нас, то этот сборник превратился бы в многотомное издание, действительно отражающее лингвокультурное и коммуникационное пространство этого замечательного ученого и человека.

Статья поступила в редакцию 11.01.2023; одобрена после рецензирования 19.01.2023; принята к публикации 05.03.2023.

The article was submitted 11.01.2023; approved after reviewing 19.01.2023; accepted for publication 05.03.2023.

Информация об авторах / Information about authors

Денисов Константин Михайлович — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 2, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г. Москва, Россия, merry-go-round71@mail.ru

Denisov Konstantin Mikhailovich — Candidate of Science (Philology), Associate Professor of the Department of Foreign Languages № 2, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation, merry-go-round71@mail.ru

Карпова Ольга Михайловна — доктор филологических наук, профессор, руководитель научно-образовательного центра «Современная российская и европейская лексикография», Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, olga.m.karpova@mail.ru

Karpova Olga Mikhailovna — Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of Research-Educational Centre “Modern Russian and European Lexicography”, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, olga.m.karpova@mail.ru

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**
Серия «Гуманитарные науки»
2023. Вып. 2

12+

директор издательства *Л.В. Михеева*
корректор *Е.Е. Андреянова*
технический редактор *И.С. Сибирева*
компьютерная верстка *Т.Б. Земсковой*

Дата размещения на сайте 21.06.2023 г.

Формат 70 × 108¹/₁₆. Уч.-изд. л. 14,5. 5,40 МБ

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

**Вестник
Ивановского
государственного
университета**

Научный журнал

*Научный журнал
Гуманитарные науки*

Адресован преподавателям,
научным сотрудникам,
студентам вузов

Распространяется по предварительным заявкам и подписке

Освещает результаты
фундаментальных и прикладных исследований,
осуществляемых по гуманитарным наукам

Журнал основан в 2000 году

Выходит 4 раза в год